



ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

www.izvestia.komisc.ru

Серия
«Историческая демография»



Научный журнал

Основан в 2010 г.

Выходит девять раз в год.

В 2024 г. вышел дополнительный
специальный выпуск № 8 (74).

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки

Федеральный исследовательский центр

«Коми научный центр Уральского отделения

Российской академии наук»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 10 (76)

Серия «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ»

2024

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев

Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, д-р филос. (экон.) К. Борисова-Маринова (Болгария),
д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов,
д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев,
И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеевко,
д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалёв,
д.э.н. Л. А. Попова, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская, акад. РАН М. П. Рощевский,
д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А. Ф. Титов,
д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев,
д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «Историческая демография»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), д.и.н. В. Б. Жиromская (зам. ответственного редактора),
к.и.н. Н. М. Игнатова (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Вишнякова (ответственный секретарь),
д.и.н. Ю. В. Аргудяева, д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. М. Белавин, к.и.н. И. О. Васкул, д.и.н. А. Е. Загребин,
д.и.н. О. П. Илюха, д.и.н. В. А. Исупов, д.и.н. М. Е. Колесникова, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Е. Ф. Кринко,
д.и.н. Г. А. Куршева, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Лезте (Эстония),
д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А. Г. Мусанов,
д-р филос. Э. Надь (Венгрия), д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников, д.и.н. С. А. Прокопенко,
д.и.н. И. А. Разумова, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан),
д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. А. Ф. Старцев, к.и.н. М. В. Таскаев, д.э.н. В. В. Фаузер,
д.и.н. М. С. Черкасова, д.и.н. Ю. П. Шабает, д-р филос. М. Шмигель (Словакия)

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», 2024

Science Journal

Founded in 2010

Published 9 times a year

In 2024 an additional special issue № 8 (74) was published.

Established by

Federal State Budgetary

Institution of Science

Federal Research Centre

«Komi Science Centre, Ural Branch,

Russian Academy of Sciences»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 10 (76)

«HISTORICAL DEMOGRAPHY» series

2024

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Mitokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.-Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin, RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya,
RAS acad. M. P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A. F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of the series «Historical Demography»:

Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov (executive editor), Dr. Sci. (Hist.) V.B. Zhiromskaya (deputy executive editor),
Cand. Sci. (Hist.) N.M. Ignatova (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D.V. Vishnyakova (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) Yu.V. Argudyaeva, Dr. Sci. (Hist.) E.T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A.M. Belavin, Cand. Sci. (Hist.) I.O. Vaskul,
Dr. Sci. (Hist.) A.E. Zagrebin, Dr. Sci. (Hist.) O.P. Ilyukha, Dr. Sci. (Hist.) V.A. Isupov, Dr. Sci. (Hist.) M.E. Kolesnikova,
Dr. Sci. (Hist.) G.E. Kornilov, Dr. Sci. (Hist.) E.F. Krinko, Dr. Sci. (Hist.) G.A. Kursheva, Dr. Sci. S. Lallukka (Finland),
PhD D. Lozovanu (Moldova), PhD A. Leete (Estonia), Dr. Sci. (Hist.) M.A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus),
Cand. Sci. (Philol.) A.G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Hist.) P.Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I.V. Poberezhnikov,
Dr. Sci. (Hist.) S.A. Prokopenko, Dr. Sci. (Hist.) I.A. Razumova, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Repnevsky, RAS acad. V.N. Rudenko,
Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), Dr. Sci. (Hist.) A.V. Speransky, Dr. Sci. (Geogr.) V.I. Silin,
Dr. Sci. (Hist.) A.F. Startsev, Cand. Sci. (Hist.) M.V. Taskaev, Dr. Sci. (Econ.) V.V. Fauzer,
Dr. Sci. (Hist.) M.S. Cherkasova, Dr. Sci. (Hist.) Yu.P. Shabaev, PhD M. Shmigel (Slovakia)

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779

E-mail: journal@frc.komisc.ru

www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

© Federal State Budgetary Institution of Science

Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences", 2024

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration –
ПИИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Ткачёв Динамика численности населения Древнерусского государства (конец IX–начало XIII века)	5
Чжан Чжэньхао Миграция населения на Дальнем Востоке России в 1860-е годы	10
Тан Сижань Влияние внутренней демографической ситуации на Российскую империю в период европейской революции 1848 года	14
С. А. Попов Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов	18
Д. А. Коновалов Влияние внутренней политики на формирование национальной идентификации восточнославянского населения Австрии в 1840–1890-е годы	26
О. А. Куратов Отхожие промыслы крестьян Печорского уезда в начале XX века	33
Лю Сюань Демографический фактор влияния русской культуры на Северо-Восток Китая.....	38
А. И. Ажигулова Смертность на Южном Урале в 1930-е годы: мужское и женское население	42
Ю. С. Веремейчик Советские средства массовой информации 1960-х годов о демографической ситуации в странах Запада ...	47
Д. И. Узнародов Специфика трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии (2000–2021).....	52
И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер Всероссийская перепись населения 2021 года о расселении народов Кавказа на территории Республики Коми.....	60
Д. Д. Челпанова Социально-демографический портрет и особенности российских релокантов 2022–2024 годов (опыт пилотного социологического опроса)	71
В. В. Фаузер Теоретический вклад Леонида Рыбаковского в развитие северной демографии	79
А. И. Курицын Современная русскоязычная историография об отношении черносотенных организаций к государственной переселенческой политике в конце 1900-х–1910-е годы	87
Г. А. Петаченко Демографические процессы в СССР в период голода начала 1930-х годов: историография вопроса	92
К. А. Латышев Старообрядческая семья в СССР как объект историко-демографического изучения в постсоветской российской историографии	98
Рецензии	
О. В. Золотарёв История Коми в XVIII–начале XX века. 8–9 классы: учебное пособие для общеобразовательных организаций Республики Коми	106
События	
Н. М. Игнатова XII Международный симпозиум по исторической демографии, г. Сыктывкар, 4–6 июля 2024 года	109

CONTENTS

V. N. Tkachev Population dynamics of the Ancient Russian state (late IX – early XIII centuries)	5
Zhang Zhenhao Population migration in the Russian Far East in the 1860s.....	10
Tang Xiran Influence of the internal demographic situation on the Russian Empire during the European Revolution of 1848	14
S. A. Popov The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s.....	18
D. A. Konovalov The impact of domestic policy on the formation of national identification of the East Slavic population of Austria in the 1840-1890s.....	26
O. A. Kuratov Seasonal work of the Pechora Uyezd peasants in the early XX century.....	33
Liu Xuan Demographic factor of the influence of Russian culture in the Northeast of China.....	38
A. I. Azhigulova Mortality in the Southern Urals in the 1930s: male and female population.....	42
Yu. S. Veremeichik Soviet media of the 1960s on the demographic situation in Western countries.....	47
D. I. Uznarodov Specificity of transformation of the age structure of the Russian population of Estonia (2000-2021)	52
I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer 2021 All-Russian Population Census on the settling of the peoples of the Caucasus in the Komi Republic.....	60
D. D. Chelpanova Socio-demographic portrait and characteristics of Russian relocators 2022-2024 (experience of a pilot sociological survey)	71
V.V. Fauzer Leonid Rybakovsky's theoretical contribution to the development of Northern demography	79
A. I. Kuritsyn Modern Russian-language historiography on the attitude of the Black Hundreds organizations to the state resettlement policy in the late 1900s – 1910s	87
G.A. Petachenko Demographic processes in the USSR during the famine of the early 1930s: historiography of the problem.....	92
K.A.Latyshev Old Believer family in the USSR as an object of historical and demographic study in post-Soviet Russian historiography.....	98
Reviews	
O.V.Zolotarev History of Komi in the XVIII-early XX centuries. Grades 8-9: a textbook for educational organizations of the Komi Republic	106
Events	
N. M. Ignatova XII International Symposium on Historical Demography, Syktyvkar, July 4-6, 2024.....	109

Динамика численности населения Древнерусского государства (конец IX–начало XIII века)

В. Н. Ткачёв

г. Москва
v.tkachev@bk.ru

Аннотация

В статье предложен и реализован подход к определению вековой динамики роста населения Древнерусского государства с конца IX в. и до начала XIII в. Основой для построения динамики являются отдельные оценки численности населения, полученные в прежние годы рядом отечественных и зарубежных исследователей. Анализ этих оценок и принятых для их получения предположений позволил скорректировать имеющиеся результаты и получить недостающие данные для периодов времени, для которых такие оценки отсутствовали. В частности, впервые предпринята попытка определения численности населения в конце IX–начале X в. Полученные результаты показывают, что с первого века своего существования и до периода, предшествующего монгольскому нашествию, население Древнерусского государства увеличилось (с учетом прироста территории) в 3,1–3,8 раза. Средний темп прироста по векам составлял: в XII в. – около 50 %, в XI в. – около 30 и в X в. – около 70 %. В X в. основной прирост населения был обусловлен присоединением новых территорий. Непосредственно демографический прирост населения на сопоставимых территориях в этот период составлял 10–15 %.

Ключевые слова:

Древнерусское государство, демография, население, динамика роста

В дошедших до нас письменных источниках нет сведений о численности населения Древней Руси. Оценки могут быть получены только расчетным путем. Однако разработка и реализация методов расчетов, в свою очередь, ограничиваются отсутствием достаточных знаний о значениях многих необходимых для расчетов данных. Эти трудности приводят к тому, что работ, в которых авторы приводят собственные расчеты численности населения Древней Руси, относительно немного. Некоторые из результатов существенно разнятся, а все вместе они не охватывают значительные периоды из почти четырех веков существования Древнерусского государства. Как следствие, имеющиеся оценки не позволяют определить динамику и темпы роста численности населения, являющиеся важными фак-

Population dynamics of the Ancient Russian state (late IX – early XIII centuries)

V. N. Tkachev

Moscow
v.tkachev@bk.ru

Abstract

The paper proposes and implements an approach to determining the secular dynamics of population growth in the Ancient Russian state from the late IX to the early XIII century. The basis for constructing the dynamics are separate population estimates obtained in previous years by a number of domestic and foreign researchers. An analysis of these estimates and the assumptions used to obtain them made it possible to adjust the available results and obtain missing data for periods of time for which such estimates were not available. In particular, for the first time an attempt was made to determine the population size at the end of the IX – beginning of the X century. The results show that from the first century of its existence until the period preceding the Mongol invasion, the population of the Ancient Russian state increased (taking into account the increase in territory) by 3.1–3.8 times. The average growth rate over the centuries was: in the XII century – about 50%, in the XI century – about 30% and in the X century – about 70%. In the X century, the main population growth was due to the annexation of new territories. Directly, the demographic growth of the population in comparable territories during this period was 10–15%.

Keywords:

Ancient Russian state, demography, population, growth dynamics

торами при исследовании экономических аспектов развития Древней Руси.

Вместе с тем, укрупненную (вековую) динамику роста населения можно приближенно определить, если имеющиеся оценки рассматривать не как набор разрозненных, отдельно полученных результатов, а как взаимодополняющих. Разнообразие принятых авторами подходов, исходных данных, допущений уровней обобщения создают ту ситуацию, о которой говорили, обосновывая свои результаты, создатели «Атласа всемирной истории народов-населения» К. Макеведи и Р. Джонс: «...когда применяются все различные нечеткие подходы, обычно остается ответ, который является достаточно определенным в пределах порядка величины» [1, с. 10]. Для реализации такого под-

хода все примененные авторами методы расчетов (и, соответственно, полученные на их основе результаты) должны рассматриваться как равнозначные. Ни один из них априори не является более «правильным» по сравнению с другими. Предпочтения могут устанавливаться только на основе сопоставления всех имеющихся оценок и предположений, использованных для их получения. Такой подход ограничивает перечень работ только исследованиями, в которых авторы объясняют свой метод расчета и принятые допущения. Эти работы представлены в табл. 1, из которой видно, что на 1000-й год приходится четыре оценки. Из них два результата практически совпадают: Б. Ц. Урланис дает цифру в 4,5 млн, Х. Ловмянский – не менее 4,5 млн. Обе работы основаны на одинаковой предпосылке: в раннем средневековье люди могли прокормиться только тем, что они сами произвели или добыли, а главным пропитанием в обеспечении являлось земледелие. Так как при существовавших тогда технологиях каждой семье для ежегодного засева требовались значительные площади, то число людей, которые могли прокормиться на определенной территории, было ограничено.

Однако при общности исходной предпосылки использованные авторами методы расчета различаются. Б. Ц. Урланис исходит из средних показателей плотности населения, характерных для различных технологий земледелия (подсечная, переложная, двухпольная и т. д.). Предполагая, какой вид технологий земледелия преобладал в каждом регионе Руси, он определял численность населения в этом регионе. Только для обширных северных районов с очень низкой плотностью населения, где преобладали, в основном, промыслы, он опирался на показатели плотности населения, известные для более поздних веков [2]. Х. Ловмянский подходит к этому вопросу по-иному. Указывая на ненадежность данных по Руси, плотность ее населения в различных регионах он определяет на основе сопоставления с плотностью населения у соседей, использующих сходные технологии земледелия: Польши, Пруссии, Литвы, Латвии и Эстонии [3]. Одинаковый ре-

зультат, полученный исследователями из разных стран и на основе различных подходов, позволяет принять его как достаточно обоснованный. Можно также отметить, что свою оценку Х. Ловмянский повторил в своей другой работе, вышедшей почти через 30 лет [7].

Самая низкая оценка численности населения Руси в 1000 г. дана Дж. Русселлем – 2–3 млн. Он исходит из «единственной реальной подсказки»: «...в 1016 году Новгород имел армию численностью всего 3000 человек, которая с 1000 северянами (варягами) разгромила основную русскую армию под Киевом» [4, с. 100]. Эти цифры взяты из Новгородской первой летописи младшего извода [8]. Малочисленность войск двух основных городов Руси свидетельствует, по его мнению, о малочисленности населения. Представляется, что такой вывод требует более широкой доказательной базы. То, что оценка Дж. Русселля занижена, фактически подтверждают К. Макэведи и Р. Джонс. При построении динамики роста населения Древнерусского государства в уже упоминавшемся «Атласе всемирной истории народонаселения» основой для них является указанная работа Дж. Русселла. Как будет показано ниже, для 1200 г. они соглашались с его расчетами, но для 1000 г. дают более высокую оценку – 3,5 млн. Логика построения данных, представленных в «Атласе...» (опора на широкий круг источников, балансировка плотности населения в соседних странах, учет демографических особенностей развития народов), возражений не вызывают. Поэтому представляется, что данная ими оценка может быть принята в качестве нижней границы. Таким образом, мы можем принять, что в 1000 г. численность населения Древнерусского государства могла составлять 3,5–4,5 млн чел.

По сравнению с 1000 г., оценки, относящиеся к XII в., носят более общий характер, так как большинство из них приводится не для конкретного года, а к большим промежуткам времени. Г. В. Вернадский говорит о XII в. в целом. Ретроспективным методом, отталкиваясь от рассчитанной П. Н. Милюковым численности населения России на конец XVI в., он приходит к выводу, что «цифра семь-восемь миллионов для двенадцатого столетия была бы довольно заниженной оценкой» [5]. Принимая во внимание эту оговорку, можно принять, что к концу XII в. (к 1200 г.) численность населения составляла 8 млн. Дж. Русселл оценивает численность населения в 7,5 млн на середину XII в. Эту оценку он подкрепляет расчетами по результатам переписей Руси монголами, проведенных в 1245, 1257–1258 и 1270 гг.: даже после всех людских потерь, понесенных в ходе монгольского завоевания, охваченное переписью население Руси составляло 6 млн 880 тыс. [4, с. 101]. При этом ряд русских земель и городов оставались за рамками этих переписей. За исключением некоторых нюансов, близкие оценки ранее получил Г. В. Вернадский [9]. К. Макэведи и Р. Джонс, как уже говорилось, принимают оценку Дж. Русселля, но относят ее к 1200 г.

Расчеты двумя методами проводит А. И. Яковлев [6]. Оценку по первому методу (7,9 млн – в XI–XII вв.) он основывает на предположении, что между XI

Таблица 1
Оценки численности населения, проживающего на территории
Древнерусского государства, млн чел.

Table 1
Estimates of the population in the territory
of the Ancient Russian state, mln. people

Автор, год публикации	Год или период, для которого сделана оценка	Численность населения
Б. Ц. Урланис, 1941	1000 г.	4,5
А. И. Яковлев (1 метод), 1943	XI–XII вв.	7,9
А. И. Яковлев (2 метод), 1943	XI–XII вв.	7,5
В. Г. Вернадский, 1948	XII в.	7–8
Х. Ловмянский, 1953	1000 г.	≥ 4,5
Дж. Русселл, 1958	1000 г.	< 2–3
	Середина XII в.	7,5
К. Макэведи и Р. Джонс, 1978	1000 г.	3,5
	1100 г.	5,0
	1200 г.	7,5

Источники: [1, с. 81; 2, с. 86; 3, с. 242–244; 4, с. 100; 5, с. 116; 6, с. 298].
Source: [1, p. 81; 2, p. 86; 3, p. 242–244; 4, p. 100; 5, p. 116; 6, p. 298].

и началом XX в. рост населения на территории, занимаемой Древнерусским государством, был аналогичен росту населения Англии и Франции, для которых эти данные известны. Однако источники цифр не указаны, что не позволяет сопоставить результаты с остальными расчетами. Результаты по второму методу (7,5 млн – в XI–XII вв.) он получает в предположении, что плотность населения Древнерусского государства аналогична плотности населения в Северной Америке в конце XVIII в. или Центральной Африке в середине XX в., для которых эти данные известны. Однако он никак не обосновывает такой выбор указанных регионов для сопоставления с Русью XI–XII вв. В результате оценки А. И. Яковлева не могут быть корректно учтены в рамках реализуемого здесь подхода. Можно только отметить, что они не противоречат оценкам других авторов для этого отрезка существования Руси. Таким образом, мы можем принять, что в 1200 г. численность населения Древнерусского государства составляла 7,5–8 млн чел.

Для промежуточного 1100 г. существует только оценка К. Макэведи и Р. Джонса – 5 млн. Ее сопоставить не с чем. Авторы не приводят источник или методы получения этой цифры. Однако можно констатировать, что она не противоречит вековому тренду роста населения. Если взять средние цифры из принятых нами диапазонов возможных численностей населения Руси в 1000 и 1200 гг. (4,0 млн и 7,8 млн соответственно), то средневековой темп прироста населения в XI–XII вв. составит около 40 %. По данным К. Макэведи и Р. Джонса, 43 % – в XI в. и 50 % – в XII в. Более высокие темпы прироста населения у приведенных выше исследователей обусловлены тем, что принятая ими численность населения в 1000 г. заметно меньше средней, а в 1200 г. – практически совпадают. Однако следует принять во внимание, что К. Макэведи и Р. Джонс, как правило, дают более низкие оценки по сравнению с другими исследователями. Это было видно, когда мы рассматривали 1000 г. Аналогичная ситуация наблюдается и для других регионов и веков раннего средневековья. Например, при сравнении с расчетами Б. Ц. Урланиса численности населения, проживающего в XI–XII вв. на территории европейской части России и Европы в целом [1, с. 18, 79; 2, с. 414]. Формально их расчеты по России относятся к несколько различным территориям – Б. Ц. Урланис рассматривает территорию европейской части Российской империи в границах 1914 г., а К. Макэведи и Р. Джонс – европейскую часть СССР в границах 1975 г. Но даже с учетом коррекции территории оценки Б. Ц. Урланиса оказываются выше. Поэтому представляется целесообразным рассматривать оценку К. Макэведи и Р. Джонса как нижнюю границу возможной численности и принять, что в 1100 году население Древнерусского государства могло составлять 5,0–5,5 млн чел.

Более неопределенная ситуация возникает в отношении численности населения Древней Руси в 900 г. Помимо отсутствия каких-либо оценок, здесь появляется необходимость учета изменений территории. По оценке В. О. Ключевского, к началу XI в. территория Древней Руси в основном сложилась [10]. Поэтому при анализе динамики численности населения 1000 г. условно можно рассматривать как некоторый рубеж. После него, в XI–XII вв., рост

населения определялся в основном демографическими факторами. До этого года он был обусловлен также и расширением территории.

Об изменении территории Руси в X в. надежных сведений мало. Поэтому следует ожидать, что оценка численности населения Руси в 900 г. будет еще более грубой, даже по сравнению со сделанными нами оценками для XI–XII вв. Но определенные представления получить можно на основе сопоставления вековых темпов прироста населения на Руси и других территориях. Расчеты автора, выполненные по указанным выше данным К. Макэведи и Р. Джонса, показали, что в XI в. вековые темпы прироста населения, проживавшего как на территории Европы, так и европейской части СССР, были примерно в три раза выше, чем в X в. При принятых нами численностях населения в 1000 и 1100 гг. вековой темп прироста населения на Руси в XI в. составил около 30 %. Если по аналогии с Европой или европейской Россией для Руси также принять соотношение темпов прироста населения в X и XI вв., как 1 к 3, то можно заключить, что в X в. темп прироста ее населения составил около 10 %. Следовательно, на территории, которую Русь занимала в 1000 г., в 900 г. могли проживать 3,1–4,0 млн чел. Но часть из них в 900 г. проживала на территориях, которые тогда еще не входили в состав Руси и были присоединены к ней позже, уже в X в. Никаких данных, позволяющих оценить численность или плотность населения на этих территориях, на сегодняшний день нет. Практически единственным способом определить долю такого населения остается принять ее равной доле присоединенных территорий.

Определение территорий, включенных в состав Древнерусского государства в X в., неоднозначно. Существуют различные точки зрения на сроки их вхождения в состав Руси. Традиционно считается, что в X в. у Руси было три крупных территориальных приобретения: земли уличей и тиверцев к югу от Киева; земли вятичей на востоке и земли волынян, хорватов и частично ятвягов на западе и юго-западе. Земли на западе споров не вызывают: они были присоединены в ходе походов Владимира в 981, 983 и 992 гг. Вопросы возникают по двум другим.

Земли уличей, согласно Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, были покорены киевским воеводой Свенельдом в 940 г. и отданы ему Игорем для сбора дани [7, с. 110]. В «Полном историческом атласе России» земли уличей и соседних с ними тиверцев по состоянию на 970 год показаны в составе Древнерусского государства [11]. Площадь этих земель составляет 15–18 % от всей площади Древнерусского государства, сложившейся к концу правления Олега. То есть на этой территории могло проживать значительное количество населения. Однако в составленном С. А. Ромашовым «Атласе истории Древней Руси» эти земли по состоянию на 1015 год показаны уже как принадлежащие печенегам [12]. Осталось ли население на своих землях или ушло на другие территории, которые позже вошли в состав Руси – не ясно.

Земли вятичей были покорены Святославом в ходе походов на восток и в Хазарию в 964–969 гг. В обоих указанных выше атласах эти земли по состоянию на 970 год

обозначены, как входящие в состав Древнерусского государства. Но, так как вятичей пришлось покорять несколько раз (как в свое время и древлян), некоторые историки относят дату их вхождения в состав Руси на более поздний срок. Так, например, А. И. Поляков считает, что вятичи реально были присоединены не ранее середины-второй половины XII в. [13].

Такие расхождения во многом объясняются нечеткостью признаков, на основе которых выносятся суждения о том, входит ли та или иная земля в состав Древнерусского государства или просто находится в вассальной зависимости. Мы не будем обсуждать эти особенности, а в качестве основы для расчетов используем упомянутый выше «Атлас истории Древней Руси» С. А. Ромашова, учитывая, что он издан под эгидой Института российской истории РАН. Согласно материалам «Атласа...», территория Руси в X в. расширилась за счет земель вятичей на востоке и земель волынян, хорватов и ятвягов на западе и юго-западе. Землей уличей и тиверцев к концу X в. в составе Древнерусского государства нет.

Расчеты, сделанные на основе сопоставления помещенных в «Атласе...» карт «Образование Древнерусского государства в конце IX в.» и «Русь в правление Владимира (978–1015 гг.)», показали, что площадь территории Руси, которую она занимала в 900 г., составляет около 65 % от площади Древнерусского государства в границах, сложившихся к 1015 г. А 35 % – это земли, присоединенные в течение X в. Следовательно, мы можем заключить, что в 900 г. в существовавших тогда границах Руси могло проживать 2–2,6 млн чел. Сводя все расчеты воедино, получим следующую динамику численности населения Древней Руси с конца IX и до начала XIII в. (табл. 2).

Таблица 2
Динамика численности населения
Древнерусского государства, млн чел.

Table 2
Dynamics of the population of the Ancient Russian state,
mln. people

900 г.	1000 г.	1100 г.	1200 г.
2,0–2,6	3,5–4,5	5,0–5,5	7,5–8,0

Из полученных результатов можно заключить, что с первого века своего существования и до периода, предшествующего монгольскому нашествию, население Древнерусского государства увеличилось (с учетом прироста территории) в 3,1–3,8 раза. Средний темп прироста по векам составлял: в XII в. – около 50 %, XI в. – около 30 % и в X в. – около 70 %. Но в X в. основной прирост населения был обусловлен присоединением новых территорий. Собственно демографический темп прироста населения с 900 по 1000 гг. на сопоставимых территориях составлял 10–15 %. Необходимо только еще раз подчеркнуть, что приведенные цифры – это вековые тренды, дающие общее представление о динамике роста населения по столетиям. Оценка на их основе численности населения в какой-то конкретный год или короткий промежуток времени в том или ином столетии требует более детального анализа возможных в этом веке территориальных изменений или

явлений, которые могут иметь демографические последствия (войны, голод, эпидемии).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. McEvedy, C. and Jones, R. Atlas of World Population History / C. McEvedy and R. Jones. – Published in Great Britain by Penguin Books Ltd. and Allen Lane, 1978. – 368 p.
2. Урланис, Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) / Б. Ц. Урланис. – Москва: ОГИС: Госполитиздат, 1941. – 436 с.
3. Lowmiański, H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich / H. Łowmiański. – Warszawa, 1953. – p. 242–244.
4. Russell, J.C. Late Ancient and Medieval Population / J. C. Russell // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 48, Part 3, 1958 – 152 p.
5. Вернадский, Г. В. Киевская Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1996. – С. 116.
6. Яковлев, А. И. Холопство и холопы в московском государстве XVII века. Том I / А. И. Яковлев. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1943. – С. 298.
7. Ловмянский, Х. Русь и норманны / Х. Ловмянский. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 99.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 175.
9. Вернадский, Г. В. Монголы и Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 2004. – С. 159.
10. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9-ти т. Т. 1 / В. О. Ключевский. – Москва: Мысль, 1987. – С. 164.
11. Полный исторический атлас России. – Москва: АСТ: Астрель, 2010. – 224 с.
12. Ромашов, С. А. Атлас истории Древней Руси (IX–начало XII в.) / С. А. Ромашов. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 98 с.
13. Поляков, А. Н. Киевская Русь как цивилизация / А. Н. Поляков. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2010. – С. 113.

References

1. McEvedy, C. and Jones, R. Atlas of World Population History / C. McEvedy and R. Jones. – Published in Great Britain by Penguin Books Ltd. and Allen Lane, 1978. – 368 p.
2. Uralanis, B. Ts. Rost naseleniya v Evrope (opit ischisleniya) [Population growth in Europe (experience of calculation)] / B. Ts. Uralanis. – Moscow: OGIS-Gospolitizdat Publ., 1941. – 436 p.
3. Lovmiański, H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich / H. Łowmiański. – Warszawa, 1953. – P. 242–244.
4. Russell, J. C. Late Ancient and Medieval Population / J. C. Russell // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 48, Part 3, 1958 – 152 p.

5. Vernadsky, G. V. Kievskaya Rus [Kievan Russia] / G. V. Vernadsky. – Tver: LEAN, Moscow: AGRAF, 1996. – P.116.
6. Yakovlev, A. I. Holopstvo i holopy v moskovskom gosudarstve XVII veka [Serfdom and serfs in the Moscow state of the XVII century] / A. I. Yakovlev. – Moscow, Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ. House, 1943. – P. 298.
7. Lovmianski, H. Rus i normany [Russia and the Normans] / H. Lovmianski. – Moscow: Progress Publ., 1985. – P. 99.
8. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov [The Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov], – Moscow–Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ. House, 1950. – P. 175.
9. Vernadsky, G. V. Mongoli i Rus [Mongols and Russia] / G. V. Vernadsky. – Tver: LEAN, Moscow: AGRAF, 2004. – P. 159.
10. Klyuchevsky, V. O. Sochineniya [Works]: in 9 vols.. Vol. I / V. O. Klyuchevsky. – Moscow: Mysl Publ., 1987. – P. 164.
11. Polny istorichesky atlas Rossii [Complete Historical Atlas of Russia]. – Moscow: AST: Astrel Publ., 2010. – 224 p.
12. Romashov, S. A. Atlas istorii Drevney Rusi (IX - nachalo XII veka.) [Atlas of the history of Ancient Russia (IX - early XII century)] / S. A. Romashov. – Moscow, St.Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. – 98 p.
13. Polyakov, A. N. Kievskaya Rus kak tsivilizatsiya [Kievan Rus as a civilization] / A. N. Polyakov. – Orenburg: Orenburg State Univ., 2010. – P. 113.

Информация об авторе:

Ткачёв Виктор Николаевич – доктор экономических наук, г. Москва (e-mail: v.tkachev@bk.ru).

Author:

Victor N. Tkachev (Moscow) – Dr. Sci. (Economics), Moscow (e-mail: v.tkachev@bk.ru).

Для цитирования:

Ткачёв, В. Н. Динамика численности населения Древнерусского государства (конец IX–начало XIII века) / В. Н. Ткачёв // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 5–9.

For citation:

Tkachev, V. N. Population dynamics of the Ancient Russian state (late IX–early XIII centuries) / V. N. Tkachev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical Demography”. – 2024. – No. 10 (76). – P. 5–9.

Дата поступления статьи: 05.11.2024

Прошла рецензирование: 07.11.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 05.11.2024

Reviewed: 07.11.2024

Accepted: 12.12.2024

Population migration in the Russian Far East in the 1860s

Zhang Zhenhao

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
zzh15093051093@163.com

Abstract

Demographic studies can be categorized on the basis of demographic variables into studies of fertility, mortality, population migration, population structure, population distribution, population quality, and marriage and family in demography, while migration, along with births and deaths, determines the size of the population and its growth rate in the region, as well as determining the demographic characteristics of the region. The most important demographic problem of the Russian Far East is migration, which consists in the movement of people from the countryside to the towns, from one region of the country to another, from one's own country to another. The past era could well be called the 'age of migration'. Migration is often the result of economic and social development, which can contribute to the improvement of economic and social conditions or, on the contrary, lead to economic stagnation and social imbalances.

Keywords:

Russia, Russian Far East, migration, reform of serfdom, demography

As the largest country in the world in terms of territory, the study of demographic problems in Russia is of great strategic importance. In the economic development of the country: population is an important driver of economic development. The quantity and quality of the labor force directly affects the country's productivity and economic growth. Population growth can bring more labor resources. In the social aspect: population structure (e.g. age, gender, race, etc.) affects the stability and development of society. Countries with a high proportion of young population may face pressure on education and employment, while aging countries may face pension and healthcare challenges. Culturally: Population diversity can enrich a country's culture and foster innovation and creativity. However, cultural diversity can also pose challenges in terms of social cohesion and identity. Politically: Population size and structure can influence a country's political power and international standing. Demographic research provides basic data and analytical support for the development of effective public policies, helping governments

Миграция населения на Дальнем Востоке России в 1860-е годы

Чжан Чжэньхао

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
zzh15093051093@163.com

Аннотация

Демографические исследования можно разделить на основе демографических переменных на исследования рождаемости, смертности, миграции населения, структуры населения, распределения населения, качества населения, брака и семьи в демографии, в то время как миграция, наряду с рождаемостью и смертностью, определяет численность населения и темпы его прироста в регионе, а также демографические характеристики региона. Важнейшей демографической проблемой российского Дальнего Востока является миграция, заключающаяся в перемещении людей из деревни в город, из одного региона страны в другой, из своей страны в другую. Прошедшую эпоху вполне можно назвать «веком миграции». Миграция часто является результатом экономического и социального развития, которое может способствовать улучшению экономических и социальных условий или, напротив, приводить к экономической стагнации и социальным диспропорциям.

Ключевые слова:

Россия, русский Дальний Восток, миграция, реформа крепостного права, демография

to make informed decisions in areas such as education, health, housing and transport. After the serfdom reform of 1861, a new chapter of migration began in the Far East, which entered a period of rapid development. Therefore, this paper is a study of the reasons why a new phase of migration from the Far East began in this period and the Russian aspects of this phase. [1, p.18]

In the mid-to-late nineteenth century, the Russian Empire undertook a series of population transfers across its vast territory, a phenomenon that had a profound impact on the course of history in the Far East. The Far East, as the eastern frontier of the Russian Empire, gradually became an emerging destination for inland migration, which not only changed the social structure and economic patterns of the region, but also had a significant impact on regional politics.

Firstly, the administrative division of the Russian Far East refers to the Far Eastern Federal District, one of the eight federal districts of Russia, which differed from the adminis-

trative bodies of the Russian Far East during the Tsarist and Soviet periods and from those of the present-day Russian Far East. Geographically, the Russian Far East refers to the area east of Siberia to the Pacific coast. The Russian Far East in the mid-to-late 19th century, during the period of Tsarist Russia, consisted of the following key areas: Trans-Manchuria, Vladivostok, Sakhalin Island, Kamchatka Peninsula, and Chukotka Peninsula. [1, p.21]

Secondly, it is necessary to explore the context of the migration of people from the Russian Far East in the mid-to-late nineteenth century, a period of social, economic, and political upheaval in Russia. The geopolitical and economic value of the Far East was of increasing interest to the imperial authorities as the Russian Empire's focus on the development of the Far East grew. After the defeat in the Crimean War, Russia became more aware of the strategic importance of the Far East and increased its control and development of the region.

In 1856 Russia forced the Qing government to sign the Treaty of Aigun, acquiring the land north of the Heilongjiang River and south of the Outer Xingan Mountains. This area included today's Amur Oblast and part of the Khabarovsk Krai. This was followed in 1860 by the Treaty of Beijing with the Qing government, which further acquired the area east of the Ussuri River where Vladivostok (Vladivostok) was located. This area included today's Primorsky Krai and part of the Khabarovsk Krai. [2, p.1]

After the defeat in the Crimean War, Russia recognized its weakening power, and with the land it had received from the Qing Dynasty and the large amount of resources to be exploited in Siberia and the Far East, Russia began to look to the east, and from then on the strategy of 'looking east' and the policy of moving the population to the Far East was gradually introduced. From the signing of the two treaties until the first Russian census in 1897, this was the initial stage of the Far East migration.

In 1861, Tsarist Russia issued the Decree on Emigration from Amur and Primorsky Oblasts. The decree stipulated that people in the Amur and Primorsky Oblasts, whether Russians or foreigners, who voluntarily settled here could be allocated 100 acres of land or more per household, and that if they wanted to buy state-owned land for their own use, they could turn their land into private property by contributing 3 rubles per acre. Foreign settlers were allowed to use their allotted land for 20 years without compensation, and foreign settlers who financed their own migration were exempted from military service for 10 times and from paying poll tax for life. At the same time, Russians and expatriates with a certain amount of property were encouraged to settle in the cities of the Amur and Primorsky oblasts. [2, p.1]

One of the main reasons why this policy was not introduced until 1861 was the restrictions imposed by the Russian serfdom system. Before the serfdom reform, the serfs had a strong personal relationship with the landowners and were not free to travel to other regions. It was not until after the abolition of serfdom in 1861 that Russia enacted a policy to encourage emigration to the Far East, but at the initial stage

of its enactment, Russia prohibited its own emigrants from migrating to the Far East, and in order to protect the interests of the landowning classes, the freedom of the peasants was still subjected to certain limitations for a period of time after the abolition of serfdom; moreover, the large-scale and long-distance movement of population before the industrialization of Russia was also limited by the level of the economy. In addition, large-scale, long-distance migration was also limited by the economic level before Russian industrialization. As a result, during this period 'Russian emigration was loose and mainly confined to the Euro-Russian area, and large-scale emigration had not yet developed to the east of the Urals'. Emigration from the Far East in this period was more foreign. [3, p.2]

Due to the poor domestic migration policy of the Russian authorities before the 1880s and the fact that the migration policy was also a strong temptation for foreigners, the number of Chinese migrants to the Far East in this period was quite objective. At the same time, due to the unpromising situation on the Korean Peninsula, a considerable number of Koreans also travelled to the Far East during this period. Seasonal laborers were the main component of Chinese immigrants, and most of them were engaged in construction, coal mining, gold panning, shipping, and so on. [3, p.4]

The arrival of these foreign immigrants contributed significantly to the economic and social development of the Far East, and most of them worked as laborers, building the region in various fields and contributing significantly to the construction and development of the Far East. The migration of people had a significant impact on the economic and social structure of the Far East. The new migrants brought with them labor and introduced new agricultural technologies and production methods. They played a key role in developing land, building infrastructure and opening factories, which in the long run contributed to the modernization of agriculture and industrialization of the region. At the same time, migration brought about multicultural exchanges, making the Far East a multi-ethnic coexisting community, and this diversity contributed to cultural integration and innovation. [8, p.2]

After the implementation of the eastern migration policy by the Russian government, the population of the Far East grew, and the increase in agricultural migration contributed to the development of agriculture in the Far East. However, it should be recognized that the migration to the East during the Tsarist period was somewhat spontaneous, and the government's control and policy constraints on migration were weak, and there were many problems in the process of formulating, implementing and monitoring migration policies. In terms of the number of immigrants, the population change in the Far East during the Tsarist period was dominated by the mechanical growth of the population, which was basically in the state of net inflow of population, but the development of the process and scale of immigration in the Far East was lower than that in other regions of Russia. [4, p.1]

In terms of the nature of migration, migration from the Far East during the Tsarist period included agricultural, industrial and military migrants, as well as prisoners. Initially, the Far East, like Siberia, was used by the Russian government as a punishment ground for exiling criminals and opposition forces. In the early period of emigration, agricultural emigration was the main focus, and the economic system of Tsarist Russia was still based on an agricultural economy, and the development of the Far East led by the Russian government was based on agricultural development, so the expansion of the population of the Far East was mainly due to the supply of labor in agriculture, and the development of the region's economy was mainly in the primary sector, with a relative lag in the development of industrialization.[5, p87.]

During the period 1861-1881, most of the immigrants to the Far East mainly migrated by land. Most of the immigrants who went to the Far East during this period arrived in the Far East by water from Transbaikalia along the Amur River, so most of them chose to settle in the Amur Region, and Blagoveshchensk gradually developed into the largest city in the Far East at that time. [7, p.2]

There is also the very important issue that the mass migration of people to the Far East not only caused huge changes in the local economy, society and culture, but also played a huge role for Russia on a political level.

Firstly, the mass migration of people from the Far East can be traced back to the strategic need of the Russian Empire to expand into the region. In the mid-nineteenth century, Russia was at the height of its imperial expansion, and it sought new territories for more resources and geopolitical advantages. At this time, the Far East was considered a strategic location, not only because of its rich natural resources, but also because it was an important gateway for Russia to the Pacific Ocean. However, the Russian Far East, which is two-thirds the size of China and home to only a few hundred thousand people, also needed to be relocated in large numbers for reasons of territorial security and to protect its borders. Through migration and settlement activities, Russia has achieved de facto control of the region. Specifically, migrants established villages and cities in the region, creating new social and economic centers, which consolidated Russia's control over the Far East and strengthened its administrative jurisdiction over the region. It further strengthened Russian rule over this frontier region. This consolidation showed its significance in later Sino-Russian relations and in diplomatic games with oth-

er neighbors. However, population migration also made the Far East a focus of great power rivalry, the Russo-Japanese War being a notable example of this. [6, p.1]

Russia needed to assert its great power status in the international arena during this period, and control of the Far East was seen as an important part of achieving this goal. In the face of the growing power of Great Britain, Japan, and other powers, Russia ensured its territorial integrity and national security by increasing its control over the population and actual governance of the Far East.

To sum up, in general, population transfer in the Russian Far East in the mid-to late nineteenth century played an important role in national politics and territorial expansion. It not only strengthened Russia's control and development of its frontier regions, but also promoted economic growth and social progress in the region.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References

1. 《俄罗斯远东人口及移民问题研究》-王琪(A Study of Population and Migration Problems in the Russian Far East-Wang Qi)
2. 《浅谈俄罗斯远东地区移民政策及其影响》-胡成健(An Introduction to Migration Policies and Their Impact in the Russian Far East-Hu Cheng Jian)
3. 《俄罗斯滨海边疆区人口构成的演变和启示》-李旻(Evolution of the Demographic Composition of Russia's Primorsky Krai and Implications-Li Wen)
4. 《远东地区移民及其对社会问题的影响》-娣耶瓦(Migration from the Far East and its impact on social problems-N.N.Deeva)
5. 《俄罗斯远东联邦区人口要素演化特征及其对中俄区域经济合作的启示》-李俊(Characteristics of Population Factor Evolution in the Russian Far Eastern Federal District and its Implications for China-Russia Regional Economic Cooperation-Li Jun)
6. 《俄罗斯远东地区移民政策研究》-A.B.德鲁佳卡(A Study of Migration Policy in the Russian Far East- A. B. Drujka)
7. 《俄罗斯远东地区人口与劳动力资源问题》-牛燕平(Problems of population and labour resources in the Russian Far East-Niu Yan Ping)
8. 《19世纪俄罗斯边疆民族政策镜鉴》-孟君(A Mirror of Russian Frontier Ethnic Policy in the 19th Century-Meng Jun)

Информация об авторе:

Чжан Чжэньхао (Китайская Народная Республика) – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: zzh15093051093@163.com).

Author:

Zhang Zhenhao (People's Republic of China) - master student of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: zzh15093051093@163.com).

For citation:

Zhang Zhenhao. Population migration in the Russian Far East in the 1860-s / Zhang Zhenhao // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 10-13.

Для цитирования:

Чжан, Ч. Миграция населения на Дальнем Востоке России в 1860-е годы / Ч. Чжан // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 10–13.

Дата поступления статьи: 25.10.2024

Прошла рецензирование: 28.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 25.10.2024

Reviewed: 28.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Influence of the internal demographic situation on the Russian Empire during the European Revolution of 1848

Tang Xiran

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
tangxiran@foxmail.com

Abstract

Population is the basis of global development and plays a key role both in the economic sphere and in social development, environmental impact and national policy. Therefore, studying the progress of population change is of great significance and research value for analyzing the history of certain periods and countries. The European Revolution of 1848 was an important period in the modern history of Europe, a period in which a series of events were based on demographic factors and which, at the same time, caused demographic changes, i. e. interacted with each other. Russia, as one of the main participants in the European revolution, with its vast territory and large population, is the best object for studying the demographic problems in this period. This paper will analyze the territorial development and factors of politics, economy, social environment and other areas in terms of demographic changes in Russia.

Keywords:

population problems, ethnic diversity, Russian Empire, peasants, demography

The population problem has always been a factor that cannot be ignored in national development. Whether in political, economic, social or cultural aspects, changes in the size, distribution and structure of the population will have far-reaching effects on the development of the country, and the European Revolution of 1848 coincided with the critical period of Europe's transition from feudal to capitalist society, and many revolutions and reforms took place during this period. Russia at that time was the guardian of the feudal fortress, its domestic serfdom was becoming increasingly corrupt and conflicts were surging, foreign countries were busy with all kinds of measures to suppress revolutions in other countries, as well as the Crimean War for control of religion and territories, the population problem was not decisive. In this section, the impact of population on the development of a country from the perspective of economic development, social stability, ideology and education is examined in depth.

Влияние внутренней демографической ситуации на Российскую империю в период европейской революции 1848 года

Тан Сижань

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
tangxiran@foxmail.com

Аннотация

Население является основой мирового развития и играет ключевую роль как в экономической сфере, так и в социальном развитии, воздействии на окружающую среду и национальную политику. Поэтому изучение процесса изменения численности населения имеет большое значение и исследовательскую ценность для анализа истории определенных периодов и стран. Европейская революция 1848 г. – важный период современной истории Европы, период, в котором ряд событий базировался на демографических факторах, вызывающих в то же время демографические изменения, т. е. взаимодействовали друг с другом. Россия как один из главных участников европейской революции с ее обширной территорией и большим населением является лучшим объектом для изучения демографических проблем в этот период. В статье проанализировано территориальное развитие и факторы политики, экономики, социальной среды и других областей с точки зрения демографических изменений в России.

Ключевые слова:

проблемы народонаселения, этническое разнообразие, Российская империя, крестьяне, демография

At the end of the 17th century, the total population of Russia (10 million) was only slightly higher than that of Spain (9.2 million) and much lower than that of France (25 million) and the Austrian Empire (14 million). It was not until the middle of the 18th century that Russia's population began to grow steadily, reaching 36 million by the end of the century. At that time, Russia's population exceeded that of any other country in Europe, but population density remained low. [2] At the same time, Russia's ethnic diversity grew steadily. At the end of the 16th century, Russians (i.e., Great Russians) made up about 90 percent of the country's population, but by the beginning of the 19th century, the proportion of Russians had dropped to less than 50 percent. [1, p.21]

This demographic characteristic had persisted since the founding of the Russian Empire by Peter the Great. From 1721 until the European Revolution of 1848, Russia's population growth was accompanied by the expansion of its territory,

with victories over the Swedish Empire, the access to the Baltic Sea, three partitions of Poland, and several Russo-Turkish wars which, among other things, led to access to the Black Sea. This series of territorial expansions also made Russia a more ethnically diverse and a multinational empire.

Thus, the diversity and multifaceted nature of the Russian population was an important factor in the development of state policy. In the mid-19th century, Russia was a vast and ethnically diverse country. Its borders stretched across Eurasia and encompassed many different ethnic groups, languages, and religions. This diversity required Russia to take into account the specific needs and demands of each ethnic group when developing state policy. Inspired by the 1848 Revolution, some ethnic groups and local forces began to demand more autonomy and political participation, which put some pressure on centralized rule in Russia.

These demographic changes prior to 1848 in some ways provided the Russian Empire with a large workforce and a large number of soldiers during the 1848 revolutions in Europe. At the time, Russia had the largest army of any European country, and the state maintained a relatively large and expensive military apparatus through heavy taxation and compulsory military service. Although this gave Russia many soldiers to suppress the Hungarian Revolution in 1848 and other wars, the growth in population had two complex sides. On the one hand, it increased military power, but on the other hand, heavy compulsory military service could be counter-productive, leading to increased dissatisfaction among the people and reduced social stability.

These pre-revolutionary population figures for 1848 reflect the fact that the serfdom system used to stabilize the political and social situation in Russia, was no longer applicable to Russia at that time. Instead, serfdom limited long-term population growth and resulted in a highly uneven distribution of the population between urban and rural areas, as well as an imbalance in population ratios and educational levels. [3, p.54]

Another significant imbalance is the fact that, according to the 1796 census, 34.7 million residents (96.4 percent of the total population) live in rural areas and only 1.3 million (3.6 percent of the total population) in urban areas.

The rural population is 34.7 million, or 96.4 percent of the total population, while the urban population is only 1.3 million, or 3.6 percent of the total population. Most of the rural population are farmers. Moreover, many urban dwellers maintain close ties with their hometowns, both legally and from their own perspective. Like their ancestors, they remain peasants. [4, p.119]

From the geographical point of view, revolutions obviously started in the capitals – the centers of political activity, but also in urban centers experiencing rapid economic changes and population growth.... Only later did it affect other towns and rural areas.

During the revolutions in Europe in 1848, especially in France, the distribution of urban and rural population was more balanced, with large urban populations, and although a certain amount of the population still lived in the countryside,

the proportion of urban population was much higher than in Russia. This extreme imbalance between the urban and rural population in Russia was also an important demographic reason for the country's ability to survive the revolutions that broke out in many European countries.

In the 54 years from 1742 to 1796, i.e. from the second to the fifth Russian census, the number of serfs grew by 62 percent overall, with an average annual growth rate of less than 8.8 percent. According to the estimates of the Central Statistical Committee, between 1800 and 1880 the average annual population growth rate in Russia was less than 14.8 percent. Between 1830 and 1860, the average annual growth rate was as low as 9.2 per cent. Between 1850 and 1860, the average annual growth rate was even lower, at 6.5 percent. [5, p.55]

Two things are obvious from these data: the continuing failure to resolve the problem of serfdom during the European revolutions, and the numerous foreign wars combined with many domestic uprisings, both large and small, which have led to a significant decline in the population growth rate during this period.

At the same time, the over-representation of the peasants not only increases the pressure on the state to take policy action, but also creates many drawbacks for the Russian economy, which lags far behind the European powers. The European peasantry was the "black box" of the 1848 revolution. We have already seen that there was a moral panic around the subject of urban poverty. Plagiarized from Eugène Sue, the 'suspense' books purported to explore the hidden world of inner-city alleys and suburban slums. But the real mystery lies in rural society. The countryside is where most people live. And the main contributor to this imbalance in proportions is the corrupt system of serfdom. [6, p.112]

It tied a large part of the population to the land, prevented the movement of free labor, and hindered the growth of towns and the development of industry and modern commerce. Class proportions in a country should be within reasonable limits, and in Russia the middle, aristocratic and upper classes accounted for far, far less of the country's population than the peasants. In 1840, the ratio of townspeople to villagers was about 1:2 in England, 1:5 in France, and more than 1:11 in Russia, and the proportion of the population that could be classified as factory workers was comparatively small, and the industries were usually of a cottage workshop type. The railway line between St. Petersburg and Moscow was not built until 1842. Such slow economic development may again be related to the lack of a cohesive middle class or bourgeoisie. [7, p.206]

Even by the late 19th century, the elements that made up the middle class in the West – the merchants and the bourgeoisie – had not yet been formed. The elements of the middle class – traders, bureaucrats, professionals, and intellectuals – tended to go their separate ways in Russia, pursuing different interests. This social gap had far-reaching consequences for political and economic development. It explains the relative weakness of moderate, liberal political opinion in 19th-century Russia. It may also explain the lack of sympathy for entrepreneurial activity among thinkers at both ends

of the political spectrum. The lack of practicality in many of their ideas – favoring the ideal over the concrete – and their disdain, even contempt, for prosperity. [7, p.407]

Secondly, population growth and its structural changes had a significant impact on Russia's economic development. In the 19th century, Russia's population grew rapidly, which meant that the demand for land and agricultural output also increased. Since peasants constituted a large part of Russian society, the need for change in agriculture became more urgent, and while the 1848 Revolution had spurred agricultural reforms in other parts of Europe, Russia was beginning to realize the backwardness of its own system of agricultural management. Therefore, although the 1848 Revolution did not directly affect the agrarian reform in Russia, it certainly contributed to the importance of reform in Russia and accelerated the process of serfdom reform in the following years.

Meanwhile, in 1848, disease spread throughout the country. Due to cholera, more people died in the Russian Empire in 1848 than were injured by bombing. This disease caused a massive decline in the population, and, along with the people killed in the war, made Russia even more socially unstable at this time, and an over-representation of peasants helped to incite rebellions. Such were the many and varied effects of population growth upon Russia, and at the end of 1848, economists in London looking back on the year of revolution, attributed the absence of disorder in the Russian Empire to the fact that its people were not yet sufficiently civilized to feel the European aspiration for freedom and self-government. [8, p.140]

Once again, the population mobility and its ideological impact cannot be ignored. During the Revolution of 1848, intellectual currents from the European continent, such as liberalism, nationalism and socialism, began to spread among the intelligentsia and gradually spread in Russia through population movements. These ideas challenged the traditional concepts of Russian society and had a subtle influence on future political changes. At the time, despite strict control over the dissemination of knowledge by Russian propaganda and security agencies, the infiltration of these ideas could not be completely prevented. Subsequently, the impact of such ideas triggered a wider discussion among Russian reformers and intellectuals, preparing the theoretical basis for future changes. [9, p.7]

It would be wrong to say that in the 19th-century Russia the peasantry was not represented in government, administration, politics, social life, education or culture in a manner commensurate with their numbers.

Such a statement is so euphemistic as to border on nonsense. On the contrary, it will be recognized that Russia, known as the empire, consisted of two separate worlds: the world of the educated and the world of the illiterate; the

world of government and 'society' and the world of the masses. The world of cities and towns and the countryside, the world of rich and poor, the world of exploiters and exploited, the world of the active and the passive. The division between elite and mass in Russia is not unlike similar divisions in other countries. The Russian division is not quite the same as divisions in other countries, or at least it represents one of the more extreme divisions of its kind. In this, as in many other cases, Russia's evolution appears to be a clearer and cruder version of what is happening to the West. [9, p.7]

Thus, although Russia was not directly involved in the wave of European revolutions of 1848, demographic factors, through their complexity, diversity, economic growth pressure, and flow of ideas, had a profound and complex impact on Russia's national development. These factors not only forced the Russian hierarchy to pay attention to and reflect on the existing socio-economic structure, but also laid some of the foundations for subsequent reforms and political awakening. Against the backdrop of the 19th century social change, the Russian experience provides us with an important perspective for understanding how the state adapted in the face of demographic pressures.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References

1. The New Russian History. Russia in the Nineteenth Century.
2. Christopher Clark. Revolutionary Spring. Fighting for a New World. 1848-1849 (2023).
3. Dean Kostantaras. Nationalism and Revolution in Europe, 1763-1848. – Amsterdam University Press (2020).
4. Derek Offord. Nineteenth Century Russia. Opposition to Autocracy-Routledge (1999).
5. Gabriella Safran. Recording Russia. Trying to listen in the Nineteenth Century. –Cornell University Press (2022).
6. Wayne S. Vucinich (ed.). The Peasant in Nineteenth-Century Russia. – Stanford University Press (1968).
7. Priscilla Smith Robertson. Revolutions of 1848. A Social History. – Princeton University Press (1968).
8. R.J.W. Evans. Hartmut Pogge von Strandmann. The Revolutions in Europe, 1848-1849. From Reform to Reaction. – Oxford University Press, USA (2002).
9. 《俄国各社会思想流派对1848年欧洲革命的反响》-韩承文(The Reaction of the Russian Schools of Social Thought to the European Revolution of 1848 – Han Cheng Wen) 许昌师专学报1983年第一期 (Xuchang Teachers' College Journal, 1983, No. 1).
10. 《俄国人口的百年变迁 (1811-1913) 》-邓沛勇 A.Г.拉申(A century of change in the population of Russia (1811-1913) – Deng Pei Yong Рашин А.Г.)

Информация об авторе:

Тан Сижань (Китайская Народная Республика) – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: tangxiran@foxmail.com).

Author:

Tang Xiran (People's Republic of China) – master student of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: tangxiran@foxmail.com).

Для цитирования:

Тан, С. Влияние внутренней демографической ситуации на Российскую империю в период европейской революции 1848 года / С. Тан // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 14–17.

For citation:

Tang Xiran. Influence of the internal demographic situation on the Russian Empire during the European Revolution of 1848 / Tang Xiran // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 14–17.

Дата поступления статьи: 25.10.2024

Прошла рецензирование: 28.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 25.10.2024

Reviewed: 28.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов

С. А. Попов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В процессе реализации реформы 1861 г. в ряде уездов северных губерний региональные власти столкнулись с затруднениями, вызванными малым количеством помещичьих владений, которые не только были разбросаны по их территории на значительном расстоянии, но и являлись мелкопоместными. С целью отражения общей картины расселения крепостного населения на Европейском Севере России автор обратился к анализу количественного состава числившихся накануне отмены крепостного права в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях категорий крепостных и особенностей их расселения. Исследование основано на статистических данных, содержащихся в опубликованном труде А. Тройницкого, а также в делопроизводственной документации Министерства внутренних дел, Вологодского и Олонецкого губернаторов. В основе этих материалов лежали результаты проведенной в 1858 г. X народной переписи (ревизии). В результате было установлено проживание здесь пяти групп крепостного населения, среди которых существенно преобладали помещичьи крестьяне и дворовые люди. Выявлено, что основная концентрация крепостных наблюдалась в Вологодской губернии, в то время как в Архангельской они практически отсутствовали. Наивысший их процент был сосредоточен в трех юго-западных уездах Вологодской и двух южных уездах Олонецкой губерний. Оставшаяся часть была разбросана по шести уездам первого и четырем уездам второго регионов.

Ключевые слова:

X ревизия (1858), Европейский Север России, Архангельская губерния, Вологодская губерния, Олонецкая губерния, крепостное население, помещичьи крестьяне, крестьянство

Реализация реформ 1860-х гг. заключалась, в том числе, в реорганизации института управления податным населением. Одной из задач преобразований являлись устройство сельских обществ и волостей, а также формирование мировых участков. Осуществлялись намеченные планы поэтапно: сперва в помещичьей (1861), затем удельной (1863) и, наконец, в государственной (1866) де-

The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s

S. A. Popov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktывkar
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

In the process of implementing the 1861 reform, in a number of uyezds of the northern provinces, regional authorities encountered difficulties caused by the small number of landowners' possessions, which were not only scattered over their territory at a considerable distance, but were also small-scale. In order to reflect the general picture of the settling of the serf population in the European North of Russia, the author turned to the analysis of the quantitative composition of the categories of serfs listed on the eve of the abolition of serfdom in the Arkhangelsk, Vologda and Olonets provinces and the specifics of their settlement. The study is based on statistical data contained in the published work of A. Troinitsky, as well as in the office documentation of the Ministry of Internal Affairs, the Vologda and Olonets governors. These materials were based on the results of the X People's Census (revision) conducted in 1858. As a result, it was established that five groups of the serf population lived here, among which landowner peasants and household people significantly prevailed. It was revealed that the main concentration of serfs was observed in the Vologda province, while in the Arkhangelsk province they were practically absent. The highest percentage of them was concentrated in three southwestern uyezds of the Vologda province and in two southern uyezds of the Olonets province. The remaining part was scattered across six uyezds of the first and four uyezds of the second region.

Keywords:

X revision (1858), European North of Russia, Arkhangelsk province, Vologda province, Olonets province, serf population, landowner peasants, peasantry

ревнях. В свою очередь, законодательную базу указанных нововведений составили Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях [1, 2].

Исполнение поставленных задач в губерниях Европейского Севера России началось, как и в целом по стра-

не, с территорий проживания крепостного населения. В основе формирования указанных административно-хозяйственных единиц лежал территориальный принцип, заключавшийся в стремлении сохранить целостность помещичьих имений и количественный состав податного населения. Реализуя поставленные задачи, местным властям необходимо было не только соблюсти указанные в нормативных актах требования, но и уравнивать в области управления различные группы временнообязанных крестьян. Однако особенности демографической ситуации в регионе, а именно численность и размещение бывших помещичьих крестьян, влияли на осуществление этих мероприятий. Так, например, при формировании мировых участков Вологодское и Олонецкое губернские по крестьянским делам присутствия столкнулись с затруднениями, связанными с малым количеством помещичьих владений в ряде уездов, которые не только были разбросаны по их территории на значительном расстоянии, но и являлись мелкопоместными [3]. Последнее обстоятельство заключалось в том, что имения составляли небольшие участки земель с незначительным количеством крестьян. Также при открытии сельских обществ региональная власть столкнулась с проблемой отсутствия в ее распоряжении необходимой информации о крепостных в уездах. Подобная ситуация произошла в марте 1861 г. в Вологодской губернии. Приступив к формированию сельских обществ в регионе, губернское присутствие было вынуждено отложить эти мероприятия в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Причина – недостаток в его распоряжении точных сведений о проживавших здесь крестьянах, приписанных к частным заводам [4, л. 1].

Описанные случаи позволяют рассуждать, что комплексное исследование реализации реформы 1861 г. в помещичьей деревне Европейского Севера России требует обращения к анализу демографической ситуации в регионе. Характеристика численности крепостных и их размещения по уездам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний позволит не только представить общую картину расселения сельского населения, но и обосновать причинно-следственные связи возникавших затруднений в организации институтов управления крестьянством.

Историография демографической ситуации в среде сельского населения на Европейском Севере России накануне и после отмены крепостного права достаточно обширна. Одни исследователи, занимаясь процессами развития народонаселения, целенаправленно уделили внимание изучению динамики численности крестьянства [5–8]. Другие историки обратились к количественным показателям податного населения, анализируя ход подготовки и реализации в губерниях региона Великих реформ 1860-х гг. [9, 10]. Значительная часть специалистов представила общую картину демографических процессов в сельской местности в русле изучения истории крестьянства и крестьянской общины [11, 12; 13, с. 43–45, 330–346]. В центре внимания авторов находились вопросы, раскрывающие темпы роста населения, их половозрастной и этнический состав, принадлежность к социально-правовым группам землепользователей, уровень грамотности,

принципы расселения и др. Заметим, что в большинстве работ анализ представленных сюжетов производился или в целом по сельскому населению северных губерний, или отдельно по помещичьим, удельным и государственным крестьянам. В свою очередь, до 1861 г. крепостные подразделялись на несколько групп сельских жителей. В предлагаемой статье рассмотрены количественный состав числившихся в северных губерниях накануне отмены крепостного права категорий крепостных крестьян и особенности их расселения.

Исследование основано на статистических данных, представленных в труде А. Тройницкого [14], а также сохранившихся в делопроизводственной документации Министерства внутренних дел (далее – МВД), Вологодского и Олонецкого губернаторов. Последние были выявлены в фондах Российского государственного исторического архива. В основе этих материалов лежали результаты проведенной в 1858 г. X народной переписи (ревизии). Ее целью являлось подсчитать потери значительной «убыли в народе»: с одной стороны, вследствие Крымской войны, с другой – из-за массовой смертности по причине эпидемий и неурожаев [15]. Отдельно отметим первый труд, автором которого являлся неперенный член Центрального статистического комитета (далее – ЦСК), заведующий его статистическим отделом А. Тройницкий. Он не только опубликовал ведомости о численности крепостного населения в России, но и сопровождал их собственными пояснениями и выводами. Несмотря на то, что в сочинении представлена информация, извлеченная из перечневых ведомостей казенных палат о X народной переписи, его по праву можно считать результатом деятельности статистического отдела ЦСК. Как отметил автор, открывшиеся «при взаимном сличении и проверке ведомостей, несходства в подробностях и итогах, равно как и не полноты и недоразумения, относительно различных видов крепостных были, по возможности, исправлены, пополнены и разъяснены, чрез сношения с казенными палатами и с начальниками губерний» [14, с. IV].

Приступая к реализации поставленной цели, укажем разряды крепостных людей, зафиксированные X ревизией населения на территориях Российской империи [подробнее см.: 14, с. 7–23]. Сельские обыватели «крепостного или несвободного состояния» распределялись по трем основным группам крестьянства: помещичьи; принадлежавшие разным ведомствам и приписанные к частным заводам и фабрикам. Каждая из них объединяла несколько категорий населения. К первой относились лица, состоящие, во-первых, на общем крепостном праве – это помещичьи крестьяне и дворовые люди, а во-вторых, – на условном крепостном праве. К ним относились владельческие ординации, поиезультские, ленные и крестьяне, подлежащие обращению в казну по конфискации. Все они были распространены в западных губерниях империи. Во вторую группу объединялось сельское население, проживавшее на землях учреждений и недворянских сословий. В середине XIX в. первые были представлены благотворительными и воспитательными учреждениями (Московский попечительный комитет Императорского Человеко-

любивого общества, Московская Голицынская больница, Московский комитет о просящих милостыни и др.) и Ведомством коменданта С.-Петербургской крепости. Также сюда причислялись города, церкви и монастыри западного края. Отличие этой категории землепользователей от многочисленных разрядов так называемых приписных крестьян, состоящих на казенном праве, – ведомства владели ими на помещичьем праве. Из недворянских сословий крестьянами обладали однодворцы (однодворческие крестьяне) и обельные¹ вотчинники (обельные крестьяне). Третья группа была представлена крестьянами, приписанными к частным заводам и фабрикам на владельческом и посессионном правах.

На Европейском Севере России, под которым нами понимаются территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, в результате X ревизии населения были выявлены не все из представленных категорий крепостных. Особенностью региона являлось преобладание среди податного сословия государственных крестьян. По данным авторов «Истории северного крестьянства», к концу 1850-х гг. в трех губерниях проживало 625,6 тыс. ревизских душ. Казенные крестьяне составляли 453,7 тыс. чел., или 72,6 % всего сельского населения. На помещичьих крестьян приходилось 108 тыс. душ, или 17,4 % от общей доли землепользователей. Из них 95 % были сосредоточены в Вологодской губернии и лишь около 5 % – в Олонецкой; в Архангельской они практически отсутствовали [16]. В анализируемый период, по сведениям А. Тройницкого, в регионе проживали следующие группы крепостного населения: помещичьи крестьяне, дворовые люди, обельные вотчинники и лица, принадлежавшие Московскому попечительному комитету Императорского Человеколюбивого общества и к частным заводам на посессионном праве. Численность их с распределением по уездам губерний представлена в табл. 1.

Обратим внимание, что, в отличие от первой группы, раскладка данных по уездам двух других категорий в источ-

нике не представлена. Отметим также, что отраженная в использованном труде статистика признавалась правительством как официальная. В частности, в направленной 30 апреля 1861 г. Вологодскому, Вятскому и Олонецкому губернаторам записке министра внутренних дел указано: «По составленному на основании официальных сведений и изданному Центральным СК МВД статистическому исследованию "Крепостное население в России по 10-й народной переписи" по Олонецкой губернии числится помещичьих крестьян в уездах: Вытегорском – 1984 души; Лодейнопольском – 2803 души; в Петрозаводском – 161 душа; Повенецком – 36 души; в Каргопольском – 30 душ» [17, л. 12 об.–13]. Эти показатели соответствовали цифрам о мужском населении, приведенным в таблице. С другой стороны, отдельные сведения не совпадали с материалами, которыми оперировал в своем фундаментальном

Таблица 1
Численность и состав крепостных крестьян на Европейском Севере России по X ревизии (1858)
Table 1
Number and composition of serfs in the European North of Russia according to the X revision (1858)

Губерния / уезд	Группы и категории крепостного населения									
	Помещичьи крестьяне на общем крепостном праве				Принадлежавшие ведомствам, учреждениям и недворянским сословиям				Принадлежавшие частным фабрикам и заводам	
	крестьяне		Дворовые люди		Московское Человеколюбивое общество		Обельные крестьяне		На посессионном праве	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Архангельская										
Архангельский	-	-	6	13	-	-	-	-	-	-
Онежский	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Итого	-	-	6	14	-	-	-	-	-	-
Всего	-	-	20		-	-	-	-	-	-
Вологодская										
Велико-Устюжский	10	14	30	47	-	-	-	-	-	-
Вологодский	33 930	36 939	1 667	1 755	-	-	-	-	-	-
Грязовецкий	14 083	15 277	1 043	1 171	-	-	-	-	-	-
Кадниковский	48 670	53 490	832	820	-	-	-	-	-	-
Никольский	1 359	1 499	41	52	-	-	-	-	-	-
Сольвычегодский	-	-	4	9	-	-	-	-	-	-
Тотемский	1 077	1 179	53	88	-	-	-	-	-	-
Усть-Сысольский	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-
Яренский	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Итого	99 135	108 404	3 670	3 943	535	591	-	-	691	808
Всего	207 539		7 613		1 126		-	-	1 499	
Олонецкая										
Вытегорский	1 984	2 230	83	100	-	-	-	-	-	-
Каргопольский	30	37	22	23	-	-	-	-	-	-
Лодейнопольский	2 803	2 954	232	211	-	-	-	-	-	-
Олонецкий	-	9	12	-	-	-	-	-	-	-
Петрозаводский	161	183	48	42	-	-	-	-	-	-
Повенецкий	36	56	-	-	-	-	30	31	-	-
Итого	5 014	5 469	397	376	-	-	79	126	-	-
Всего	10 483		773		-	-	205		-	-

Источники: [14, с. 18, 26, 28, 29, 34, 46, 47].

Примечание. Здесь и в табл. 2 «-» – сведения в источнике отсутствуют.

Sources. [14, p. 18, 26, 28, 29, 34, 46, 47].

Note: Here and in Table 2 «-» – no information in the source.

труде П. А. Колесников, представляя итоги X ревизии в северных губерниях. К примеру, по его подсчетам в первых двух и в последнем уездах крепостных душ мужского пола (далее – д.м.п.) было: 2003, 2796 и 34 соответственно [13, с. 342, 344]. Причина расхождений, по нашему мнению, обусловлена различием в выборе критериев классификации крепостного населения.

Итак, согласно материалам таблицы, в Архангельской губернии из крепостных числились только дворовые люди. Они представляли неоседлый класс помещичьих людей. Их отличительной чертой являлось то, что они не наделялись землей, а состояли с семьей на полном содержании владельца, который также платил за них государственные подати. В 1858 г. их насчитывалось 20 душ обо-его пола и проживали они в Архангельском и Онежском уездах. При чем в последнем была зафиксирована лишь одна женщина. Принадлежали они троим беспоместным дворянам [14, с. 45].

В Вологодской и Олонецкой губерниях значительную часть рассматриваемой категории податного населения составляли крестьяне, находившиеся на общем крепостном праве. При этом их расселение по губерниям было неравномерное. Основной процент приходился на три юго-западных уезда Вологодской и два южных Олонецкой губерний. Их доля от общего числа помещичьих крестьян в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах составляла 97,5 % как среди мужского населения, так и среди обоих полов. Оставшиеся 2,5 % распределились по четырем уездам. В Вытегорском и Лодейнопольском уездах этот показатель равнялся 95,5 и 95,1 % соответственно. Но, в отличие от соседней губернии, здесь на оставшиеся четыре уезда приходилось 4,5 %. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении дворовых людей, основная доля которых также приходилась на указанные пять уездов.

Следует подчеркнуть, что в первой половине XIX в. помещичьи крестьяне проживали в Вельском уезде. По данным VIII ревизии (1833), здесь их насчитывалось 10 218 ревизских душ, или 26 % от всего населения уезда [18, с. 69]. Распределялись они по 12 «помещичьим волостям», которые располагались компактной группой в его западной части, граничившей с Кадниковским уездом. Последнее обстоятельство, как считает П. П. Котов, послужило причиной перечисления их в 1851 г. в Кадниковский уезд. Более того, в результате территориальных преобразований в состав крепостного населения были включены государственные крестьяне, совместно проживавшие с помещичьими в шести селениях и двух казенных деревнях [подробнее см.: 18].

В то же время ряд представленных в таблице данных требует дополнительного изучения и перепроверки с привлечением иных источников. Во-первых, это касается численности дворовых людей в Сольвычегодском и Яренском уездах, так как непосредственно помещичьих имений, судя по показателю «помещичьи крестьяне», здесь не располагалось. Во-вторых, относительно 12 д.м.п. и душ женского пола (далее – д.ж.п.), принадлежавших помещикам в Усть-Сысольском уезде. Заметим, что

в 1861 г. Вологодский губернатор В. Ф. Пфелер касаясь этой территории упоминает только приписанных к заводам крепостных крестьян: «Равным образом утверждены проекты образования волостей в Яренском и Устьсысольском уездах, где есть заводские крестьяне, на которых также распространяется положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [19, л. 8 об.]. В-третьих, о численности обельных крестьян. Обельные вотчинники, относившиеся к семейству Ключаревых, проживали в Челмужском погосте Повенецкого уезда Олонецкой губернии. А. Тройницкий в содержательной части труда указывает, что к середине XIX в. их насчитывалось 31 д.м.п. и 30 д.ж.п., что в сумме составляет 61 чел. [14, с. 18]. Однако в опубликованных им далее статистических таблицах мы видим совершенно иные цифры – 79 д.м.п. и 126 д.ж.п. Хотя здесь он и поясняет, что в их состав включены дворовые люди: 1 д.м.п. и 5 д.ж.п., но это не соответствует ранее озвученным данным. В то же время, по сведениям губернатора А. А. Философова, у Ключаревых числилось по X ревизии 80 душ обельных крестьян [20, л. 1]. Допускаем, что А. Тройницкий включил в статистические таблицы всех обельных крестьян губернии. В частности, он указал, что, помимо Повенецкого уезда, они проживали в Вытегорском и Петрозаводском уездах и никому не принадлежали, а были причислены к свободным сельским обывателям [14, с. 19].

Согласно материалам таблицы, в Вологодской губернии крепостных насчитывалось 217 777 душ обо-его пола и 11 461 душа – в Олонецкой губернии. В каждом регионе имелись помещичьи крестьяне, находившиеся на общем крепостном праве, в то время как остальные категории податного населения проживали исключительно в одной губернии. Согласно представленным материалам, они распределялись следующим образом: в первом регионе 95,3 % составляли помещичьи крестьяне; 3,5 – дворовые люди; 0,5 – крепостное население, принадлежавшее Московскому Человеколюбивому обществу, и 0,7 % – приписанные к заводам. Во втором регионе 91,5 % – помещичьи крестьяне; 6,7 – дворовые люди и 1,8 % – обельные крестьяне. Заметим, что выведенные показатели отражают общую картину распределения крепостного населения по северным губерниям. Однако их нельзя считать идеальными, так как они могут варьировать в зависимости от привлекаемых источников.

В частности, интересующая нас информация содержится в делопроизводственной документации губернских институтов власти. В отличие от труда А. Тройницкого, в них представлены ограниченные статистические данные. В статистической таблице отражены цифры, выявленные в процессе изучения переписки Олонецкого и Вологодского губернаторов с Земским отделом МВД по вопросу формирования мировых участков в уездах с малым количеством крепостных. Обращает на себя внимание, что региональная власть, в отличие от ЦСК, оперировала фактами о наличии только мужского населения, т. е. ревизской душой. В то же время часть сведений в этих источниках раскрыта более подробно. Так, губернаторы расписали количество крестьян, приписанных к частным

Таблица 2
Численность крепостных в 1858 году в Вологодской
и Олонецкой губерниях по данным делопроизводственной
документации

Table 2
The number of serfs in 1858 in the Vologda and Olonets provinces
according to records

Губерния / уезд	Категории крепостных крестьян (д.м.п.)		
	Помещичьи крестьяне	Принадлежащие частным заводам	Обельные крестьяне
Вологодская			
Велико-Устюгский	19	-	-
Никольский	1365	-	-
Тотемский	1165	-	-
Усть-Сысольский	-	195	-
Яренский	-	495	-
Всего	2549	690	-
Олонецкая			
Вытегорский	2077	-	-
Лодейнопольский	3086	-	-
Петрозаводский	193	-	-
Повенецкий	36	-	80
Всего	до 5450	-	80

Источники: [17, л. 1, 8 об., 9, 42 об., 43; 20, л. 1].

Sources: [17, l. 1, 8 ob., 9, 42 ob., 43; 20, l. 1].

заводам, и указали уезд проживания обельных крестьян. Следует отметить, что, согласно сведениям В. Ф. Пфелера, из трех железоделательных предприятий Усть-Сысольского уезда крепостные были на Кажимском и Нювчимском заводах, а на Нючпаском – отсутствовали [19, л. 30].

Несмотря на то, что поступавшие в ЦСК результаты ревизии населения проверялись и в случае обнаружения ошибок исправлялись, губернаторы зачастую оперировали иной статистикой, которая пусть незначительно, но отличалась от официальной. Сопоставление материалов статистических таблиц показало несовпадение данных по всем уездам, кроме Повенецкого. Так, в процессе изучения документации Олонецкого губернатора А. А. Философова было выявлено несоответствие в показателях временно-обязанных крестьян в Петрозаводском и Повенецком уездах. В отношении от 15 апреля 1861 г., направленном в МВД, он указал, что в Петрозаводском и Повенецком уездах «вместе взятых всех временно-обязанных крестьян числится по 10 ревизии 228 душ» [17, л. 7]. В документе, отсланном в то же министерство 7 июня 1861 г., уточнялось, что в первом уезде числилось 193 д.м.п., а во втором – 36 [20, л. 1], т. е. в сумме – 229 душ. Как видим, разница – минимальная. Возможно, выявленная погрешность связана с элементарной ошибкой, допущенной во время написания документа. Но встречались и значительные расхождения. Например, показатели по Тотемскому уезду разнились на 88 душ; а по В.-Устюгскому – на 9. Поэтому достоверность представлявшихся местными властями сведений заслуживает дополнительной проверки. В целом, делопроизводственной документацией подтверждается общая картина размещения крепостного населения по уездам северных губерний. Сопоставление же материалов обеих

таблиц позволяет судить, что губернские власти оперировали завышенными данными о крепостных в регионе.

Основываясь на материалах табл. 1 и привлекая отдельные сведения из табл. 2, автор постарался определить долю крепостных среди всего сельского населения в уездах. Результаты этой работы отражены в табл. 3. Прежде чем охарактеризовать их, дадим несколько пояснений. Во-первых, общая численность сельского населения по первым двум губерниям представлена согласно подсчетам Д. И. Пинаевского, а по третьему региону – по Памятной книжке. В обоих трудах авторами были использованы источники за 1858 г. Во-вторых, в графе «Всего по губернии», столбец «Общая численность...» указана суммарная цифра по всем уездам региона, а не только представленным в таблице. В-третьих, при вычислении доли крепостных в уездах Вологодской губернии не учтены крестьяне, принадлежавшие Московскому Человеколюбивому обществу, так как автор не обладает точными сведениями, на каких территориях они обитали. В свою очередь, они охвачены при рассмотрении итоговых показателей по региону. В-четвертых, в расчеты по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам включены показатели о крепостных, принадлежавших местным заводам, представленным в табл. 2, т. е. в количестве 690 ревизских душ. В-пятых,

Таблица 3
Доля крепостного населения в губерниях Европейского Севера
России в 1858 году

Table 3
Share of serf population in the provinces of the European North
of Russia in 1858

Губерния / уезд	Общая численность сельского населения, чел.	Численность крепостных, чел.	Доля крепостных, %
Архангельская			
Архангельский	43 496	19	0,04
Онежский	30 382	1	0,003
Всего по губернии	256 568	20	0,01
Вологодская			
Велико-Устюгский	97 716	101	0,1
Вологодский	133 243	74 291	55,8
Грязовецкий	83 665	31 574	37,7
Кадниковский	137 600	103 812	75,4
Никольский	114 802	2951	2,6
Сольвычегодский	82 187	13	0,02
Тотемский	103 556	2397	2,3
Усть-Сысольский	66 398	207	0,3
Яренский	33 517	496	1,5
Всего по губернии	926 813	217 777	23,5
Олонецкая			
Вытегорский	35 665	4397	12,3
Каргопольский	61 517	112	0,2
Лодейнопольский	33 095	6200	18,7
Олонецкий	32 654	21	0,06
Петрозаводский	55 555	434	0,8
Повенецкий	24 746	153	0,6
Всего по губернии	270 217	11 461	4,2

Источники: [5, с. 73–74; 21].

Sources: [5, p. 73–74; 21].

по Повенецкому уезду численность крепостных указана совместно с 80-ю душами обельных крестьян, отраженными в документах губернатора, а не с 61-й душой обоего пола, фигурировавшей в труде А. Тройницкого. Однако при подсчете всех крепостных по Олонецкой губернии относительно этой категории податного населения использованы материалы табл. 1, т. е. 205 душ.

Таким образом, по причине отсутствия целостной информации в труде А. Тройницкого, для реализации поставленной задачи автор привлек материалы делопроизводственной переписки. Последняя позволила дополнить возникшие лакуны. Однако она отличалась по критериям распределения крепостного населения по уездам. Учитывая эти обстоятельства, автор прибегнул к разным подходам в подсчете доли крепостных. В итоге отраженные в табл. 3 результаты, как и в случае с ранее произведенными расчетами распределения крепостных по категориям, нельзя считать идеальными величинами. Несмотря на это, они позволяют судить об общей картине процентной составляющей количества анализируемого податного населения по уездам регионов Европейского Севера России.

Итак, наивысший показатель фиксировался в Вологодской губернии, достигая 23,5 % среди всего сельского населения. В Олонецкой губернии он являлся более чем в пять раз меньше соседнего региона: 4,2 %, а в Архангельской и вовсе составлял около 0,01 %. Наибольшая концентрация приходилась на Кадниковский уезд, где крепостные составляли ¾ населения (75,4 %), в Вологодском – более половины сельских жителей (55,8 %), а в Грязовецком – более 1/3 (37,7 %). В Никольском, Тотемском и Яренском уездах их доля варьировала от 1,5 до 2,6 %, а в Усть-Сысольском и Сольвычегодском – не достигала и 1 %. По Олонецкой губернии цифры выглядели скромнее. Больше всего их было сосредоточено в Лодейнопольском уезде (18,7 %), в Вытегорском к ним причислялись 12,3 % сельского населения, а в оставшихся четырех уездах этот показатель не превышал и 1 %. Таким образом, доля крепостного населения в уездах северных губерний соответствовала прямо пропорционально увеличению в них их общей численности.

Подводя общий итог, отметим, что в целом исследование подтвердило представленную ранее точку зрения авторов коллективного труда «История северного крестьянства». Накануне отмены крепостного права основная концентрация крепостного населения наблюдалась в Вологодской губернии, в то время как в Архангельской оно практически отсутствовало. Наивысший процент их (более 95 %) был сосредоточен в трех юго-западных уездах Вологодской и двух южных уездах Олонецкой губерний. Оставшаяся часть была разбросана по шести уездам первого и четырем уездам второго регионов. Среди крепостных здесь существенно преобладали помещичьи крестьяне и дворовые люди. Помимо них X ревизией в Вологодской губернии были зафиксированы податные лица, принадлежавшие Московскому Человеколюбивому обществу и частным заводам, а в Олонецкой – обельные крестьяне.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (Далее – ПСЗРИ-2). Т. 36. Ч. 1. 1861 – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863. – № 36657. – С. 147–155.
2. ПСЗРИ-2. Т. 36. Ч. 1. 1861. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863. – № 36660. – С. 202–218.
3. Попов, С. А. Организация мировых участков на Европейском Севере России в 1861 году / С. А. Попов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 5 (63). – С. 98.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1181. Оп. 2. Д. 17.
5. Пинаевский, Д. И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дмитрий Иванович Пинаевский; Сыктывкарский гос. ун-т. – Сыктывкар, 1999. – 230 с.
6. Вишнякова, Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX–начале XX в. / Д. В. Вишнякова. – Сыктывкар, 2012. – 164 с.
7. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / отв. ред. В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 2006. – 184 с.
8. Жеребцов, И. Л. Сельское население Коми в середине XIX–XX в.: расселение, состав, численность / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер, Е. Н. Рожкин [и др.]. – Сыктывкар, 2005. – 220 с.
9. Филиппов, Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии / Р. В. Филиппов. – Петрозаводск : Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. – С. 32, 41–42.
10. Трунина, Е. А. Административно-территориальное устройство, состав населения, социально-экономическое состояние Вологодской губернии накануне реформ Александра II / Е. А. Трунина // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. 15 марта 2007 г. Вып. 14 / под ред. А. В. Камкина. – Вологда, 2007. – С. 85–86.
11. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского университета. – 2013. – № 1 (130). – С. 18–22.
12. Попов, С. А. Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX–начала XX века) / С. А. Попов. – Сыктывкар, 2016. – С. 30–33.
13. Колесников, П. А. Северная деревня в XV–первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда : Северо-западное кн. изд-во, 1976. – 416 с.
14. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : Тип. Карла Вульфа, 1861. – VIII. 93 с.
15. Пархоменко, А. А. Развитие ревизского учета населения в XIX веке (на материалах Курского края) / А. А. Пархоменко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 4 (32). – С. 44–47. – URL: <https://>

elibrary.ru/download/elibrary_22633692_20071389.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

16. История северного крестьянства. Т. 2. Период капитализма / гл. ред. Ю. А. Поляков. – Архангельск : Северо-западное кн. изд-во, 1985. – С. 12, 13.
17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 6.
18. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2019. – № 3 (39). – С. 65–71.
19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 30.
20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 38.
21. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Год четвертый. – Петрозаводск : Губернская тип., 1860. – С. 247.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (hereinafter – PSZRI-2). Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Typography of the II Dept. of Her Imperial Majesty's Chancellery, 1863. – № 36657. – P. 147–155.
2. PSZRI-2. Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Typography of the II Dept. of Her Imperial Majesty's Chancellery, 1863. – № 36660. – P. 202–218.
3. Popov, S. A. Organizacija mirovyh uchastkov na Evropejskom Severe Rossii v 1861 godu [Organization of conciliators districts in the European North of Russia in 1861] / S. A. Popov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2023. – № 5 (63). – P. 98.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1181. Op. 2. D. 17.
5. Pinaevsky, D. I. Narodonaselenie Evropejskogo Severa Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Population of the European North of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]: diss. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02 / Dmitry Ivanovich Pinaevsky; Syktyvkar State Univ. – Syktyvkar, 1999. – 230 p.
6. Vishnyakova, D. V. Etnodemograficheskie processy v Komi krae v XIX – nachale XX v. [Ethno-demographic processes in the Komi territory in the XIX – early XX centuries] / D. V. Vishnyakova. – Syktyvkar, 2012. – 164 p.
7. Etnicheskij faktor v demograficheskom razvitii Respubliki Komi (seredina XIX – nachalo XXI veka). Ocherki istorii narodonaselenija [Ethnic factor in the demographic development of the Komi Republic (mid XIX – early XXI century). Essays on the history of population] / Ed. V. V. Fauzer. – Syktyvkar, 2006. – 184 p.
8. Zherebtsov, I. L. Sel'skoe naselenie Komi v seredine XIX – XX v.: rasselenie, sostav, chislennost' [Rural population of Komi in the mid-XIX – XX centuries: settlement, composition, number] / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer, E. N. Rozhkin, D. V. Vishnyakova. – Syktyvkar, 2005. – 220 p.
9. Filippov, R. V. Reforma 1861 g. v Olonetskoj gubernii [The reform of 1861 in the Olonets province] / R. V. Filippov. – Petrozavodsk: State Publishing House of Karelian ASSR, 1961. – P. 32, 41–42.
10. Trunina, E. A. Administrativno-territorial'noe ustrojstvo, sostav naselenija, social'no-jekonomicheskoe sostojanie Vologodskoj gubernii nakanune reform Aleksandra II [Administrative-territorial structure, population composition, social and economic state of the Vologda Province on the eve of the reforms of Alexander II] / E. A. Trunina // Istoricheskoe kraevedenie i arhivy [Historical local lore and archives]: materials of the interregional sci. conf. March 15, 2007. Issue 14 / Ed. A. V. Kamkin. – Vologda, 2007. – P. 85–86.
11. Kotov, P. P. Udel'nye krest'jane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie processy [Tsar family peasants in the European North of Russia: distribution and demographic processes] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2013. – № 1 (130). – P. 18–22.
12. Popov, S. A. Krest'yanskoe samoupravlenie v Vologodskoj gubernii (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka) [Peasant self-government in the Vologda province (second half of the XIX – early XX century)] / S. A. Popov. – Syktyvkar, 2016. – P. 30–33.
13. Kolesnikov, P. A. Severnaya derevnya v XV – pervoi polovine XIX veka [Northern village in the XV – first half of the XIX century] / P. A. Kolesnikov. – Vologda: North-Western Book Publ. House, 1976. – 416 p.
14. Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-i narodnoi perepisi. Statisticheskoe issledovanie A. Troinitskogo [Serf population in Russia according to the 10th national census. Statistical study by A. Troinitsky]. – St. Petersburg: Karl Wolfe Publ. House, 1861. – VIII. 93 p.
15. Parkhomenko, A. A. Razvitie revizskogo ucheta naselenija v XIX veke (na materialah Kurskogo kraja) [Development of the revision register of the population in the XIX century (on the materials of the Kursk region)] / A. A. Parkhomenko // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. Notes. Electronic Sci. J. of Kursk State Univ.]. 2014. – № 4 (32). – P. 44–47. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22633692_20071389.pdf (accessed: 18.06.2024).
16. Istorija severnogo krest'janstva [History of northern peasantry]. Vol. 2. Period of capitalism / Ed. Yu. A. Pol'yakov. – Arkhangelsk: North-Western Book Publ. House, 1985. – P. 12, 13.
17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 6.
18. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века [Change of boundaries of the Velsk and Kadnikovsk uyezds of the Vologda province in the mid-XIX century] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2019. – № 3 (39). – P. 65–71.
19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 30.
20. Ibid. Ф. 1291. Оп. 36. 1861. Д. 38.
21. Pamyatnaya knizhka Olonetskoj gubernii na 1860 god [Memorable book of the Olonets province for 1860]. 4-th Year. – Petrozavodsk: Provincial Printing House, 1860. – P. 247.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Попов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0009-0009-4181-9577 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Sergei A. Popov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID 0009-0009-4181-9577 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation (e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Попов, С. А. Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов / С. А. Попов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 18–25.

For citation:

Popov, S. A. The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s / S. A. Popov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 18–25.

Дата поступления статьи: 14.10.2024

Прошла рецензирование: 17.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 14.10.2024

Reviewed: 17.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Влияние внутренней политики на формирование национальной идентификации восточнославянского населения Австрии в 1840–1890-е годы

Д. А. Коновалов

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
d.k.official.mail.box@gmail.com

Аннотация

В работе автор исследует формирование национальной идентификации восточнославянского населения Австрии в контексте внутренней политики в 1840–1890-е гг. Исследование демонстрирует формирование национальной идеи восточных славян в Австрийской империи и ее трансформацию из культурно-просветительской в политическую форму.

Ключевые слова:

национализм, Австрийская империя, русины, Галиция, «Весна народов», конституционные реформы

The impact of domestic policy on the formation of national identification of the East Slavic population of Austria in the 1840s–1890s

D. A. Konovalov

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
d.k.official.mail.box@gmail.com

Abstract

The paper studies the formation of national identification of the East Slavic population of Austria in the context of domestic policy in the 1840–1890s. The study demonstrates the formation of the national idea of the Eastern Slavs in the Austrian Empire and its transformation from a cultural and educational form to a political one.

Keywords:

nationalism, Austrian Empire, Ruthenians, Galicia, “Spring of Nations”, constitutional reforms

Естественным результатом ускоренного экономического и социально-политического развития Европы начала XIX в. стал рост национального самосознания. К середине века национализм, благодаря своей способности к мобилизации общества, стал играть решающую роль в развитии большинства европейских держав, что привело к росту военной и экономической эффективности национальных государств. В Восточной Европе этнический национализм возник как реакция на политику империй и изначально носил культурно-просветительский характер.

Национальные движения Австрийской империи можно разделить на две большие группы: 1) движение народов, уже имеющих опыт независимой государственности (венгры, чехи, поляки); 2) формирующихся наций (русины, румыны). Первые выступали за отделение от империи Габсбургов и возрождение собственных государств, вторые стремились к федерализации империи. Еще одной характерной чертой политической жизни Австрийской империи XIX в. являлось противостояние сторонников централизованного государства (австрийская аристократия) и федералистов (национальные элиты).

Восточнославянское население в Австрии называлось русинами (*Ruthenen*) и проживало в восточных провинциях империи, а именно Галиции, Буковине и Закарпатье.

Характерными особенностями данной группы славян являлись вероисповедание и язык. Однако ни одна из трех провинций не была полностью русинской с точки зрения этнического состава населения. В Галиции конкуренцию русинам составляли поляки, в Закарпатье – венгры, а в Буковине – румыны.

Центром формирования идей о самобытности восточнославянского населения империи Габсбургов в начале XIX в. стал город Львов в Галиции. Возглавило процесс формирования национальной идеи греко-католическое духовенство.

В 1832 г. студенты Львовской духовной семинарии М. С. Шашкевич, И. Н. Вагилевич и Я. Ф. Головацкий объединили вокруг себя просвещенную часть русинской молодежи Львова и организовали просветительский кружок *Руская*¹ троица. Направление деятельности сообщества лежало в русле идей романтизма. Основной целью кружка являлось пробуждение национального самосознания у русинов Галиции путем популяризации их культуры. Участники кружка занимались сбором, исследованием и публикацией материалов в сферах фольклористики, этнографии, языкознания и источниковедения. Со временем количество членов сообщества росло, масштабы

¹ Здесь и далее: «Руская» с одной буквой «с», так как это производное от слова «русин», *Ruthenische Dreiheit* (нем.).

«хождения в народ» увеличивались, а идеи о самобытности восточных славян Австрии приобретали все больше сторонников. Такие тенденции не могли остаться без внимания центральных органов власти империи. В 1834 г. публикация сборника «Заря» была запрещена австрийской цензурой, а деятельностью участников кружка заинтересовалась полиция. В 1837 г. была конфискована большая часть тиража нового альманаха «Русалка Днестровая» [1].

В 1838 г. М. С. Шашкевич завершил обучение в Львовской духовной семинарии и был назначен священником в село Гумниска недалеко от Львова. В 1841 г. обучение на философском факультете Львовского университета закончил Я. Ф. Головацкий, после чего, в 1842 г., был назначен настоятелем в греко-католическую церковь села Никитинцы недалеко от Станиславова (сегодня Ивано-Франковск). В 1843 г. М. С. Шашкевич умер, после чего кружок окончательно прекратил свое существование. Однако несмотря на прекращение деятельности *Руской* троицы идея об уникальности русин продолжила жить и развиваться.

В 1840-е гг. в Европе наблюдается рост активности национальных движений, достигший своего апогея во время «Весны народов» 1848–1849 гг. [2]. Особенно широкий размах это явление приобретает в империи Габсбургов, по причине ее многонациональности. Кроме этнического многообразия жителей Австрии, нарастанию революционных настроений в государстве способствовали такие факторы, как консерватизм эпохи правления К. фон Миттерниха и абсолютная власть семьи Габсбургов, не соответствующие требованиям времени.

В 1848 г. по Европе прокатилась волна революций. Общими требованиями восставших во всех странах являлись отказ от абсолютизма, проведение реформ и демократизация общественной жизни. На фоне общеевропейских событий из разных уголков империи Габсбургов зазвучали призывы к реформированию государства. 3 марта Л. Кошут инициировал обращение парламента (*Landtag*) Венгрии к императору Фердинанду I с требованием конституционных реформ. Спустя несколько дней примеру Венгрии последовали Богемия и Нижняя Австрия, а в Италии началось вооруженное восстание. Требования парламентов земель империи к центральной власти поддерживали жители крупных городов. 13 марта комендант Вены эрцгерцог Альбрехт Австрийский использовал войска для разгона собрания сторонников реформ на площади Херенгассе. Ответом на репрессии стали массовые беспорядки и строительство баррикад на улицах Вены. Вечером Фердинанд принял отставку К. фон Меттерниха. Через два дня под давлением сторонников демократизации, взявших в осаду дворец, император отдал распоряжение новому правительству, которое возглавил Ф. фон Коловрат-Либштейнский, о начале разработки конституции и проведении либеральных реформ [3, с. 173–264].

18 марта Венгрия получила расширенную автономию и собственное правительство, а менее чем через месяц

конституционные реформы для данной провинции были утверждены императором. Успех революции в Венгрии подтвердил правильность данного пути и вдохновил на продолжение борьбы другие национальные движения империи Габсбургов, в том числе и в Галиции.

Первыми в Галиции начали действовать поляки, создав Национальный комитет и выдвинув список требований к центральной власти, включавший в себя предоставление демократических прав и свобод, национализацию местной администрации и системы образования. Уже в начале апреля польская делегация была принята императором, пообещавшим передать их программу для рассмотрения правительством [4, с. 315]. Важно отметить, что польская программа реформ никак не учитывала интересы других этнических групп Галиции, крупнейшей из которых являлись русины.

19 апреля 1848 г. депутация от сообщества русинов передала губернатору Галиции Ф. фон Штадиону обращение к императору Фердинанду I, в которой говорилось о верности восточнославянского населения монархии и необходимости уравнивания в правах католиков греческой и римской традиций, а также польского и русинского языков. Петиция была отправлена губернатором министру иностранных дел Ф. фон Пиллерсдорфу.

25 апреля 1848 г. была принята первая австрийская Конституция, разработанная под руководством Ф. фон Пиллерсдорфа, согласно которой Австрия объявлялась конституционной монархией, вводились демократические свободы, создавался двухпалатный Государственный совет (*Reichstag*), при этом за императором сохранялась ключевая роль в управлении государством (утверждение состава верхней палаты Государственного совета и законов). Несмотря на то, что уже 16 мая 1848 г. «Конституция Пиллерсдорфа» из-за недовольства радикальной части революционеров была объявлена временной, русины воспользовались формально предоставленными свободами. Уже 2 мая 1848 г. греко-католическое духовенство совместно с русинской интеллигенцией создали политическую организацию, получившую название Главный *русский* совет. Во главе организации стал епископ греко-католической церкви, видный богослов и педагог Г. И. Яхимович [5, с. 9–28].

10 мая 1848 г. на заседании Совета министров было рассмотрено обращение русин к императору, после чего приняты следующие решения:

«1. Школьное образование во всех местностях, где население полностью или преимущественно русинское, должно быть на русинском языке, а в местностях, где польское население более многочисленно, также и на польском;

2. Для использования русинского языка и обучения ему в высших учебных заведениях должна быть учреждена кафедра этого языка;

3–4. Все провинциальные законы, королевские указы и постановления властей должны публиковаться на русинском языке для русинов, а чиновники, которые будут работать в русинской части Галиции,

должны владеть русинским языком, что уже предусмотрено Конституцией от 25 апреля;

5. Грекокатолическое духовенство должно получать надлежащее образование на русинском языке;

6. Равенство трех религий (грекокатолической, латинской и армянской) будут строго соблюдаться;

7. Допуск русинов на все государственные должности уже гарантирован §24 Конституции»² [6, с. 193–194].

15 мая 1848 г. появился первый номер печатного издания Совета «Заря Галицкая», на страницах которого впервые было объявлено о единстве русинов Галиции с населением Юго-Западного края Российской империи:

«Мы Русины Галицкие принадлежим к великому рускому народу, который одним говорит языком и 15 миллионов насчитывает, из которого пол трети миллиона (2,5 млн – Д. К.) землю Галицкую заселяют» [7].

Таким образом, уже в 1848 г. прозвучала идея о необходимости объединения земель, на которых проживал «великий руский народ» в единое целое.

В июле 1848 г. начал работу избранный Государственный совет. Центральной темой обсуждения стали аграрный вопрос и новая конституция. Главным итогом работы Государственного совета стала отмена крепостного права в сентябре 1848 г. (в Галиции это произошло еще в апреле, по инициативе Ф. фон Штадиона), после чего крестьяне потеряли стимул для участия в революционном движении.

Последняя вспышка революционного насилия в Австрии – Октябрьское восстание в Вене, причиной которого стала отправка войск на подавление революции в Венгрии, против чего 6 октября выступили жители Вены и часть самих войск. После того, как власть в Вене перешла в руки революционеров, императорский двор переместился в Оломоуц, а Государственный совет – в Кромержиж. После ликвидации Октябрьского восстания в Австрии начались период реакции и переход к неоабсолютизму.

В конце ноября Совет министров возглавил князь Ф. Шварценбергер, ставший первым премьер-министром Австрии. В своей политической деятельности он руководствовался не традиционными ценностями средневековых монархий, а принципами *Realpolitik*.

2 декабря 1848 г. Фердинанд I отрекся от престола в пользу своего племянника Франца Иосифа. Под влиянием Ф. Шварценберга молодой император встал на путь консервативной модернизации, конечной целью которой являлось создание эффективной системы государственного управления многонациональной империей.

4 марта 1849 г. Государственный совет, так и не закончивший разработку проекта новой конституции, был распущен императором. Одновременно с роспуском Государственного совета был издан «Императорский патент от 4 марта 1849 г., содержащий имперскую конституцию Австрийской империи», в историографии получивший название «Навязанная мартовская конституция»

(*Oktroyierte Märzverfassung*). Данный документ во многом повторял положения «Конституции Пиллерсдорфа», однако имел одно важное отличие – его действие началось только после отмены чрезвычайного положения, введенного в провинциях империи в связи с революционными событиями. В Галиции, например, оно сохранялось до 1854 г. 31 декабря 1851 г. император утвердил Новогодний патент – законодательный акт, который прекращал действие Конституции 1849 г. и завершал процесс неоабсолютистской реорганизации Австрийской империи.

Несмотря на то, что большинство демократических достижений революции было отменено Францем Иосифом, положение русинов, по сравнению с дореволюционным, улучшилось. Было упразднено крепостное право, официально разрешено преподавание на национальном языке в школах и гимназиях, а в 1849 г. была открыта кафедра русинского языка во Львовском университете. В 1850 г., по инициативе Главного руского совета, было организовано культурно-просветительское товарищество «Галицко-русская матица», а в 1851 г. открыт Народный дом во Львове [5, с. 9–28]. Данные достижения, хотя и казались весьма скромными с точки зрения масштабных целей, которые ставила перед собой революция 1848 г., имели серьезное значение для формировавшегося национального самосознания восточных славян в империи Габсбургов, так как теперь внедрением национальной идеи можно было заниматься официально.

Главным отличием польского Национального комитета от Главного руского совета являлось то, что первый действовал как оппозиционный центральной власти орган, а второй – с одобрения правительства. В 1848–1849 гг. Габсбурги не воспринимали подвластные им народы как субъекты для сотрудничества на равных, а использовали их как инструмент для противодействия одних против других (хорваты против венгров, русины против поляков). Несмотря на провластную позицию, в июне 1851 г. Главный руский совет под давлением центрального правительства был вынужден объявить о своем самороспуске.

В 1853 г. началась Крымская война между Российской и Османской империями. Последнюю поддержала коалиция европейских государств во главе с Британской и Французской империями. Спустя год после введения российской армии в Дунайские княжества Австрия угрозила России вступлением в войну на стороне коалиции, если та не уберет войска из Молдавии и Валахии. Ультиматум подействовал, однако в долгосрочной перспективе ни к чему хорошему данный поступок Австрии не привел. В Санкт-Петербурге дипломаты Вены в годы Крымской войны оценили как предательство и основную причину поражения России, а по мнению членов европейской коалиции, Австрия должна была с самого начала определиться со своей позицией по отношению к сторонам конфликта, что в принципе помогло бы избежать войны. Таким образом, усидеть на двух стульях не удалось, и на Парижском конгрессе 1856 г. Австрия оказалась в еще более уязвимом положении, чем проигравшая войну Россия.

² Здесь и далее перевод автора.

В апреле 1859 г. Австрия начала очередную войну против Сардинского королевства, которое поддерживала Франция, давно желавшая укрепить свое влияние на Апеннинском полуострове. Спустя всего три месяца война была проиграна, после чего Австрия потеряла Ломбардию. В 1861 г. в результате объединения большей части земель Апеннинского полуострова возникло Итальянское королевство, заведомо недружественное по отношению к Габсбургам.

Поражение в Италии имело серьезные последствия. Кроме окончательной потери влияния в итальянских делах произошло ухудшение отношений с Пруссией, которая никак не поддержала Австрию в войне 1859 г. Проигранная война вкупе с мировым финансовым кризисом 1857–1858 гг. обострила и внутренние проблемы государства, грозившие перерасти в очередную революцию, в связи с этим правительство вынуждено было начать проведение реформ.

Первой попыткой изобразить активную реформаторскую деятельность стал Октябрьский диплом, разработанный под руководством министра иностранных дел А. Голуховского. Формально в империи вводилась конституционная форма правления, а также расширились права местного самоуправления. 20 октября 1860 г. Франц Иосиф подписал данный документ. В преамбуле Октябрьского диплома говорилось:

«В интересах нашего дома и наших подданных мы признаем нашей обязанностью ограждать могущество Австрийской монархии и ее внутреннее спокойствие, гарантировать ясными и точными началами правопорядка и единодушной совместной деятельности. Гарантией в полном смысле слова могут служить такие учреждения и такой правопорядок, которые одинаково соответствуют исторически сложившемуся правосознанию различных, входящих в состав государства королевств и областей, а равно удовлетворяют условиям их раздельного и неразрывного единения».

Для обеспечения «единодушной совместной деятельности» конституционный закон предусматривал следующее:

«1. Право издавать, изменять и отменять законы может быть осуществляемо не иначе, как при участии законно созданных парламентов земель (*Landtag*) и, в подлежащих случаях, Имперского совета (*Reichsrat*), куда парламента земель посылают определенное число своих представителей;

2. Все вопросы законодательства, имеющие своим предметом права, обязанности и интересы, одинаково относящиеся ко всем королевствам и областям, разрешаются при участии Имперского совета;

3. Остальные вопросы подлежат ведению парламентов земель» [8, с. 336–338].

Однако достичь компромисса не удалось, Октябрьский диплом не устраивал как сторонников сохранения централизованной системы управления, так и сторонников федерализации империи. В феврале 1861 г. Октябрьский диплом был заменен новым конституционным зако-

ном, разработанным под руководством нового министра внутренних дел А. фон Шмерлинга и получившим название Февральский патент. Согласно данному конституционному закону, Имперский совет был разделен на две палаты и получил права законодательного органа власти. Принципы представительства, устройства и функционирования органов местного самоуправления излагались в приложениях к Февральскому патенту, для Королевства Галиции и Ладомерии это приложение «II, о»:

«§1. Королевство Галиции и Ладомерии вместе с великим княжеством Краковским представляется парламентом земли;

§2. Парламент земли осуществляет задачи местного представительства или непосредственно, или посредством комитета земли (*Landesausschuss*).

§3. Парламент земли состоит из 161 депутата;

§4. Для председательствования в парламент земли из числа депутатов императором назначаются маршал (*Oberstlandmarschall*) и его заместитель (*Landmarschall*);

§6. Члены парламента земли исполняют свои обязанности в течение 6 лет;

§8. Парламент земли собирается один раз в год указом императора в главном городе земли Лемберге (Львов), если указом не назначено другое место для его созыва. Конец сессии парламента определяется решением подлежащих разработке вопросов;

§11. В качестве административного и исполнительного органа парламента земли действует комитет земли, состоящий из 6 избранных из числа депутатов во главе с маршалом;

§15. Членам комитета земли назначается жалование, также они обязаны, на время действия своих полномочий, являться жителями Лемберга;

§16. Издаваемые парламентом земли законы должны быть утверждены императором. Предложение, не одобренное верховной властью или большинством парламента земли, не может быть вынесено на рассмотрение второй раз в течении одной сессии;

§26–32. Комитет земли ведет текущие дела, исполняет постановление парламента земли, наблюдает за деятельностью учреждений земли и должностных лиц, представляет парламент в суде, осуществляет подготовку дел к сессиям парламента» [9, с. 280–299].

Однако из-за продолжающегося конфликта Габсбургов с Венгрией централизация, закрепленная Февральским патентом, не решила большинство внутренних проблем империи.

После организованного поляками восстания 1863–1864 гг. правительство Российской империи стало рассматривать украинское движение как одну из форм антироссийской деятельности польской шляхты, что и было отражено в таких известных документах, как Валуевский циркуляр 1863 г., запрещавший печатать литературу на украинском языке, и Эмский указ 1876 г., запрещавший использование украинского языка в делопроизводстве, образовании и религиозной деятельности. В этот период

наблюдается волна эмиграции видных деятелей украинского движения из России в Австрию. В связи с этим количество переросло в качество, и в конце 1860-х гг. активизировалось общественно-политическое движение Галиции. В этот период происходит разделение национального движения восточных славян Австрии на украинофилов и москвофилов (москалефилов). Украинофилы выступали за сохранение и развитие собственного языка и культуры, для чего в 1868 г. во Львове было учреждено культурно-образовательное общество «Просвещение». Москвофилы имели пророссийские культурные и общественно-политические взгляды, поддерживали идею национально-культурного единства с русским народом и признавали необходимость присоединения территорий, населенных славянами, к Российской империи.

В 1869 г. в состав Совета министров Австрии был включен советник (в качестве министра без портфеля) (*Landsmann Minister*) по делам Галиции. При решении правительством какого-либо вопроса, имевшего отношение к Галиции, решение принималось в соответствии с рекомендациями данного чиновника. Данный факт свидетельствует о том, что растущий уровень национального самосознания жителей Галиции требовал особого внимания центрального правительства к проблемам этого региона.

В первой половине 1860-х гг. нарастают противоречия в австро-прусских отношениях, выражающиеся в борьбе за главенство в Германском союзе. Эта борьба завершилась Семинедельной войной 1866 г., в которой Пруссия в союзе с Италией нанесла поражение Австрийской империи. Согласно условиям Пражского мира, Австрия была исключена из Германского союза, а также обязывалась передать Венецию Итальянскому королевству. Таким образом, после 1866 г. германский и итальянский факторы почти полностью утратили влияние на внутреннюю политику Дунайской империи, что позволило Габсбургам сосредоточиться на решении остальных проблем государства, главной из которых являлась Венгрия.

21 июня 1867 г. Франц Иосиф был коронован королем Венгрии, а Австрия и Венгрия заключили реальную унию, результатом которой стало создание дуалистической Австро-Венгерской монархии. Новое государственное образование состояло из двух частей – Цислейтании³ (австрийская половина, состоящая из 17 областей) и Транслейтании⁴ (венгерская половина, состоящая из двух областей и одного вольного города-порта). Земли, на которых проживали восточные славяне, также были разделены: в состав Цислейтании вошли Галиция и Буковина, в состав Транслейтании Закарпатье.

20 апреля 1873 г. был принят закон, вводивший прямые выборы в палату депутатов Имперского совета. Постепенно избирательное право становилось доступным для широких слоев населения империи. 14 июня 1896 г. пра-

вительством К. фон Бадени был принят закон, дававший избирательное право лицам, не относящимся ни к одной из четырех курий. 26 января 1907 г. правительство М. фон Бека объявило об упразднении системы курий и введении всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права [10]. Однако действие этих законов не распространялось на Королевство Галиции и Ладомерии, где система выборов депутатов парламента земли продолжала осуществляться по отдельным куриям, зачастую не соответствующим реальной социальной структуре населения.

В октябре 1885 г. украинофилы создали свою политическую организацию – Народный совет, которую возглавил Ю. С. Романчук. Народный совет позиционировал себя как преемник Главного *русского* совета [11].

4–5 октября 1890 г. на съезде во Львове по инициативе И. Я. Франко и ряда его сторонников была создана первая украинская политическая партия европейского типа – *Руско-украинская радикальная партия* (РУРП) [12].

Результатом анализа эволюции национального движения восточных славян в Австрии стало выделение трех основных этапов этого процесса:

Зарождение (1840-е гг.). В этот период национальное движение восточных славян в Галиции, Закарпатье и Буковине носит культурно-просветительский характер и направлено на отстаивание самобытности и уникальности русинов, населяющих эти земли вместе с другими народами многонациональной империи Габсбургов.

Первый политический опыт (1848–1851). Данный этап совпадает с событиями «Весны народов» в Австрийской империи и характеризуется активным политическим противостоянием русинов и поляков. Основной целью и тех и других на данном этапе являлась отмена крепостного права, что и было достигнуто. Несмотря на ликвидацию политических структур русинов в 1851 г., эпоха «Весны народов» показала, что возможность политической борьбы за свои права существует. Роль центральной власти в событиях 1848–1851 гг. заключается в поочередной поддержке польского и русинского движений, по итогам которой победителем все равно оказалась Вена, сохранившая, а со временем и укрепившая свою власть в регионе.

Период с 1851 по 1860 гг. можно охарактеризовать как время «застоя» и «реакции» в Австрийской империи. Переходным между борьбой с крепостным правом и борьбой за независимость стал период трансформации империи Габсбургов в дуалистическую конституционную монархию (1860–1867). С окончанием трансформации в империи мы можем наблюдать рост политической активности национальных меньшинств, которая вела к определенному прогрессу, что немаловажно в сравнении с предыдущими периодами (1848–1851, 1851–1860).

Политическое развитие национального движения (1867–1895). Полстолетия между преобразованием Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию и началом Первой мировой войны можно охарактеризовать как «золотой век» политической жизни украинского национального движения в Австрии. В эти

³ *Cisleithania* (лат.) – «земля до реки Лайты». Официальное название: Королевства и земли, представленные в Имперском совете.

⁴ *Transleithania* (лат.) – «земля за рекой Лайтой». Официальное название: Земли короны Святого Иштвана.

годы зарождаются первые украинские политические партии европейского типа. Противостояние с поляками продолжается, но теперь в форме представительства в таких демократических органах власти, как парламент земли и Имперский совет.

В XIX в. во внутренней политике Дунайской империи украинский вопрос не играл большой роли, а украинское национальное движение служило политическим противовесом *de facto* правящим в Королевстве Галиции и Лодомерии полякам.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература и источники

1. Стеблій, Ф. І. Руська Трійця // Енциклопедія Історії України: у 10 т. – К.: 2012. – Т. 9. – С. 395–396.
2. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. – Москва: Индрик, 2001. – 456 с.
3. Reschauer, H. – Das Jahr 1848. – Wien, 1872. – 436 s.
4. Зашкільняк, Л. О. Історія Польщі. Від найдавніших часів до наших днів. / Л. О. Зашкільняк – Львів : Львівський національний університет імені Івана Франка, 2002. – 752 с.
5. Головна Руська Рада (1848–1851): протоколи засідань і книга кореспонденції / за ред. О. Турія. – Львів, 2002. – 304 с.
6. Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867. Abteilung I Die Ministerien des Revolutionsjahres 1848 // Kletecka, Th. (Ed.) – Wien: ÖBW Pädagogischer Verlag, 1996. – 732 s.
7. Одозва до Руського Народу // Зоря Галицька. – 1848. – 15 мая. – С. 1–2.
8. Kaiserliches Diplom vom 20 Oktober 1860 // Reichsgesetzblatt 1849–1918. – № 226.
9. Landes-Ordnung und Landtags-Wahlordnung für das Königreich Galizien u. Lodomerien sommt dem Grossherzogthume Krakau // Reichsgesetzblatt 1849–1918. – № 20.
10. Созонова, Г. Н. Австрийская избирательная система: историко-правовой анализ // Вестник ВятГУ. – 2010. – № 1. – С. 100–104.
11. Янишин, Б. М. Народна рада / Б. М. Янишин // Енциклопедія Історії України: у 10 т. – К.: 2010. – Т. 7. – С. 177–178.

Информация об авторе:

Коновалов Денис Александрович – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com).

Author:

Denis A. Kononov – postgraduate student of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com).

12. Шкраб'юк, П. В. Русько-українська радикальна партія // Енциклопедія Історії України: у 10 т. – К.: 2012. – Т. 9. – С. 401–402.

References

1. Stebly, F. I. Rus'ka Trijcyja [Ruthenian Triad] / F. I. Stebly // Encyclopedia of the History of Ukraine: in 10 vols. – Kiev: 2012. – Vol. 9. – P. 395–396.
2. Evropejskie revolucii 1848 goda. «Princip nacional'nosti» v politike i ideologii [The European Revolutions of 1848. The “principle of nationality” in politics and ideology. – Moscow: Indrik, 2001. – 456 p.
3. Reschauer, H. – Das Jahr 1848. – Wien, 1872. – 436 s.
4. Zashkilnyak, L. O. Istoriya Polshchi. Vid najdavnishih chasiv do nashih dniv [History of Poland. From ancient times to the present day]. – Lvov: Ivan Franko Lvov National Univ., 2002. – 752 p.
5. Golovna Rus'ka Rada (1848–1851): protokoli zasidan' i kniga korespondencii [The Main Ruthenian Council (1848–1851): records of meetings and a book of correspondence] / Ed. O. Turya. – Lvov, 2002. – 304 p.
6. Die Protokolle des österreichischen Ministerrates 1848–1867. – Abteilung I: Die Ministerien des Revolutionsjahres 1848 // Kletecka, Th. (Ed.) – Wien: ÖBW Pädagogischer Verlag, 1996. – 732 s.
7. Odozva do Ruskogo Narodu [Response to the Ruthenian people] // Zorya Galicka. – 1848. – May 15. – P. 1–2.
8. Kaiserliches Diplom vom 20 Oktober 1860 // Reichsgesetzblatt 1849–1918. – № 226.
9. Landes-Ordnung und Landtags-Wahlordnung für das Königreich Galizien u. Lodomerien sommt dem Grossherzogthume Krakau // Reichsgesetzblatt 1849–1918. – № 20.
10. Sozonova, G. N. Avstrijskaya izbiratel'naya sistema: istoriko-pravovoj analiz [Austrian Electoral System: Historical and Legal Analysis] / G. N. Sozonova // Bull. of Vyatka State Univ. – 2010. – №1. – P. 100–104.
11. Yanishin, B. M. Narodna rada [People's Council] / B. M. Yanushin // Encyclopedia of the History of Ukraine: in 10 vols. – Vol. 7. – Kiev: 2010. – P. 177–178.
12. Shkrabyuk, P. V. Rus'ko-ukrains'ka radikal'na partiya [Ruthenian-Ukrainian Radical Party] // Encyclopedia of the History of Ukraine: in 10 vols. – Kiev: 2012. – Vol. 9. – P. 401–402.

Для цитирования:

Коновалов, Д. А. Влияние внутренней политики на формирование национальной идентификации восточнославянского населения Австрии в 1840–1890–е годы / Д. А. Коновалов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 26–32.

For citation:

Kononov, D. A. The impact of domestic policy on the formation of national identification of the East Slavic population of Austria in the 1840–1890–s / D. A. Kononov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical Demography”. – 2024. – No. 10 (76). – P. 26–32.

Дата поступления статьи: 16.10.2024

Прошла рецензирование: 18.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 16.10.2024

Reviewed: 18.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Отхожие промыслы крестьян Печорского уезда в начале XX века

О. А. Куратов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
olegkuratorov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые вопросы, связанные с крестьянскими отхожими промыслами на территории Печорского уезда в начале XX столетия по статистическим материалам Управления Земледелия и государственных имуществ Архангельской губернии. Выявлены общие тенденции и особенности отходничества в волостях Печорского уезда. Наиболее прибыльный вид отхода – извозничество, получил широкое распространение в самой населенной волости уезда – Усть-Цилемской, принося самые высокие заработки среди всех остальных занятий. Рассмотрены данные по количеству крестьян четырех волостей, занятых в наиболее значимых отхожих промыслах, а также половое соотношение отходников. Проанализировано количество выданных паспортов и краткосрочных билетов. Среди отходников преобладали мужчины, предпочитавшие полугодовые паспорта. Среди женщин-отходниц популярнее были краткосрочные билеты. Показано значение доходов от основных отхожих промыслов, их «удельный вес» в общей структуре промысловых доходов крестьянских хозяйств. Сделан вывод о значимости отхожих промыслов в хозяйственной жизни населения уезда.

Ключевые слова:

Печорский уезд, крестьяне, отхожие промыслы, конец XIX–начало XX в., паспорта

В конце XIX–начале XX в. неземледельческие занятия играли заметную роль в социально-экономической жизни крестьянского населения как Коми края, так и России в целом. Рост отхожих промыслов был немаловажным фактором изменения демографического ландшафта края, формирования свободного рынка наемного труда и «одним из наиболее ярких проявлений втягивания коми деревни в сферу капиталистического развития» [1, с. 5].

Следует начать с определения значения понятия «отхожий промысел». Какие критерии определяют отход: выдача крестьянам паспортов на время их отсутствия, продолжительность отсутствия (три месяца, полгода или год) или миграция крестьян за пределы административных границ губернии, уезда, волости. В научной литературе на этот счет представлены различные точки зрения.

Земские исследователи конца XIX в. (например, В. К. Руднев) полагали, что промыслом можно считать вся-

Seasonal work of the Pechora Uyezd peasants in the early XX century

O. A. Kuratov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktvkar
olegkuratorov@mail.ru

Abstract

The paper considers some issues related to peasant seasonal work in the Pechora Uyezd of the Arkhangelsk Province at the beginning of the XX century, based on statistical materials of the Department of Agriculture and State Property. The general tendencies and peculiarities of seasonal work in the volosts of the Pechora Uyezd are revealed. The most profitable type of work was haulage, which was widespread in the most populated volost of the Uyezd – Ust-Tsilma, bringing the highest earnings among all other occupations. Data on the number of peasants of four volosts engaged in the most significant seasonal work and the gender ratio of those who left their villages for seasonal work are considered. The number of issued passports and short-term tickets was analyzed. Men who preferred semi-annual passports prevailed among the seasonal workers, while among women short-term tickets were more popular. The importance of income from the main seasonal work, as well as their “specific weight” in the overall structure of seasonal revenues of peasant households is shown. The conclusion is made about the significance of seasonal work in the economic life of the Uyezd population.

Keywords:

Pechora Uyezd, peasants, seasonal work, late XIX–early XX centuries, passports

кого рода занятия крестьян, имеющие значение в смысле заработка, кроме работ на надельной и арендованной землях [2, с. 190–191]. В 1958 г. А. Г. Рашин опубликовал основополагающую работу о формировании рабочего класса в России, в которой также рассматривает проблему отходничества. Он предлагает свою интерпретацию местных и отхожих промыслов, принимая для их разделения на эти две группы границы уезда. Этот чисто территориальный подход сокращает общее количество работников, которых можно считать отходниками [3, с. 405]. В Большой советской энциклопедии отходничество в России было определено как временный уход крестьян с мест постоянного жительства в деревнях на заработки в районы с развитыми промышленностью и сельским хозяйством [4, с. 21]. Отходники определялись и как крестьяне, которые трудятся вдали от своих постоянных жилищ [5, с. 5]. Т. М. Полянская предложила отнести все промыслы к категории

отходнических, различая находящиеся в пределах уезда и за его пределами, а также разделить их на два вида: краткосрочный и долгосрочный отходы [6, с. 19–20].

В конце XIX в. Печорский уезд Архангельской губернии был самой слабо заселенной территорией Европейского Севера России. Из-за сурового климата (лето длится всего 2,5 месяца) и, как следствие, низкой урожайности сельскохозяйственных культур земледелие являлось лишь дополнительным способом заработка для жителей, и то только в южной части края. Помимо этого, сокращение наделов и необходимость уплаты податей вынуждали крестьян обращаться к промысловой деятельности.

Скудность земли, сложные природные условия, а также стремление получить дополнительные денежные средства – основные побудительные мотивы обращения крестьян к различным промыслам – местным и отхожим [7, с. 76]. Как в отношении количества занятых лиц, так и в отношении доходности рыболовству в коммерческих целях отводилось преобладающее значение. Тем не менее отхожие промыслы имели в хозяйственной жизни населения Печорского уезда вполне самостоятельное значение.

Содержательная часть работы построена на основе данных статистического исследования, проведенного в 1903 г. для Управления Земледелия и государственных имуществ Архангельской губернии – «Описание волостей Печорского уезда». Статистические таблицы отражают общие сведения о селениях волостей на начало XX в., численность, половозрастной состав населения, количественные показатели местных и отхожих промыслов, количество закупаемой хозяйствами пищевой продукции. Следует отметить некоторые недостатки источника. К сожалению, данные таблиц не показывают направления отхода крестьян, а широкий круг промыслов (за исключением извоза и лесного промысла) объединены в один пункт – «прочие разные промыслы».

Лишь обрывочные сведения об этом можно обнаружить в описаниях волостей, предваряющих статистические таблицы. Кроме того, была утрачена часть листов дела, в которых содержалась информация о Кедвавомской и Мохченской волостях, что ограничивает исследование данными по четырем волостям – Пустозерской, Усть-Цилемской, Красноборской и Усть-Кожвинской. Обратимся к данным статистических таблиц.

Всего в 1903 г. волостными правлениями Печорского уезда выдано 1083 паспорта и кратко-

срочных билетов. Больше всего отходников в самой населенной Усть-Цилемской волости, что составляет, однако, лишь 6,7 % от общего числа жителей. Тем не менее с ростом населения увеличивалось и количество занятых в различных отхожих промыслах. Самое большое соотношение отходников к количеству жителей приходится на Пустозерскую волость – 11,7 %. На Красноборскую и Усть-Кожвинскую – 9,8 и 9,1 % соответственно. По всей волости процент отходников составляет 8,7 % (табл. 1).

Отходничество вовлекало преимущественно мужчин – 75,3 % от всех отходников. Ушедшие на заработки мужчины составляли по отношению ко всему мужскому крестьянскому населению уезда 13,3 %, а отходницы по отношению к женщинам – 4,3 %. Эти цифры во многом совпадают с данными по северо-западным губерниям России [8]. Крестьянкам было тяжелее уйти из деревни, однако женщины из года в год все активнее привлекались к работе в различных промыслах.

Представляют интерес данные о соотношении годовых, полугодовых паспортов и краткосрочных билетов. Тенденция к увеличению кратковременного отходничества на Европейском Севере прослеживается с середины XIX в. [9, с. 154] и подтверждается нашими данными. В начале XX в. в Печорском уезде полугодовые паспорта брали чаще годовых – 46,4 % против 22,8 % от общего числа отходников. 30 % отходников брали краткосрочные

Количество паспортов и краткосрочных билетов, выданных крестьянам Печорского уезда (1903)

Table 1
The number of passports and short-term tickets issued to peasants of the Pechora Uyezd (1903)

Волость	Количество населенных пунктов	Численность населения		Годовые паспорта		Полугодовые паспорта		Краткосрочные билеты		Всего паспортов и билетов
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Пустозерская	19	1247	1276	49	15	168	37	8	18	295
Усть-Цилемская	61	2698	2854	62	15	70	25	124	74	370
Красноборская	12	1506	1492	58	25	167	2	26	16	294
Усть-Кожвинская	7	694	666	13	10	28	6	42	25	124
Итого	99	6145	6288	182	65	433	70	200	133	1083
% соотношение от общего количества:				22,8 %		46,4 %		30,8 %		

Источники: здесь и в табл. 2: [10, л. 24об, 25, 28об, 29, 29об, 30, 30об, 31, 34об, 35, 35об, 36, 84об, 85, 88об, 89, 89об, 90, 90об, 91, 94об, 95, 95об, 96, 96об, 97, 100об, 101, 101об, 102, 150об, 151, 151об, 152, 155об, 156, 161об, 170, 173об, 174, 174об, 175].

Sources: here and in Ttable 2: [10, l. 24 ob., 25, 28 ob., 29, 29 ob., 30, 30 ob., 31, 34 ob., 35, 35 ob., 36, 84 ob., 85, 88 ob., 89, 89 ob., 90, 90 ob., 91, 94 ob., 95, 95 ob., 96, 96 ob., 97, 100 ob., 101, 101 ob., 102, 150 ob., 151, 151 ob., 152, 155 ob., 156, 161 ob., 170, 173 ob., 174, 174 ob., 175]

Виды и доходность отхожих промыслов крестьян Печорского уезда (1903)

Table 2
Types and profitability of seasonal work of the Pechora Uyezd peasants (1903)

Волость	Количество населенных пунктов	Численность населения		Извоз		Лесной промысел		Прочие промыслы	
		Муж.	Жен.	Занято, чел.	Получено, руб.	Занято, чел.	Получено, руб.	Занято, чел.	Получено, руб.
Пустозерская	19	1247	1276	174	3970	0	0	294	5388
Усть-Цилемская	61	2698	2854	916	47 400	135	4570	642	14 081
Красноборская	12	1506	1492	144	3395	3	115	142	6198
Усть-Кожвинская	7	694	666	153	2465	2	21	55	1311
Итого	99	6145	6288	1387	57 230	140	4706	1133	26 978

билеты на 1–3 месяца. Наиболее предпочтительны полугодовые паспорта были среди мужчин (53,1 %). Среди женщин наиболее востребованы краткосрочные билеты (49,6 %). Далее перейдем к описанию наиболее значимых и прибыльных отхожих промыслов, для чего вновь обратимся к статистическим данным.

Определим значение доходов от основных отхожих промыслов для крестьян уезда. Материалы табл. 2 свидетельствуют о том, что перевозка грузов или людей на лошадях и была наиболее прибыльным занятием в первую очередь для крестьян Усть-Цилемской волости. На это указывает, в частности, количество рабочих лошадей, незанятое при тех масштабах земледелия, которым характеризовалась волость. Из всего количества крестьянских хозяйств (1129) одна лошадь была в 384 хозяйствах, две лошади – в 320, три – в 170, четыре и более – в 111, а в 144 хозяйствах лошадей не числилось. Значит, в Усть-Цилемской волости 53,2 % хозяйств имели две и более лошади, а общее количество лошадей составляло 2049 [10, л. 57]. Если в каждом лошадном хозяйстве для собственных хозяйственных нужд необходима одна лошадь, то оставшиеся 1064 лошади можно считать работавшими в извозе.

Главные пункты, между которыми производился промысел: Пустозерск – Усть-Цильма – Ижма в Печорском уезде, Усть-Вашка (Мезенский уезд), Пинега (бывшая административным центром Пинежского уезда). Определим самые продолжительные маршруты. Путь до Усть-Вашки из Пустозерска и обратно занимал четыре недели, из Усть-Цильмы – три недели, до Пинеги и обратно в первом случае – шесть недель, во втором – пять [там же, л. 57–57об].

Общая сумма заработка, полученного населением уезда, составляла 57 230 руб. Из них 47 400 руб. приходится на одну Усть-Цилемскую волость, что дает в среднем 70,5 руб. на хозяйство, или 51,7 руб. на человека [там же, л. 57]. Следует отметить, что в приведенных выше цифрах дохода от извозного промысла значительную долю занимает административный центр волости и уезда – село Усть-Цильма. Здесь из 383 хозяйств извозом занимались 260 (т. е. 68 %), с 373 извозчиками, которые зарабатывали в общей сложности 28 386 руб., или 109,2 руб. на хозяйство, что равняется 76,1 руб. на человека. На остальные же 412 хозяйств волости и 543 извозчиков придется только 19 014 руб. заработка, или 46,1 руб. на хозяйство и 35 руб. на человека. В Пустозерской, Красноборской и Усть-Кожвинской волостях извоз давал существенно меньше – 3970, 3395 и 2465 руб. соответственно. Чистая доходность от извоза не может быть учтена из-за отсутствия данных о необходимых для осуществления промысла расходах.

К «прочим промыслам» относится ряд занятий, связанных с работами на производствах и в услужении в административных центрах. В центре волости, в Усть-Цильме, крестьяне занимались для мытья полов, стирки белья, ночного караула и пр. [там же, л. 61]. По доходам эта волость была на первом месте – такие работы принесли жителям 14 081 руб. Рабочие из Красноборской волости уходили, главным образом, в низовья Печоры, где они и продавали свой труд: на лесопильные заводы, на морские пристани в качестве поденщиков – выгрузчиков,

бурлаков, на пароходах в качестве матросов, кочегаров, плотников и т. д. Из 488 хозяйств 243 хозяйства продавали рабочую силу – это 294 отходника. Сумма заработка отходников волости составила 6198 руб. Крестьяне Пустозерской и Усть-Кожвинской волостей получили 5388 и 1311 руб. соответственно.

Еще один важный промысел – заготовление и сплав леса. Лесной промысел также привлекал в основном жителей Усть-Цилемской волости. Заготовкой леса занимались в 20 селениях волости, в нем участвовали 96 хозяйств и 135 промышленников, которые заработали 4570 руб. Промысел организовывался на артельных началах. Заготовку леса и дров производили для жителей низовьев Печоры, Пустозерской волости и отчасти для судоходных компаний купцов А. С. Норицына и А. М. Черных. Промысел начинался с осени, с конца августа или сентября. Заготовка леса и его вывозка на место сплава продолжались до 15 марта, затем, в конце мая или начале июня, производилось сплачивание заготовленного леса и его сплав на место назначения. В состав артели могли входить не только мужчины, но и женщины и подростки. Женщины, помимо чисто промысловых работ, должны были также готовить пищу. Наем на работу производился или с каждым отдельно, или через подрядчика, большей частью по словесному договору. Только при доставке леса на общественные и казенные надобности (например, для постройки церкви или школы) заключались письменные контракты. Расплата производилась преимущественно деньгами, только выдача задатков практиковалась иногда товаром: хлебом, рыбой, одеждой и др. принадлежностями. По окончании зимней заготовки леса, в середине марта, промышленники возвращались домой. Со вскрытием реки и началом навигации все снова отправлялись на место промысла [там же, л. 60–60об]. В Красноборской, Усть-Кожвинской волостях лесной промысел дал лишь 115 и 21 руб., а из Пустозерской волости на заготовку леса не уходили вовсе.

Всего за 1903 год отхожие промыслы принесли крестьянскому населению обозначенных четырех волостей Печорского уезда 88 914 руб. (доходы в одной Усть-Цилемской волости составляли 66 051 руб., или 74,3 % от всей суммы). На долю извоза приходилось 64,4 % дохода, на долю прочих промыслов – 30,3 %, на долю лесного промысла – лишь 5,3 %. Следует понять, насколько значимы были эти доходы для крестьян на начало XX в. Сравним эти суммы с доходом крестьян Печорского уезда на 1903 г. от основных традиционных занятий местного населения – рыболовства и охоты. Имеются данные по Усть-Цилемской волости, согласно которым рыбный промысел принес 42 338 руб. заработка, а еще 5234 руб. – ловля зверей [там же, л. 55об]. При этом, согласно данным С. В. Мартынова из его очерка о Печорском уезде, в 1900 г. крестьянам всего уезда рыболовство принесло 193 717 руб., а охота – 33 404 руб. дохода [11, с. 120]. Эти суммы, правда, кажутся несколько завышенными. В 1908 г. в Усть-Цилемской волости сумма заработка от рыбной ловли и охоты вместе составляла 80 439 руб. [12, 69]. Можно говорить о том, что отхожие промыслы в начале XX в. стали для крестьян уезда источником дохода, сопоставимым или даже пре-

восходящим доходы от традиционных промыслов, всегда дававших значительные суммы заработка.

Степень вовлеченности в отхожие неземледельческие промыслы крестьян Печорского уезда была неодинакова. Среди отходников были крестьяне, полностью порвавшие с сельскохозяйственным трудом. Таковых, однако, меньшинство. В Пустозерской и Усть-Цилемской волостях число хозяйств, занимающихся исключительно отхожими промыслами, составляло 26 и 21 соответственно – это 12,1 и 7,6 % от числа хозяйств отходников в этих волостях. В Красноборской и Усть-Кожвинской волостях – лишь по одному такому хозяйству (0,5 и 1,3 % от всех хозяйств отходников соответственно). Исходя из приведенных выше данных о соотношении выданных краткосрочных билетов, годовых и полугодовых паспортов, можно сделать вывод, что зачастую мужчины уходили во время полевых работ на заработки, оставляя хозяйство на женщин, стариков и подростков. Основная же часть крестьян-отходников покидала деревню на короткое время и возвращалась к уборке урожая.

Таким образом, большинство сельских жителей, вовлеченных в отхожие промыслы, продолжали сохранять связь с землей, предпочитая кратковременный уход. Тем не менее неземледельческие отхожие промыслы представляли собой для части крестьян уезда источник дохода, сопоставимого с доходами от рыболовства и превосходящего доход от охоты. Для крестьян Усть-Цилемской волости извоз имел первоочередное значение и был наиболее прибыльным занятием. Заготовкой леса также занимались в основном промышленники из этой волости. Продажа рабочей силы на производствах и в услужении была характерна для крестьянских хозяйств во всех волостях Печорского уезда. Отхожие промыслы способствовали социальному расслоению деревни, что привело к появлению крестьян-предпринимателей и тех, кто зарабатывал на жизнь продажей своего труда. Это подрывало традиционную структуру больших патриархальных семей, влияло на социально-психологическое состояние крестьян, занимавшихся этими промыслами, постепенно меняло положение крестьянок, вовлеченных как в специфически женские промыслы, так и считавшиеся традиционно мужскими.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Чупров, В. И. Социально-политическая жизнь коми деревни в начале XX в. / В. И. Чупров // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – 132 с.
2. Руднев, В. К. Промыслы крестьян в Европейской России / В. К. Руднев // Сборник Саратовского земства. – 1894. – № 6. Отд. 3. – С. 189–200.
3. Рашин, А. Г. Формирование рабочего класса России / А. Г. Рашин. – Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 623 с.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 19. – Москва : Советская энциклопедия, 1974. – 648 с.
5. Водарский, Я. Е. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий / Я. Е. Водарский, Э. Г. Истомина. – Москва : Издательство Института российской истории РАН, 2004. – 516 с.
6. Полянская, Т. М. Отхожие промыслы крестьян Московской губернии в конце XIX–начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. М. Полянская. – Москва, 2008. – 212 с.
7. Мартынов, С. В. Печорский край. Часть 1. Очерки природы и быта, население, культура, промышленность / С. В. Мартынов. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – 284 с.
8. Никулин, В. Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX–начало XX века) / В. Н. Никулин. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2017. – 413 с.
9. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2012. – Вып. 3. – С. 149–155.
10. Государственный архив Архангельской области. Ф. 115. Оп. 11. Д. 587а.
11. Мартынов, С. В. Печорский край. Часть 2. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда / С. В. Мартынов. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – 219 с.
12. Чупров, В. И. Крестьянская семья Усть-Цилемской волости Печорского уезда в начале XX века / В. И. Чупров // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: сборник научных трудов. – Москва; Сыктывкар, 2005. – Вып. 3, Ч. 2. – С. 68–73.

References

1. Chuprov, V. I. Socialno politicheskaya zhizn komi derevni v nachale XX v. [Socio-political life of the Komi village at the beginning of the XX century] / V. I. Chuprov // Voprosy socialno politicheskoy i socialno ehkonomicheskoy istorii Respubliki Komi XX veka [Issues of socio-political and socio-economic history of the Komi Republic of the XX century]. – Syktyvkar, 1996. – 132 p.
2. Rudnev, V. K. Promysly krest'yan v Evropejskoj Rossii [Crafts of peasants in European Russia] / V. K. Rudnev // Sbornik Saratovskogo zemstva [Collection of the Saratov Zemstvo]. – 1894. – No. 6. Section 3. – P. 189–200.
3. Rashin, A. G. Formirovanie rabocheho klassa Rossii [Formation of the working class of Russia] / A. G. Rashin. – Moscow: Socio-economic literature Publ. House, 1958. – 623 p.
4. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 19. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1974. – 648 p.
5. Vodarsky, Ya. E. Sel'skie kustarnye promysly Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX–XX stoletij [Rural handicrafts of European Russia at the turn of the XIX–XX centuries] / Ya. E. Vodarsky, E. G. Istomina. – Moscow: Inst. of Russian History, RAS, Publ. House, 2004. – 516 p.

6. Polyanskaya, T. M. Othozhie promysly krest'yan Moskovskoy gubernii v konce XIX – nachale XX vv. [Peasant seasonal work of the Moscow province in the late XIX–early XX centuries]. Abstract of diss.... Cand. Sci. (History) / T. M. Polyanskaya. – Moscow, 2008. – 212 p.
7. Martynov, S. V. Pechorskij kraj. Ch. 1. Ocherki prirody i byta, naselenie, kul'tura, promyshlennost' [Pechora Region. Part 1. Essays on nature and everyday life, population, culture, industry] / S. V. Martynov. – St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1905. – 284 p.
8. Nikulin, V. N. Krest'yanskie promysly na Severo-Zapade Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Peasant crafts in the North-West of Russia (second half of the XIX – early XX century)] / V. N. Nikulin. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. – 413 p.
9. Kotov, P. P. Osobennosti othodnichestva udel'nykh krest'yan Evropejskogo Severa Rossii [Peculiarities of seasonal work of the Tsar family peasants of the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of St. Petersburg Univ.. Series 2: History. – 2012. – Issue 3. – P. 149–155.
10. Gosudarstvennii arhiv Arhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 115. Op. 11. D. 587a.
11. Martynov, S. V. Pechorskij kraj. Ch. 2. Podvorno-ekonomicheskoe issledovanie selenij Pechorskogo uezda [Pechora region. Part 2. Household and economic research of the villages of the Pechora Uyezd] / S. V. Martynov. – St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1905. – 219 p.
12. Chuprov, V. I. Krest'yanskaya semya Ust-Cilemskoj volosti Pechorskogo uezda v nachale XX veka [Peasant family of the Ust-Tsilma volost of the Pechora Uyezd at the beginning of the XX century] / V. I. Chuprov // Etnodemograficheskie processy na Severe Evrazii [Ethnodemographic processes in the North of Eurasia]. Collection of sci. papers]. – Moscow-Sykt'yvkar, 2005. – Issue 3. Part 2. – P. 68–73.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Куратов Олег Александрович – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-2575-0698 (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Author:

Oleg A. Kuratov – Junior Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-2575-0698 (26, Kommunisticheskaya st., Sykt'yvkar 167982, Russian Federation; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Для цитирования:

Куратов, О. А. Отхожие промыслы крестьян Печорского уезда в начале XX века / О. А. Куратов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 33–37.

For citation:

Kuratov, O. A. Seasonal work of the Pechora Uyezd peasants in the early XX century / O. A. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 33–37.

Дата поступления статьи: 27.09.2024

Прошла рецензирование: 30.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 27.09.2024

Reviewed: 30.09.2024

Accepted: 12.12.2024

Demographic factor of the influence of Russian culture in the Northeast of China

Liu Xuan

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
liu.xuan.1337@gmail.com

Abstract

Russian culture has had a significant impact on the culture and demographics of Northeast China, particularly in Heilongjiang, Jilin, and Liaoning provinces. This impact spans various historical stages, including Sino-Russian trade and migration during the Qing Dynasty, the complex Sino-Soviet relations of the 20th century, and the exchanges following the opening of the Sino-Russian border. This essay explores these influences through seven major aspects: population migration and settlement, architecture and urban planning, language and education, religious influence, cuisine and cultural practices, economy and trade, and demographic impact.

Keywords:

Russia, China, culture, demography, migration, language, religion, everyday life, economics

1. Population Migration and Settlement

Historical Migration

In the late 19th and early 20th centuries, many Russians migrated to Northeast China due to political turmoil, civil war, and other factors. These immigrants settled primarily in cities like Harbin, forming significant Russian expatriate communities. This wave of migration brought cultural, architectural, and social influences that have left a lasting mark on the region (Han & Liu, 2020). The Russian community established schools, churches, and businesses, creating a vibrant expatriate enclave that influenced local customs and lifestyles.

The influx of Russian immigrants transformed Harbin into a bustling cosmopolitan center, often referred to as "Oriental Moscow" or "Little Paris." By the early 20th century, Harbin was home to one of the largest Russian communities outside Russia, with over 100,000 Russians living in the city. This significant population presence led to the establishment of Russian-language schools, newspapers, and cultural institutions, fostering a rich cultural exchange (Ben-Canaan, Grüner, & Prodöhl, 2022).

Демографический фактор влияния русской культуры на Северо-Восток Китая

Лю Сюань

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
liu.xuan.1337@gmail.com

Аннотация

Русская культура оказала значительное влияние на культуру и демографию Северо-Восточного Китая, особенно в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Это влияние охватывает различные исторические этапы, включая китайско-российскую торговлю и миграцию во времена династии Цин, сложные китайско-советские отношения XX в. и обмены после открытия китайско-российской границы. В данной статье автор рассматривает эти влияния через семь основных аспектов: миграция населения и расселение, архитектура и городское планирование, язык и образование, религиозное влияние, кухня и культурные практики, экономика и торговля, а также демографическое воздействие

Ключевые слова:

Россия, Китай, культура, демография, миграция, язык, религия, повседневность, экономика

Contemporary Migration

Following the opening of the Sino-Russian border, there has been an increase in the flow of people between the two countries, including laborers, students, and businessmen. This ongoing exchange continues to reinforce the cultural and demographic ties between the two nations (Business Insider, 2022). Modern migration trends have seen a diversification of the Russian presence in Northeast China, with new waves of migrants contributing to economic activities and cultural exchanges.

The establishment of economic zones and trade agreements has facilitated this migration, with Russian entrepreneurs setting up businesses in cities like Harbin and Dalian. Similarly, Chinese workers and students have moved to Russia, contributing to a vibrant exchange of skills, knowledge, and culture. This contemporary migration has not only enhanced economic cooperation but also deepened the cultural connections that date back over a century.

2. Architecture and Urban Planning

Harbin's Architecture

Harbin is renowned for its Russian expatriate community and its numerous Russian-style buildings, such as St.

Sophia Cathedral. These architectural styles have had a lasting impact on the local urban landscape and cultural atmosphere. The city's architecture is a physical testament to the deep-rooted Russian influence (Han & Liu, 2020). The St. Sophia Cathedral, built in 1907, is one of the most iconic examples of Russian Orthodox architecture in China. Its Byzantine-style domes and intricate brickwork highlight the Russian architectural heritage and serve as a major tourist attraction, symbolizing the historical ties between the two cultures.

In addition to the St. Sophia Cathedral, Harbin boasts many other examples of Russian-influenced architecture, including the old Harbin Railway Station, the Jewish New Synagogue, and numerous residential buildings. These structures feature distinct architectural elements such as arched windows, decorative cornices, and ornate facades, reflecting the aesthetic preferences of their Russian designers. This architectural legacy contributes to Harbin's unique charm and draws visitors interested in its historical and cultural heritage (Xue & Ding, 2018).

Urban Planning

Early Russian immigrants brought European urban planning concepts, which influenced the development layout of cities like Harbin. This planning included wide boulevards, public squares, and a mix of residential and commercial areas, contributing to the unique urban character of these cities (Xue & Ding, 2018). The influence of Russian urban planning is evident in the structured layout of Harbin, with its grid-like street patterns and well-planned public spaces. This approach to urban design has facilitated the city's growth and modernization, making it a key economic and cultural hub in Northeast China.

The city of Harbin, under Russian influence, was planned with a European sensibility that emphasized accessibility, aesthetic appeal, and functional public spaces. Key features included the broad Central Avenue (Zhongyang Dajie), which remains a major commercial and cultural thoroughfare lined with historic Russian and European-style buildings. The urban planning principles introduced by the Russians have endured, influencing subsequent Chinese urban development strategies in the region.

3. Language and Education

Language Influence

In places like Harbin, Russian was once the primary foreign language, with many schools offering Russian courses. Many older generations can still speak Russian, reflecting the deep linguistic ties that have developed over the years (Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2018). The prevalence of the Russian language in educational institutions and daily life underscored the close cultural and political relationships between the two countries. This linguistic connection has also enabled greater cultural understanding and collaboration, particularly in the fields of science and technology.

During the early 20th century, Russian was commonly spoken in Harbin, and it was not unusual for business transactions, social interactions, and educational instructions to be conducted in Russian. Schools established by the Russian community offered a curriculum based on Russian educational standards, further entrenching the language in the region. Even today, Russian remains an important language for trade and tourism in Northeast China, with many signs and menus in Harbin bilingual in Chinese and Russian.

Educational Exchange

There is frequent educational exchange between China and Russia, with many Chinese students choosing to study in Russia, especially in the fields of science and technology. This exchange helps to foster mutual understanding and collaboration between the two nations (Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2018). Collaborative programs and scholarships have facilitated the exchange of knowledge and expertise, enriching the academic and professional landscapes of both countries. These educational exchanges have also led to the formation of networks and partnerships that continue to influence bilateral relations.

Institutions such as Harbin Institute of Technology (HIT) have historically collaborated with Russian universities and research institutes. This partnership has been instrumental in advancing scientific research and technological development in China. The exchange programs often focus on engineering, space technology, and medical research, areas where Russian expertise is highly valued. These academic collaborations have also promoted cross-cultural understanding and lifelong professional relationships between Chinese and Russian scholars.

4. Religious Influence

Eastern Orthodoxy

Russian Orthodoxy has a presence in places like Harbin, with multiple Orthodox churches and related religious activities historically. These religious institutions not only serve the spiritual needs of their congregations but also act as cultural centers that preserve and promote Russian heritage (Business Insider, 2022). The presence of Orthodox churches, such as the Church of the Intercession of the Mother of God, highlights the religious diversity brought by Russian immigrants. These churches have become important landmarks and community hubs, offering a glimpse into the religious practices and traditions of the Russian diaspora.

The architectural beauty and historical significance of these churches have made them key attractions in Harbin. They host various religious ceremonies, cultural festivals, and community events, keeping the traditions of Russian Orthodoxy alive in the region. The churches also provide a sense of continuity for the descendants of Russian immigrants, maintaining a spiritual and cultural link to their heritage.

5. Cuisine and Cultural Practices

Culinary Culture

Russian cuisine, such as bread and borscht, is popular in Northeast China. Traditional Russian foods and cooking methods have integrated into the local culinary culture, adding to the region's diverse food landscape (Business Insider, 2022). The popularity of Russian dishes, including pelmeni (dumplings) and blini (pancakes), reflects the deep culinary exchanges between the two cultures. Russian restaurants and bakeries in Harbin continue to attract locals and tourists alike, offering an authentic taste of Russian gastronomy.

Harbin's food scene is a testament to its rich cultural tapestry, where Russian culinary traditions blend seamlessly with local Chinese flavors. The city's restaurants often feature Russian delicacies like beef stroganoff, smoked fish, and various pastries, which have become staples in the local diet. The culinary exchange also extends to beverages, with Russian vodka and kvass (a fermented drink) being popular among the locals.

Cultural Activities

Russian festivals and cultural activities, such as circuses and ballet, also influence Northeast China, enriching the local cultural life. Events like the Harbin International Ice and Snow Sculpture Festival often feature Russian cultural elements, attracting tourists and fostering cultural exchange (Business Insider, 2022). These cultural activities not only celebrate Russian heritage but also contribute to the multicultural identity of the region. Performances by Russian artists and participation in cultural festivals enhance mutual appreciation and understanding between the two communities.

The Harbin International Ice and Snow Sculpture Festival, one of the largest of its kind in the world, often showcases Russian-themed sculptures and hosts Russian performers. The event draws millions of visitors each year, highlighting the enduring cultural connections between China and Russia. Additionally, Russian circuses and ballet companies frequently tour Harbin, bringing world-class performances that are eagerly anticipated by local audiences.

6. Economy and Trade

Border Trade

Sino-Russian border trade is very active in Northeast China. Russian goods, such as timber and machinery, enter China, while Chinese light industrial products are exported to Russia. This trade is a critical component of the local economy and reflects the close economic ties between the two countries (Xue & Ding, 2018). The bustling trade activities at border cities like Suifenhe and Manzhouli underscore the economic interdependence between China and Russia. These cities have become vital trade hubs, facilitating the exchange of goods and services and driving regional economic growth.

The trade relationship has evolved significantly over the years, with both countries benefiting from the exchange of raw materials, manufactured goods, and technological know-how. Joint ventures and cooperative enterprises have

been established to leverage the strengths of both economies. The border trade has also fostered a mutual understanding and respect for each other's business practices and cultural norms.

Cooperative Projects

The two countries' cooperative projects in energy, transportation, and other fields, such as cross-border railways and pipelines, further promote population and cultural exchanges. These projects enhance economic interdependence and foster deeper bilateral relations (Xue & Ding, 2018). Major infrastructure projects, such as the China-Russia oil pipeline, highlight the strategic partnership between the two nations. These collaborations not only boost economic development but also create opportunities for cultural and social interactions, strengthening the overall relationship.

The construction of cross-border infrastructure like the Heilongjiang River Bridge has facilitated easier movement of goods and people, enhancing trade efficiency and connectivity. These projects have also created job opportunities and spurred economic development in the border regions, contributing to the prosperity and stability of both countries.

7. Demographic Impact

Ethnic Integration

The Russian ethnic group is one of China's ethnic minorities, mainly distributed in the Northeast. These Russian people contribute significantly to the cultural diversity of the area, bringing their unique traditions and customs to the local cultural mosaic (Chen, 2024). The integration of Russian communities into the broader Chinese society has enriched the cultural and social landscape of Northeast China. The preservation of Russian customs and traditions, alongside Chinese practices, creates a vibrant and diverse cultural environment.

The Russian minority in China, officially recognized as the "Russian ethnic group," continues to celebrate their heritage through festivals, traditional clothing, and cultural events. This community has established cultural associations and societies that promote the teaching of the Russian language and the preservation of Russian folklore, music, and dance.

Marriage and Family

Sino-Russian intermarriage is relatively common in border areas, forming cross-cultural families and further promoting cultural integration. These marriages often lead to bilingual and bicultural households, enriching the social fabric of the region (Chen, 2024). Cross-cultural marriages have fostered a deeper understanding and appreciation of both cultures, contributing to the harmonious coexistence of different ethnic groups. These families play a crucial role in maintaining and promoting the cultural heritage of both nations.

Children from these families often grow up fluent in both languages and familiar with both cultures, acting as bridges between the two communities. These bilingual and bicultural

individuals are valuable assets in promoting bilateral relations, understanding, and cooperation.

Conclusion

Russian culture has influenced Northeast China in various ways, from historical to modern times, and from culture to the economy, deeply embedded in various aspects of local society. This influence is evident in the region's architecture, urban planning, language, education, religious practices, cuisine, and cultural activities, as well as in the active economic and demographic exchanges between China and Russia. The rich cultural exchanges and historical ties between the two nations have created a unique and vibrant cultural landscape in Northeast China, showcasing the enduring legacy of Russian influence.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Han, Rui, and Liu, Daping. Architecture Discourses and Thermal Environment of Initial Urban Residence in Northeast China: A Case Study of the 156 Projects Residences / Han, Rui, and Liu, Daping. – Sustainability, Vol. 12, No. 691, 2020. – P. 1–20.
2. Inside the Chinese City Designed to Look Like Russia: Photos. – Business Insider, 2022.
3. Theoretical Thinking and Practical Research on the Establishment of Teaching Base for Sino-Russian Folk Artworks: A Case Study of Heihe University. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Vol. 289, 2018.
4. Xue, Charlie Q. L., and Guanghui Ding. A History of Design Institutes in China: From Mao to Market / Xue, Charlie Q. L., and Guanghui Ding. – Routledge, 2018.
5. Chen, Zhen Troy. Identity, Space, and Everyday Life in Contemporary Northeast China / Chen, Zhen Troy. – Palgrave Macmillan, 2024.
6. Ben-Canaan, Dan, Frank Grüner, and Ines Prodöhl, eds. Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China. – Springer, 2022.

Информация об авторе:

Лю Сюань – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: liu.xuan.1337@gmail.com).

Author:

Liu Xuan (People's Republic of China) – master student of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: liu.xuan.1337@gmail.com).

Для цитирования:

Лю, С. Демографический фактор влияния русской культуры на Северо-Восток Китая / С. Лю // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 38–41.

For citation:

Lui Xuan. Demographic factor of the influence of Russian culture in the Northeast of China / Lui Xuan // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 38–41.

Дата поступления статьи: 25.10.2024

Прошла рецензирование: 28.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 25.10.2024

Reviewed: 28.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Смертность на Южном Урале в 1930-е годы: мужское и женское население

А. И. Ажигулова

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург
azhigylova@mail.ru

Аннотация

Численность населения зависит от ряда факторов, определяющим из них является смертность, которая, в свою очередь, складывается из ряда причин как биологических (возраст, болезни), так и социальных (материальное благополучие). В 1930-е гг. на Южном Урале, как и во всей стране, происходили социально-экономические и политические события, такие как форсированная индустриализация, коллективизация, голод 1932–1933 гг., оказавшие значительное влияние на показатели смертности населения. Существенные отличия в показателях смертности наблюдались среди таких категорий населения, как сельское и городское, мужское и женское. Мужское население к 1930-м гг. уступало по численности женскому, что связано с потерями в годы Первой мировой, Гражданской войн. К тому же мужское население больше подвержено травматизму, в силу занятости в тяжелом промышленном производстве. В свою очередь, женское население наиболее уязвимо в период беременности и после ее окончания (материнская смертность). В качестве источников по рассматриваемой проблеме были использованы результаты первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. и последняя предвоенная перепись населения 1939 г. Для выявления движения смертности среди населения привлечены материалы центральных и местных архивов. Текущий учет населения, его формы, подвергались изменениям на протяжении 1930-х гг., в 1935 г. вводится форма 3, позволившая оценить уровень смертности, ее динамику среди мужского и женского населения. На протяжении рассматриваемого периода наблюдается гендерный дисбаланс: по численности населения преобладает женское, по показателям смертности – мужское.

Ключевые слова:

смертность, Южный Урал, мужское население, женское население, факторы смертности

Mortality in the Southern Urals in the 1930s: male and female population

A. I. Azhigulova

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg
azhigylova@mail.ru

Abstract

The population size depends on a number of factors, the determining one being mortality. Mortality of the population consists of a number of reasons, both biological (age, illness) and social (material well-being). In the 1930s, socio-economic and political events took place in the Southern Urals, as well as throughout the country, such as forced industrialization, collectivization, famine of 1932–1933, which had a significant impact on mortality among the population. Significant differences in mortality rates were observed among such categories of the population as rural and urban, male and female. By the 1930s, the male population was inferior in number to the female population, which was due to losses during the First World War and the Civil War. In addition, the male population is more susceptible to injury due to employment in heavy industrial production. In turn, the female population is most vulnerable during and after pregnancy (maternal mortality). The results of the first All-Union Population Census of 1926 and the last pre-war Population Census of 1939 were used as sources on the problem under consideration. Materials from central and local archives were used to identify the movement of mortality among the population. The current population accounting, its forms, were subject to changes throughout the 1930s. In 1935, form 3 was introduced, which made it possible to assess the mortality rate and its dynamics among the male and female population. During the period under consideration, a gender imbalance is observed: in terms of population size, women predominate, in terms of mortality rates, men.

Keywords:

mortality, Southern Urals, male population, female population, mortality factors

Начало XX в. в нашей стране было связано со множеством событий, наложивших отпечаток на последующую историю. Революция 1917 г., Первая мировая война, Гражданская война стали причинами изменений не только в политической, социально-экономической жизни, но и демографических процессах. Череда войн основанная

причиной роста показателя смертности, особенно среди мужского населения, гендерный перекоп повлек за собой трудности воспроизводства и «демографические ямы». После образования Советского Союза перед страной возник ряд важных задач по укреплению обороноспособности государства, созданию самообеспечивающей эконо-

мики и т. д., все это требовало как материальных затрат, так и трудовых ресурсов. Население трудоспособного возраста играет важную роль для экономики страны, начавшаяся форсированная индустриализация сопровождалась привлечением широких слоев населения для нужд промышленного строительства. Сельское население, особенно мужское, необходимое для тяжелого физического труда, переселяется в города. Автор данной статьи попыталась проанализировать динамику смертности мужского и женского населения Южного Урала, ее причины в 1930-е гг.

Для выделения особенностей исследуемого региона в качестве источников по рассматриваемой проблеме были использованы результаты первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. [1] и последней предвоенной переписи населения 1939 г. [там же]. Обе переписи были проведены на высоком организационном уровне и отличались достаточно подробной характеристикой численности, состава населения. Для выявления движения смертности среди населения были привлечены материалы центральных и местных архивов [2]. Текущий учет населения, его формы, подвергались изменениям на протяжении 1930-х гг., в 1935 г. вводится форма 3, позволившая оценить уровень смертности, ее динамику среди мужского и женского населения [3–6]. Гендерный перекоп, наблюдавшийся после событий начала XX в., сохранился к концу рассматриваемого периода. Высокая смертность мужского населения разных возрастных категорий объясняется рядом факторов.

В научной литературе демографическим процессам в первой половине XX в. уделялось много внимания, однако в силу масштабности событий и сложности происходивших социально-экономических, политических процессов, некоторые стороны рассматриваемого хронологического периода остались малоизученными. В 1920-е гг. демографические события освещаются в официальных статистических данных, авторами которых выступали врачи, экономисты, демографы [7]. К середине 1930-х гг. система учета населения окончательно сформировалась, были разработаны и утверждены формы текущего учета населения. Общественно-политические события, происходившие в стране в 1930-е гг., привели к засекречиванию ряда сведений о демографических процессах. В научной литературе приводятся официальные сведения результатов переписей 1937 г., 1939 г., анализ сведений которых представлял собой только общую оценку. Новый этап в изучении демографических процессов приходится на период 1960–1980-х гг. Появляются труды Б. Ц. Урланис [8], А. Г. Вишневского [9], А. Я. Боярского [10] и др.

В последующие 1980-е гг. и на современном этапе выделяются исследования В. Б. Жиромской [11, 12], В. А. Исупова [13, 14], В. А. Журавлевой [15], Н. А. Араловец [16] и т. д.

Традиционно Южный Урал включает в себя три административно-территориальные единицы: Башкирская АССР, Челябинская и Оренбургская (с 1938 г. – Чкаловская) области. Первая советская перепись населения была проведена в 1926 г., согласно ее результатам, численность населения Южного Урала составляла 6 411 608 чел., из которых мужского населения – 47 %, женского – 53 %. Общая чис-

ленность сельского населения составила 5 579 053 чел., из них мужского населения – 47 %, женского – 53 %, в городской местности насчитывалось 832 555 чел., мужчин – 47 %, женщин – 53 % [1, с. 20, 180, 232]. Как видно из результатов переписи, соотношение мужского и женского населения Южного Урала в пользу женщин, относительные показатели соотношения мужчин и женщин городского и сельского населения одинаковы, и среди них тоже преобладают женщины.

Южный Урал в 1930-е гг. был вовлечен во все происходящие в стране события, связанные со строительством новых городов, промышленных объектов, учреждений образования, здравоохранения. Миграция населения в города сопровождается перенаселенностью, распространением инфекционных заболеваний. В рассматриваемый период экзогенные факторы смертности были определяющими. Так как система учета населения только начинает становление, далеко не все демографические события были охвачены учетом. Начало 1930-х гг. было связано с голодом 1932–1933 гг., в этот период возрастает смертность населения, но часть сведений о количестве умерших в это время осталась неучтенной в силу ряда обстоятельств. К середине 1930-х гг. смертность на Южном Урале продолжает оставаться высокой, особенно младенческая.

Согласно графику 1, абсолютные показатели смертности среди мужского и женского населения Южного Урала изменялись волнообразно. В 1935 г. смертность составила 149 391 чел., из них мужчин – 53 %, женщин – 47 %. Среди городского населения умерло мужчин 54 %, женщин – 46 %, среди сельского – 52 и 48 % соответственно. В 1936 г. число умерших достигло 196 932 чел., из них мужчин – 52, женщин – 48 %, соотношение показателей смертности го-

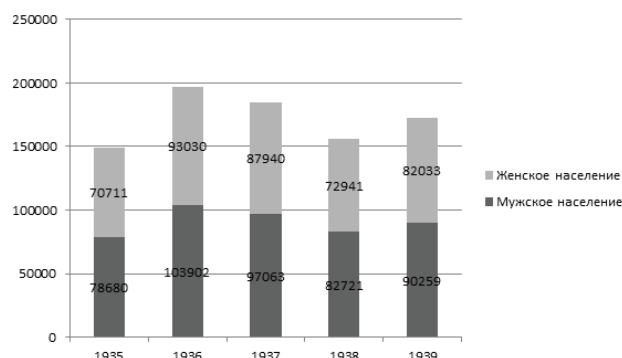


График 1. Соотношение смертности мужского и женского населения Южного Урала в 1935–1939 годы.

Составлено по: здесь и график 2: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44. Л. 98, 98 (об), 99, 99 (об), 100, 100 (об), 101, 102, 103, 107, 107 (об), 108, 108 (об), 109, 109 (об); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 60. Л. 46, 47, 48, 103, 103 (об), 104, 104 (об), 105, 105 (об), 109, 109 (об), 110, 110 (об), 111, 111 (об); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 85. Л. 115, 116, 118, 160, 161, 165, 176, 177, 179; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 15; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152. Л. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

Graph 1. The ratio of mortality of the male and female population of the Southern Urals in 1935–1939.

Compiled by: Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 1562. Op. 20. D. 44. L. 98, 98 (ob.), 99, 99 (ob.), 100, 100 (ob.), 101, 102, 103, 107, 107 (ob.), 108, 108 (ob.), 109, 109 (ob.); RGAE. F. 1562. Op. 2. D. 60. L. 46, 47, 48, 103, 103 (ob.), 104, 104 (ob.), 105, 105 (ob.), 109, 109 (ob.), 110, 110 (ob.), 111, 111 (ob.); RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 85. L. 115, 116, 118, 160, 161, 165, 176, 177, 179; RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 124. L. 132, 136, 137, 142, 144, 145, 154, 155, 15; RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 152. L. 145, 146, 150, 155, 156, 158, 166, 167, 169.

родского населения: мужчин – 54 и женщин – 46 %, сельского: 52 и 48 % соответственно. В 1937 г. на Южном Урале умерло 185 003 чел., мужского населения – 52, женского – 48 %, городского населения: мужчин – 53, женщин – 47 %, сельского – 52 и 48 % соответственно. Далее, в 1938 г. показатели смертности составили 155 662 чел., из них мужчин 53, женщин – 47 %, среди горожан мужчин умерло 54, женщин – 46 %, в сельской местности – 52 и 48 % соответственно. В конце рассматриваемого периода, в 1939 г., общее число умерших – 172 292, среди них мужчин – 52, женщин – 48 %, среди городского населения: 53 % – мужчин, 47 % – женщин, среди сельского населения – 52 и 48 % соответственно. Таким образом, показатели смертности среди населения Южного Урала говорят о преобладании доли мужской смертности над женской. Сравнение относительных показателей смертности мужского и женского населения свидетельствует о преобладании мужской смертности в городах по сравнению с общими показателями и показателями сельской местности. Так, в 1935 г. разница в смертности между мужчинами и женщинами всего населения Южного Урала – 6 %, в сельской местности – 4 %, в городской – 8 %, в 1936 г. разница в смертности всего населения между мужчинами и женщинами – 4 %, в сельской местности – 4 %, в городской – 8 %, в 1937 г. разница в смертности всего населения между мужчинами и женщинами – 4 %, в сельской местности – 4 %, в городской – 6 %, в 1938 г. – 6, 4 и 8 % соответственно, в 1939 г. – 4, 4 и 6 % соответственно. Данная особенность во многом обусловлена рассматриваемым периодом, в стране проводится индустриализация, тысячи людей работоспособного возраста отправляются в города на стройки промышленных объектов, мужское население занято в физически сложной деятельности, травмоопасность увеличивается. Проводится реформа в армии, увеличивается ее численность, изменяется возраст призыва, что также сказывается на сокращении мужского населения из-за специфики военной службы.

Младенческая смертность является базовым показателем смертности населения, именно коэффициенты младенческой смертности свидетельствуют об уровне развития государства, системы здравоохранения. В 1930-е гг. в стране проводятся масштабные мероприятия, связанные с улучшением медицинского обслуживания, обеспечен-

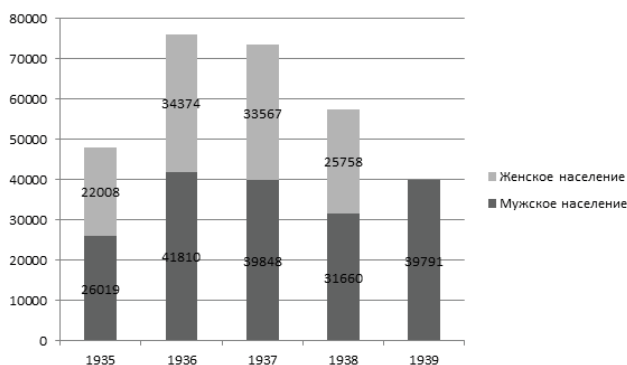


График 2. Соотношение младенческой смертности мужского и женского населения Южного Урала в 1935-1939 годы.

Graph 2. The ratio of infant mortality of the male and female population of the Southern Urals in 1935-1939.

ностью учреждений здравоохранения всеми необходимыми средствами, большое внимание уделяется вакцинации. Несмотря на все проводимые мероприятия, система здравоохранения в 1930-е гг. носила догоняющий характер, младенческая смертность была высокой. Обратимся к анализу графика 2. На Южном Урале в 1935 г. младенческая смертность составила 48 027 чел., или 32 % от общей смертности, из них мальчиков – 54 %, девочек – 46 %. В 1936 г. число умерших младенцев возросло до 76 184, или 38,6 % от общей смертности, среди них мальчиков – 55, девочек – 45 %. В следующем, 1937, году младенческая смертность составила 73 415, или 39,6 % от общей смертности, из них мальчиков – 54, девочек – 46 %. В 1938 г. доля умерших младенцев снизилась до 57 418, или 36,8 % от общей смертности, из них мальчиков – 55, девочек – 45 %. Наконец, в 1939 г. младенческая смертность составила 73 230 чел., или 42,5 % от общей смертности, из них мальчиков – 54, или 46 %. Как видно из графика 2, младенческая смертность на Южном Урале изменялась волнообразно. Наиболее высокие показатели приходятся на 1936-1937 гг., затем, в 1938 г., небольшое снижение, но к концу исследуемого периода показатели снова увеличиваются. Доля младенческой смертности от общей внушительна, относительные показатели составляют более 30-40 %. Во многом причиной высокой младенческой смертности в 1930-е гг. являлись голод 1932-1933 гг. и его последствия, организмы матерей были сильно ослаблены и истощены. Из болезней, приведших к смертности, указаны скарлатина, корь, врожденная слабость, которые являются «детскими» заболеваниями, ставшими следствием слабости материнского организма [16, л. 1]. Сопоставление младенческой смертности среди мальчиков и девочек говорит о высоких показателях именно среди мальчиков. Высокие показатели смертности среди младенцев мужского пола говорят о большей жизнеспособности женского организма [17].

Последняя предвоенная перепись населения была проведена в Советском Союзе в 1939 г., по результатам которой численность населения Южного Урала составила 7 637 490 чел., из них мужчин – 47, женщин – 53 %. Численность сельского населения составила 5 535 013 чел., из них мужского населения – 47, женского – 53 %, в городской местности насчитывалось 2 102 477 чел., мужчин – 48, женщин – 52 % [11, с. 20, 180, 232]. Как видно из результатов переписи, абсолютные показатели возросли, но соотношение мужского и женского населения Южного Урала сохранилось в пользу женщин. Относительные показатели мужского и женского населения городов и сел также отмечены в пользу женщин, однако в городах процентное соотношение мужчин на 1 % больше, по сравнению с селами, что свидетельствует об увеличении миграции в города именно мужского населения.

Таким образом, в 1930-е гг. на Южном Урале смертность мужского населения была выше женского. Высокие показатели смертности среди мужского населения обусловлены рядом причин, во-первых, в трудовой сфере мужчины заняты в деятельности с высоким уровнем травматизма и смертности, таких как армия, тяжелая промышленность и т. д., во-вторых, преждевременным старением мужской

части населения, в силу занятости на более опасном производстве. Женская смертность ниже показателей мужской, но женский организм особенно подвержен опасности в период беременности и после рождения ребенка. К тому же, занятость на стройках индустриализации и рост травматизма способствовали смертности, в том числе, и среди женщин. Наиболее высокие общие показатели смертности приходятся на 1936 г. среди как мужского населения, так и женского. Гендерная диспропорция прослеживается по результатам обеих Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Бюллетени Госплана. Вып. 1–2. – Москва : Издание Госплана СССР, 1924. – 123 с.
2. Урланис, Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. – Москва : Госстатиздат, 1963. – 136 с.
3. Вишневский, А. Г. Демографическая революция / А. Г. Вишневский. – Москва : Статистика, 1976. – 240 с.
4. Боярский, А. Я. Население и методы его изучения / А. Я. Боярский. – Москва : Статистика, 1975. – 264 с.
5. Жиромская, В. Б. Всесоюзные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. История подготовки и проведения / В. Б. Жиромская // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 84–104.
6. Жиромская, В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке / В. Б. Жиромская. – Москва : Кучково поле, 2012. – 320 с.
7. Исупов, В. А. Тайны советской статистики: переписи населения 1937 и 1939 гг. / В. А. Исупов // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия: История, филология, философия. – 1991. – № 1. – С. 28–33.
8. Исупов, В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка / В. А. Исупов // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 4. – С. 82–92.
9. Журавлева, В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. / В. А. Журавлева. – Екатеринбург, 2016. – 36 с.
10. Араловец, Н. А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии / Н. А. Араловец // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 135–146.
11. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 372 с.
12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44.
13. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 60.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 85.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152.
16. ГУ Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО). Ф. 485. Оп. 4. Д. 1114.
17. Урланис, Б. Ц. Различия в уровне смертности по полу / Б. Ц. Урланис // Демоскоп. – 2021. – № 911–912. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/nauka02.php> (дата обращения: 21.06.2024).

References

1. Byulleteni Gosplana [State Planning Committee Bull.]. Issue 1–2. – Moscow: Izdanie Gosplana SSSR [Publication of the USSR State Planning Committee], 1924. – 123 p.
2. Urlanis, B. Ts. Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR [Birth rate and life expectancy in the USSR]. / B. Ts. Urlanis. – Moscow: Gosstatizdat [State Statistical Publ. House], 1963. – 136 p.
3. Vishnevsky, A. G. Demograficheskaya revolyuciya [Demographic revolution] / A. G. Vishnevsky. – Moscow: Statistika Publ., 1976. – 240 p.
4. Boyarsky, A. Ya. Naselenie i metody ego izucheniya [Population and methods of its study] / A. Ya. Boyarsky. – Moscow: Statistika Publ., 1975. – 264 p.
5. Zhiromskaya, V. B. Vsesoyuznye perepisi 1926, 1937 i 1939 gg. Istoriya podgotovki i provedeniya [All-Union censuses of 1926, 1937 and 1939. The history of preparation and conduct] / V. B. Zhiromskaya // Istoriya SSSR [History of the USSR]. – 1990. – № 3. – P. 84–104.
6. Zhiromskaya, V. B. Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke [The main trends in the demographic development of Russia in the XX century] / V. B. Zhiromskaya. – Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2012. – 320 p.
7. Isupov, V. A. Tajny sovetskoj statistiki: perepisi naseleniya 1937 i 1939 gg. [Secrets of Soviet statistics: population censuses of 1937 and 1939] / V. A. Isupov // Proc. of the Siberian Branch of the USSR Ac. Sci. Series: History, Philology, Philosophy. – 1991. – № 1. – P. 28–33.
8. Isupov, V. A. Epidemiologicheskij perexod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological transition in Russia: a historian's view] / V. A. Isupov // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. – 2016. – Vol.3. – № 4. – P. 82–92.
9. Zhuravleva, V. A. Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-е гг.: istoriko-demograficheskij analiz [Urban population of the Urals in the 1920–1930s: historical and demographic analysis]: abstract of diss. ... Dr. Sci. (History) / V. A. Zhuravleva. – Ekaterinburg, 2016. – 36 p.
10. Aralovets, N. A. Poteri naseleniya sovetskogo obshhestva v 1930-е gody: problemy, istochniki, metody izucheniya v otechestvennoj istoriografii [Population losses of Soviet society in the 1930s: problems, sources, methods of study in Russian historiography] / N. A. Aralovets // Otechestvennaya istoriya [National history]. – 1995. – № 1. – P. 135–146.
11. Vsesoyuznaya perepis naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skij region [All-Union population census of the USSR in 1939: Ural region] : Collected materials / Comp. V. P. Motrevich. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta [Univ. of the Humanities Publ. House], 2002. – 372 p.

12. Rossiiskii gosudarstvennii arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE). F. 1562. Op. 20. D. 44.
13. Ibid. F. 1562. Op. 2. D. 60.
14. Ibid. F. 1562. Op. 20. D. 85.
15. Ibid. F. 1562. Op. 20. D. 152.
16. GU Objedinennii gosudarstvennii arhiv Chelyabinskoi oblasti [United State Archive of the Chelyabinsk region] (GU OGACHO). F. 485. Op. 4. D. 1114.
17. Uralnis, B. Ts. Razlichiya v urovne smernosti po polu [Differences in the mortality rate by gender] / B. Ts. Uralnis // Demoskop. – 2021. – № 911-912. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/nauka02.php> (accessed: 21.06.2024)

Благодарность (госзадание)

Статья выполнена при финансовой поддержке губернатора Оренбургской области (стипендия для молодых ученых).

Acknowledgments:

The paper was prepared with the financial support of the Governor of the Orenburg region (scholarship for young scientists).

Информация об авторе:

Ажигулова Альбина Исламовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19; e-mail: azhigylova@mail.ru).

Author:

Albina I. Azhigulova – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya st., Orenburg 460014, e-mail: azhigylova@mail.ru).

Для цитирования:

Ажигулова, А. И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы: мужское и женское население / А. И. Ажигулова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 42–46.

For citation:

Azhigulova, A. I. Mortality in the Southern Urals in the 1930s: male and female population / A. I. Azhigulova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 42-46.

Дата поступления статьи: 06.11.2024

Прошла рецензирование: 08.11.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 06.11.2024

Reviewed: 08.11.2024

Accepted: 12.12.2024

Советские средства массовой информации 1960-х годов о демографической ситуации в странах Запада

Ю. С. Веремейчик

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
prostakova.y@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает проблему освещения периодическими изданиями Советского Союза актуальных вопросов в социальной сфере западных стран, в частности демографии. На основе анализа публикаций Центральной печати по социальной проблематике сделан вывод о применении данной темы для формирования определенного представления у советских граждан жизни за границей. В качестве базы для исследования использовались материалы центральной периодической печати Советского Союза, содержавшие наиболее полную информацию о взаимоотношениях с зарубежными странами. Другие виды периодических изданий были ориентированы на освещение проблем в регионе, где они издавались, а все имеющиеся материалы относительно международной повестки представляли собой перепечатку статей из более крупных изданий. Во время написания работы использовались наиболее значимые из них, а именно «Правда» и «Известия». В основу методологии исследования положен принцип историзма, который позволил изучить имидж западных стран через призму освещения демографической ситуации в странах Запада. Опора на принцип объективности позволила избежать неточности и субъективных оценок при изучении советской прессы и формировании с помощью ее образа западных стран. Принцип опоры на исторические источники позволил извлечь из исторического источника, а именно периодической печати, информацию для формирования верных выводов.

Ключевые слова:

СМИ, демография, Запад, США, Великобритания, Советский Союз, пропаганда, «Правда», «Известия»

Периодическая печать в Советском Союзе являлась неотъемлемой частью повседневной жизни граждан, она служила важным источником информации о событиях внутри страны и за рубежом. Несмотря на жесткий контроль со стороны государства советские газеты и журналы оставались основным каналом получения новостей и представлений о мире. Через них советское руководство

Soviet media of the 1960s on the demographic situation in Western countries

Yu. S. Veremeichik

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
prostakova.y@mail.ru

Abstract

The paper deals with the problem of coverage by periodicals of the Soviet Union of current problems in the social sphere of Western countries, in particular demography. Based on the analysis of the Central Press publications on social issues, the conclusion is made that this topic is used to form a certain idea of life abroad among Soviet citizens. The materials of the central periodical press of the Soviet Union, which contained the most complete information about relations with foreign countries, were used as the basis for the study. Other types of periodicals were focused on covering problems in the region they were published, and all available materials regarding the international agenda were reprints of articles from larger publications. During writing the paper, the most significant of them were used, namely: "Pravda" and "Izvestia". The research methodology is based on the principle of historicism, which allowed us to study the image of Western countries through the prism of coverage of the demographic situation in Western countries. Reliance on the principle of objectivity made it possible to avoid inaccuracies and subjective assessments when studying the Soviet press and forming the image of Western countries through it. The principle of reliance on historical sources allowed us to extract information from a historical source, namely the periodical press, in order to form correct conclusions.

Keywords:

mass media, demography, West, USA, Great Britain, Soviet Union, propaganda, "Pravda", "Izvestia"

транслировало важные аспекты внутренней и внешней политики, а также создавало определенный образ западных стран в период холодной войны.

Изучение вопроса демографии может помочь более глубоко проанализировать материал, посвященный международным взаимоотношениям. Демография как наука о народонаселении охватывает внушительное ко-

личество аспектов, включая численность населения, его половозрастной состав, динамику роста и другие демографические показатели. Она изучает закономерности и тенденции в развитии населения, а также влияние демографических факторов на социально-экономическое развитие общества. Все эти аспекты в совокупности дают представление о демографической ситуации в обществе и помогают понять, как она меняется во времени и пространстве [1].

В советской прессе не уделялось должного внимания демографической ситуации в стране, что, скорее всего, объясняется приоритетным вниманием советского правительства к другим сферам жизни государства. В 1959 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись, и в ходе подготовки к ней в газетах были опубликованы несколько статей, посвященных данному событию. Так, 15 января 1959 г. в газете «Правда» вышла статья «Всесоюзная перепись населения», в которой говорилось о сроках проведения переписи и важных задачах, стоящих перед статистическим центром. В статье подчеркивалось, что «учет и контроль являются основополагающими принципами для эффективного функционирования социалистического общества, следуя ленинским указаниям». В публикации уделено внимание достижениям Советского Союза: «Социалистический строй обеспечивает неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа. Реальная заработная плата рабочих и служащих с учетом пенсий, пособий, бесплатного обучения и медицинского обслуживания увеличилась в 1958 году в сравнении с 1940 годом почти в два раза». Автор данной статьи использовал демографические показатели США для представления в более выгодном свете Советского Союза: «Наша страна имеет теперь свыше 800 тысяч дипломированных инженеров – в два раза больше, чем США», «Советские высшие учебные заведения выпускают почти в три раза больше инженеров, чем высшие учебные заведения США», «рождаемость в СССР находится на высоком уровне, смертность систематически снижается и за последние годы является самой низкой в мире» [2]. Данная работа мотивирует советских граждан участвовать в переписи населения, называя это гражданским долгом. Помимо этого, автор подчеркивает достижения Советского Союза в области рождаемости, смертности и уровня образования населения, позиционируя страну как лидирующую в мире. Нужно отметить то, что в статье показаны лишь количественные показатели Советского Союза, о сопоставимых данных западных стран подобная информация отсутствует.

В США в 1960 г. также состоялась перепись населения, однако советская пресса не нашла в этом событии повода для освещения на своих страницах. Возможно, это было связано с тем, что периодическая печать воспринимала вопросы демографических ситуаций в западных странах как часть более широкой совокупности социальных проблем, а не как самостоятельное событие, заслуживающее отдельного упоминания. Данная тенденция была характерна для большинства материалов

газет, в том числе и посвященных международным отношениям того времени.

Важную роль среди новостных публикаций, посвященных международным отношениям Советского Союза, занимали проблемы разоружения и «гонки вооружения». В контексте данных тем можно проследить описание существующих демографических проблем в западных странах. В качестве примера можно привести статью «Такое оправдать нельзя», автор критикует США по вопросу разоружения, обвиняя страну в отсутствии желания сотрудничать с СССР в данной сфере. В публикации подчеркивается, что «Советские руководители и советский народ знают, что война (между СССР и США) привела бы к ядерной бойне, такой же фатальной для СССР, как и для Соединенных Штатов». Автор объясняет, что этого исхода боятся и американские граждане, они протестуют и выдвигают условия своему правительству сократить вооружение [3]. На страницах издания «Известия» поднимался вопрос, связанный с финансовыми затруднениями США. Автор статьи выразил мнение, что основной причиной этих проблем является интенсивное наращивание вооружений. В публикации подчеркивалось расхождение мнений среди руководства США [4]. Финансовым проблемам Западной Европы также была посвящена статья «По бурным волнам». Суть публикации сводится к обсуждению острых проблем западной торговли. Было высказано мнение о возможном расколе Западной Европы в результате торговой войны. Главной проблемой обозначалось вмешательство США в торговые дела стран, автор отметил, что американскую сторону интересует «прежде всего с точки зрения сохранения НАТО, вооружения западногерманских реваншистов и осуществления общей военной стратегии западноевропейских стран» [5].

В статье «Голос простых американцев» была представлена позиция большинства граждан США по вопросу разоружения, которая публиковалась в различных американских газетах в виде писем читателей. Авторы этих писем выразили протест против предложения американского правительства снабжать своих союзников ядерным оружием. Граждане считали, что такой шаг может привести к увеличению риска начала войны [6]. На странице того же номера периодического издания представлена карикатура «Домашнее животное», относящаяся к рассматриваемой теме. На ней изображена пушка, выполненная в форме собаки, на корпусе которой указаны слова «военные расходы». Мужчина, удерживающий эту «собаку» на поводке, ведет ее к дому, у которого находится испуганная женщина с ребенком. Подпись под иллюстрацией гласит: «Мы поручаем вам откормить эту собачку» [7].

Таким образом, анализируя статьи, посвященные разоружению, мы можем проследить социальные проблемы, присутствовавшие в западном обществе. В представлении советской печати постоянная угроза ядерной войны, нежелания правительства этих стран идти на уступки в вопросе уменьшения использования оружия ставили в опасное положение гражданское население государств. В статьях говорилось, что постоянные испытания оружия

не редко заканчивались трагедией, в результате которой погибали люди. Помимо этого, гонка вооружений требовала огромных финансовых затрат, ложившихся на плечи простых жителей, что в конечном счете могло привести к финансовому кризису.

Демографические аспекты можно изучить и в материалах, посвященных повседневной жизни, часто информацию о западных странах использовали в качестве точки сравнения при описании социально-экономического положения внутри самого Советского Союза. Например, в статье о советской экономике приведены данные о строительстве жилья: «За последние пять лет построено больше жилых домов, чем за предыдущие 15 лет. В расчете на тысячу человек в нашей стране сооружается вдвое больше квартир, чем в США и Франции, и в два с лишним раза больше, чем в Англии и Италии» [8]. Похожая риторика звучала при описании советского здравоохранения «Показатели физического развития детей первого года жизни у нас с каждым годом улучшаются. В Москве и Ленинграде вес, рост, объем груди детей при рождении и годовалых значительно выше, чем в Париже и Лондоне». Главным секретом улучшения здравоохранения в странах, которые совсем недавно получили свою независимость, называлось использование опыта СССР, а не принципов «свободного предпринимательства», как в США [9]. Говоря о продовольственных запасах, советские СМИ не забыли отметить: «Если "на душу" советского человека приходится больше животного масла, чем на душу населения в Америке, то это тоже благодаря кукурузе» [10]. С одной стороны, подобные статьи позволяли представить жизнь советского гражданина в более выгодном свете, нежели в странах Запада. С другой – исходя из данной информации, изучаемые страны представлялись с явными социальными проблемами в сфере здравоохранения и продовольствия.

Повседневность жителей Запада также становилась сюжетом для публикаций в советской печати, однако чаще всего с негативным окрасом. Примечательна статья «Крысы хозяйничают в Нью-Йорке», в ней автор повествует о проблеме, с которой столкнулись жители этого города, ситуация оказывается настолько серьезной, что грозит «поражением в борьбе с крысами». Вместе с тем, подчеркивается огромная социальная разница между горожанами: кто-то живет с роскошью, а кто-то – в отвратительных условиях. Отметим интересную закономерность: несмотря на то, что в периодической печати отсутствуют какие-либо статистические материалы о жителях западных стран, не публикуются и данные переписи, тем не менее автор статьи приводит точное количество крыс, проживающих в Нью-Йорке, также приводит сведения о пострадавших: «С января 1959 г. крысами были укушены 1025 мужчин, женщин и детей». Автор рассказывает об инфекционных болезнях, которыми в результате укуса заразились младенцы, а люди настолько напуганы, что отказываются покидать свои квартиры. В статье публикуется интервью с одной из американок, заявлявшей: «Я боюсь оставаться одна в комнате, даже днем.

Однажды я открыла дверь и на меня прыгнула огромная крыса» [11].

Пристальное внимание советская печать уделяет расовым проблемам на Западе, описывая противостояния чернокожего населения Америки. Газеты писали о жестоких расправах полиции с афроамериканским населением США. Жизнь в гетто описывалась так: «В этом районе свыше 30 процентов жителей не имеют работы. Доходы половины негритянских семей ниже официального прожиточного минимума. Нищета, безработица, малограмотность – вот замкнутый круг жизни типичной негритянской семьи». Приведены данные американской статистики, которая свидетельствует об ухудшении экономического положения чернокожего населения, чем было 10 лет назад [12]. Вопрос расового противостояния в США советская печать освещала с большим интересом. Так, конфликт чернокожего населения Лос-Анджелеса с полицией стал темой для нескольких выпусков, занимая первые полосы. Были опубликованы количественные данные пострадавших в ходе событий: более 30 убитых, в том числе женщин и детей, почти 900 раненых и более 3 тыс. арестованных. В статьях советская печать выражает свои соболезнования пострадавшим, всячески подчеркивает, что данные действия со стороны американского правительства навсегда «запятнают честь всего государства» [13]. Для более красочного представления данной проблемы читателями газет публикуются карикатуры. Так, одна из них представляет собой пьедестал, где на первом месте изображен военный с человеческими черепами и подписью «Морская пехота во Вьетнаме», второе место занимает полицейский с окровавленными руками из Лос-Анджелеса. Он помогает взобраться на третью ступень греческому полицейскому, который расстрелял демонстрантов в Афинах [14].

О расовых проблемах в Лондоне повествуется в статье «В целях самозащиты». Автор отмечает, что приезжие в Англию граждане Индии не чувствуют себя в безопасности и недовольны политикой правительства в области расовых отношений. Иммигранты стараются объединиться с целью защиты себя от «участившихся в последнее время вылазок куклуксклановцев и других фашистских групп» [15]. Интересной для исследования является история, которая была опубликована в газете «Известия». В ней рассказывается про англичанина Теренса Бренна, переехавшего в Австралию в поисках лучшей жизни, однако столкнувшегося с трудностями. Несмотря на то, что Австралия была известна как страна «больших возможностей», наш герой не смог найти хорошо оплачиваемую работу. Помимо этого, он потерял жену и остался один с тремя детьми в чужой стране. В такой сложной ситуации правительство Австралии отказалось предоставить помощь англичанину, в результате чего он был вынужден отдать своих детей в приют, так как не имел достаточно средств, чтобы их прокормить [16]. На основе приведенных выше статей, можно сделать вывод, что западные страны представляются не самыми благоприятными для жизни, так как в них отсутствует социальная поддержка,

а сами государства не стремятся решать возникающие проблемы.

Таким образом, несмотря на то, что демографическая ситуация не освещалась в периодической печати в прямом понимании, ее можно найти в материалах, посвященных Западу, пусть и косвенно. Проанализировав материалы периодических изданий, можем сделать вывод о демографической ситуации в западных странах. Например, анализ статей, посвященных разоружению, свидетельствует о неблагоприятной экономической и политической ситуации в западных странах. Материалы, посвященные жизни мирного населения, дают представление о низкой рождаемости, проблемах здравоохранения, а также социальных противоречиях, связанных с гонениями иммигрантов и афроамериканского населения. Даже без точных статистических данных советская печать транслирует идею неидеальности капиталистической системы и демографических проблем, существующих на Западе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Толковый русский словарь. – URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/6697-DEMOGRAFIYA>. (дата обращения: 02.09.2024).
2. Всесоюзная перепись населения // Правда. – 1959. – № 15. – С. 1.
3. Такое оправдать нельзя // Правда. – 1960. – № 157. – С. 5.
4. Андерсон – за, Гертер – против // Известия. – 1960. – № 4. – С. 5.
5. Плетнёв, Э. По бурным волнам / Э. Плетнёв // Известия. – 1960. – № 43. – С. 3.
6. Голос простых американцев // Известия. – 1960. – № 44. – С. 5.
7. Фомичёва, В. Домашнее животное / В. Фомичёва // Известия. – 1960. – № 44. – С. 5.
8. Ведущая сила советской экономики // Правда. – 1962. – № 47. – С. 1.
9. Благородные задачи советской медицины // Правда. – 1960. – № 342. – С. 3.
10. Умножим славу кукурузы // Известия. – 1960. – № 136. – С. 1.
11. Крысы хозяйничают в Нью-Йорке // Известия. – 1960. – № 146. – С. 2.
12. Тучи позора над Америкой // Известия. – 1965. – № 197. – С. 1.
13. Трагедия Лос-Анжелоса // Известия. – 1965. – № 198. – С. 1.
14. Достойный партнер // Известия. – 1965. – № 199. – С. 1.
15. В целях самозащиты // Известия. – 1965. – № 203. – С. 1.
16. Усыновите моих детей // Известия. – 1965. – № 203. – С. 5.
1. Tolkovii russkii slovar' [Explanatory Russian Dictionary] / [Electronic resource]. – URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/6697-DEMOGRAFIYA> (accessed: 02.09.2024).
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya [All-Union Population Census] // Pravda. – 1959. – № 15. – P. 1.
3. Takoe opravdat' nelzya [It is impossible to justify such a thing] // Pravda. – 1960. – № 157. – P. 5.
4. Anderson – za, Herter – protiv [Anderson – for, Herter – against] // Izvestia. – 1960. – № 4. – P. 5.
5. Pletnev, E. Poburnym volnam [On stormy waves] / E. Pletnev // Izvestia. – 1960. – № 43. – P. 3.
6. Golos prostyh amerikantsev [Voice of ordinary Americans] // Izvestia. – 1960. – № 44. – P. 5.
7. Fomicheva, V. Domashnee zhivotnoe [Domestic animal] / V. Fomicheva // Izvestia. – 1960. – № 44. – P. 5.
8. Veduschaya sila sovetskoi ekonomiki [The leading force of the Soviet Economy] // Pravda. – 1962. – № 47. – P. 1.
9. Blagorodnie zadachi sovetskoi mediciny [Noble tasks of the Soviet medicine] // Pravda. – 1960. – № 342. – P. 3.
10. Umnozhim slavu kukuruzy [Let's multiply the glory of corn] // Izvestia. – 1960. – № 136. – P. 1.
11. Krysy hozyainichayut v New Yorke [Rats are ruling in New York] // Izvestia. – 1960. – № 146. – P. 2.
12. Tuchi pozora nad Amerikoi [Clouds of shame over America] // Izvestia. – 1965. – № 197. – P. 1.
13. Tragediya Los Angelesa [Tragedy of Los Angeles] // Izvestia. – 1965. – № 198. – P. 1.
14. Dostoinii partner [Worthy partner] // Izvestia. – 1965. – № 199. – P. 1.
15. V zelyah samozaschity [In self-defense] // Izvestia. – 1965. – № 203. – P. 1.
16. Usynovite moihi detei [Adopt my children] // Izvestia. – 1965. – № 203. – P. 5.

References

Информация об авторе:

Веремейчик Юлия Сергеевна – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета; <https://orcid.org/0000-0003-1967-1982> (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: prostakova.y@mail.ru).

Author:

Yulia S. Veremeichik (Minsk) – Master of Sciences (History), Post-Graduate Student of the Department of History of Russia, Faculty of History, Belarusian State University; [https://orcid.org/ 0000-0003-1967-1982](https://orcid.org/0000-0003-1967-1982) (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: e-mail: prostakova.y@mail.ru).

Для цитирования:

Веремейчик, Ю. С. Советские средства массовой информации 1960-х годов о демографической ситуации в странах Запада / Ю. С. Веремейчик // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 47–51.

For citation:

Veremeichik, Yu. S. Soviet media of the 1960s on the demographic situation in Western counties / Yu. S. Veremeichik // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical Demography”. – 2024. – No. 10 (76). – P. 47–51.

Дата поступления статьи: 18.09.2024

Прошла рецензирование: 20.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 18.09.2024

Reviewed: 20.09.2024

Accepted: 12.12.2024

Специфика трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии (2000–2021)

Д. И. Узнародов

ФИЦ Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает особенности трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии в период с 2000 по 2021 г. Посредством методики З. Длугоша проводит количественный анализ динамики возрастной структуры русского населения в наиболее крупных административно-территориальных образованиях Эстонии в указанный период, что позволило выявить направленность и скорость изменений возрастной структуры русского населения. Также анализирует различия в динамике возрастной структуры русского и эстонского населения. В результате исследования автор делает вывод о том, что в настоящее время возрастную структуру русского населения Эстонии можно определить как умеренно старую (уезд Харьюмаа), старую (уезды Валгмаа и Ида-Вирумаа) и очень старую (все остальные уезды страны), а эстонскому населению в разных уездах страны свойственны молодая возрастная структура, возрастная структура в преддверии старости, умеренно старая возрастная и старая возрастная структуры, что свидетельствует о более молодом характере возрастной структуры эстонского населения. Еще один вывод состоит в том, что в период с 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократился на 6,33 %, что, в свою очередь, может говорить о риске снижения численности женского населения в наиболее репродуктивно активных возрастных группах еще на 22,5 % на протяжении 2020-х гг.

Ключевые слова:

Эстония, русское население, возрастная структура, возрастные группы, динамика старения

В конце 80-х гг. XX в. Эстония занимала седьмое место (475 тыс. чел.) среди всех республик Советского Союза по численности русского населения. Однако по такому показателю, как удельный вес русского этноса в структуре населения (30,3 %), Эстония уступала только Латвии и Казахстану. Несмотря на то, что после 1991 г. русские фактически стали второй государствообразующей этнической группой суверенной Эстонии, новые власти страны не предпринимали должных мер по интеграции русского

Specificity of transformation of the age structure of the Russian population of Estonia (2000–2021)

D. I. Uznarodov

Federal Research Center Southern Science Center, RAS,
Rostov-on-Don
uzn-dmitrij@yandex.ru

Abstract

The paper considers the peculiarities of the transformation of the age structure of the Russian population of Estonia in the period from 2000 to 2021. Using the methodology of Z. Dlugosz, a quantitative analysis of the dynamics of the age structure of Russian population in the largest administrative-territorial entities of Estonia in the specified period was carried out, which allowed us to identify the direction and rate of changes in the age structure of the Russian population. The differences in the dynamics of the age structure of the Russian and Estonian populations are also analyzed. As a result of the study, it is concluded that currently the age structure of the Russian population of Estonia can be defined as moderately old (Harjumaa uyezd), old (Valgamaa and Ida-Virumaa uyezds) and very old (all other uyezds of the country), and the Estonian population in different uyezds of the country is characterized by a young age structure, an age structure on the eve of old age, a moderately old age structure and an old age structure, which indicates a younger nature of the age structure of the Estonian population. Another conclusion is that in the period from 2011–2021, the proportion of Russians in Estonia in the 20–29 and 30–39 age groups decreased by 6,33%, which, in turn, may indicate a risk of a decrease in the number of women in the most reproductively active age groups by another 22,5% during the 2020s.

Keywords:

Estonia, Russian population, age structure, age groups, aging dynamics

населения в структуру находящейся в процессе становления гражданской нации, рассматривая существенную долю русских в структуре населения в качестве угрозы для титульного сообщества и в целом для нового государства. Данный фактор способствовал тому, что политика нациестроительства в Эстонии в тот период (особенно, процедура получения гражданства) отличалась целенаправленной маргинализацией русского этноса, сопровождавшейся выдавливанием существенного его сегмента

за пределы страны. Почти за 10 лет численность русской общины сократилась на 26 % (до 351 тыс. чел.), а чистый отток русского населения из страны в 1990-е гг. составил 64–65 тыс. чел.

Одновременно с этим нельзя не отметить, что последующая геодемографическая динамика русской общины Эстонии говорит о вполне успешном, в сравнении с рядом других государств бывшего СССР, процессе адаптации местного русского населения к новым жизненным реалиям. Подобная тенденция способствует повышению внимания к определенным научным направлениям, в особенности, изучению аспектов расселенческой, количественной и половозрастной динамики русской общины Эстонии.

Следует подчеркнуть, что анализ специфики трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии еще не становился объектом самостоятельного исследования. В то же время некоторые аспекты данной проблематики становились частью исследований, направленных на изучение динамики русского населения и общих этнодемографических процессов как на территории постсоветской Эстонии, так и Прибалтики в целом. В частности, указанные выше аспекты нашли свое отражение в трудах Н. М. Кабузана [1], В. А. Козлова [2], А. Г. Манакова, О. А. Чученковой [3], И. В. Никифорова, В. В. Полещука [4], Л. Л. Рыбаковского [5], В. А. Тишкова [6], П. Э. Суворкова, И. В. Ермолина [7], С. А. Хрущёва [8], С. Я. Сущего [9; 10], К. С. Халлика [11], Д. В. Житина, А. А. Ивановой [12].

Тем не менее ряд аспектов этнодемографических исследований нуждается в более детальном изучении, в том числе важным является анализ динамики численности русских в разрезе уездов страны, а также особенностей их половозрастной и расселенческой структур не только в целом по Эстонии, но и в разрезе административно-территориальных образований. Цель данной работы – провести количественный анализ половозрастной структуры русского населения в уездах Эстонии в период с 2000 по 2021 г., проведя расчет ряда показателей (средний возраст русского населения, индекс старения, индекс динамики старения, соотношение мужского и женского населения).

Материалы и методы

Инструментарий исследования составили методы статистического анализа. В частности, в ходе исследования применяли сводку, группировку, а также корреляционный и регрессионный анализы полученных статистических данных. В качестве информационной базы исследования использовали материалы переписей населения Эстонии в 2000, 2011 и 2021 гг.

Что касается количественного определения динамики возрастной структуры населения, то в работе применяли методику З. Длугоша, которая позволяет анализировать процесс трансформации возрастной структуры населения как в количественном, так и качественном отношении, а также выявлять направленность и скорость изменений возрастной структуры посредством расчета индекса ди-

намики старения (WSD), позволяющего отразить имеющиеся различия в удельном весе старых и молодых возрастных групп в исследуемый период [13].

Реализация обозначенной методики происходит в несколько этапов. На первом этапе производился расчет такого индикатора, как «индекс старения населения» для русского населения во всех уездах Эстонии по данным переписи населения на 2021 г., который рассчитывается как отношение числа лиц старше 60 лет к числу детей (0–14 лет). Поскольку рассматривается общая трансформация возрастной структуры, а не только непосредственно процесс старения, было принято решение скорректировать параметры изначальной формулы, заменив численность населения в возрасте 0–14 лет на численность населения моложе трудоспособного возраста, а категорию численности населения в возрасте 60 и более лет – численностью населения старше трудоспособного возраста. После внесенных корректировок формула получила следующий вид:

$$I_{\text{стар.}} = \frac{P_{\text{стар.труд.}}}{P_{\text{мол.труд.}}} \times 100,$$

где $I_{\text{стар.}}$ – индекс старения; $P_{\text{стар.труд.}}$ – численность населения старше трудоспособного возраста; $P_{\text{мол.труд.}}$ – численность населения моложе трудоспособного возраста. Чем ниже показатель индекса старения, тем более молодой является структура населения [14, с. 818].

Для типологизации возрастной структуры по индикатору «индекс старения» была использована равноинтервальная открытая шкала, как это было сделано в работе О. О. Секички-Павленко «Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России», основу которой также составила методика, разработанная З. Длугошем [13; 14, с. 818]. За исключением открытых интервалов (первого и последнего), диапазон каждого из них равен 30 единицам, а общее количество интервалов достигает 6 и соответствует типам возрастной структуры: очень молодая возрастная структура – меньше 40; молодая возрастная структура – 40,1–70,0; возрастная структура в преддверии старости – 70,1–100,0; умеренно старая возрастная структура – 100,1–130,0; старая возрастная структура – 130,1–160,0; очень старая возрастная структура – более 160,0. После расчета индикатора «индекс старения» русское население каждого уезда Эстонии было отнесено к одному из типов возрастной структуры, который соответствует указанным выше интервалам.

На втором этапе осуществлялся расчет индекса динамики старения согласно методике З. Длугоша [13], благодаря чему возможно определить вектор и интенсивность процесса трансформации возрастной структуры. Формула для расчета индекса динамики старения выглядит следующим образом:

$$W_{SD} = \left[P_{\text{мол.труд.}(t)} - P_{\text{мол.труд.}(t+n)} \right] + \left[P_{\text{стар.труд.}(t+n)} - P_{\text{стар.труд.}(t)} \right],$$

где W_{SD} – индекс динамики старения; $P_{\text{мол.труд.}(t)}$ – доля населения моложе трудоспособного возраста на начало исследуемого периода; $P_{\text{мол.труд.}(t+n)}$ – доля населения моложе трудоспособного возраста в конце исследуемого периода; $P_{\text{стар.труд.}(t+n)}$ – доля населения старше трудоспособного

возраста, в конце исследуемого периода; $P_{\text{стар.труд}(t)}$ – доля населения старше трудоспособного возраста на начало исследуемого периода. Высокие значения индекса говорят об интенсивном процессе старения в том или ином муниципальном образовании, а отрицательные значения свидетельствуют о том, что на определенной территории происходит процесс омоложения населения. В качестве начала исследуемого периода в нашем случае было принято решение взять 2011 год ввиду наличия более полных данных официальной статистики о численности населения моложе и старше трудоспособного населения.

Что касается третьего этапа, то в рамках каждого из обозначенных выше типов возрастной структуры с применением полученных данных по индексу динамики старения населения были выделены подтипы, которые формируют представление об интенсивности и векторе происходящих изменений, характеризующие будущие потенциально возможные трансформации возрастных структур в каждом из уездов страны. Теоретически можно выделить до восьми типов интенсивности демографического старения: 1) несдержанное старение; 2) усиленное старение; 3) умеренное старение; 4) медленное старение; 5) спокойное омоложение; 6) умеренное омоложение; 7) усиленное омоложение; 8) несдержанное омоложение [13; 15]. Однако, как показали проведенные расчеты, русскому населению по всем уездам Эстонии соответствуют только четыре подтипа, характеризующие интенсивность процесса трансформации возрастной структуры: с тенденцией умеренного старения, усиленного старения и несдержанного старения.

Результаты и их обсуждение

Для получения более детальной картины в рамках исследования по обозначенной выше методике также были рассчитаны индексы старения и динамики старения эстонского населения, что позволило наглядно увидеть различия в изменении динамики возрастной структуры двух крупнейших этнических групп Эстонии. На рис. 1 приведены итоги расчета индекса старения русского и эстонского населения по каждому из уездов страны. На рис. 2 представлены результаты расчета

индекса динамики старения русского и эстонского населения по каждому из уездов страны.

Как показывают проведенные расчеты, русское население Эстонии по индексу старения можно отнести к следующим типам возрастной структуры: с умеренно старой возрастной структурой (русские в уезде Харьюмаа), старой возрастной структурой (русские в уездах Валгамаа и Ида-Вирумаа) и очень старой возрастной структурой (русские во всех остальных уездах страны). Возрастная структура эстонского населения выглядит гораздо более молодой и подразделяется на четыре типа возрастной структуры: молодая возрастная структура (уезд Харьюмаа), возрастная структура в преддверии старости (уезды Тартумаа и Рапламаа), умеренно старая возрастная

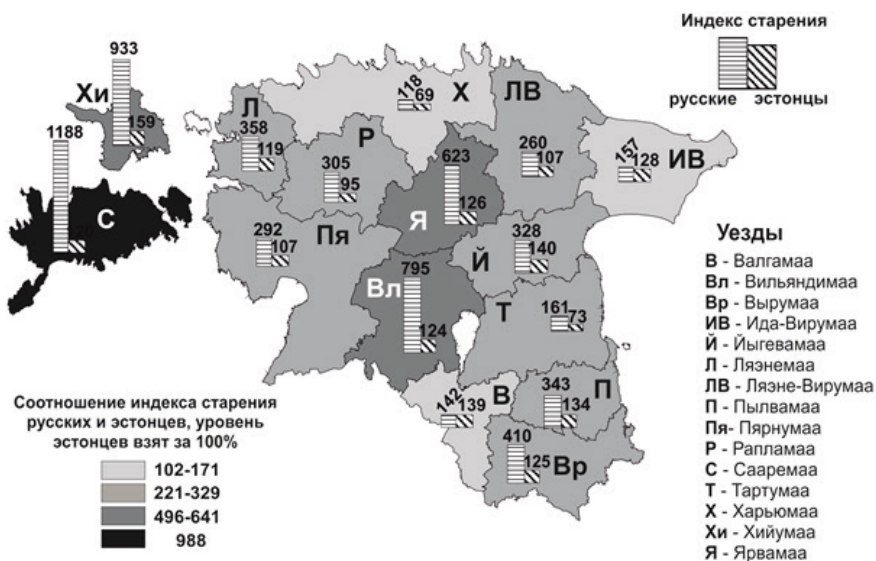


Рисунок 1. Индекс старения русского и эстонского населения Эстонии, на 31.12.2021.

Источник. Здесь и на рис. 5 [16].

Fig. 1. The aging index of the Russian and Estonian population of Estonia, as of 31.12.2021.

Sources: Here and in Fig. 5 [16].

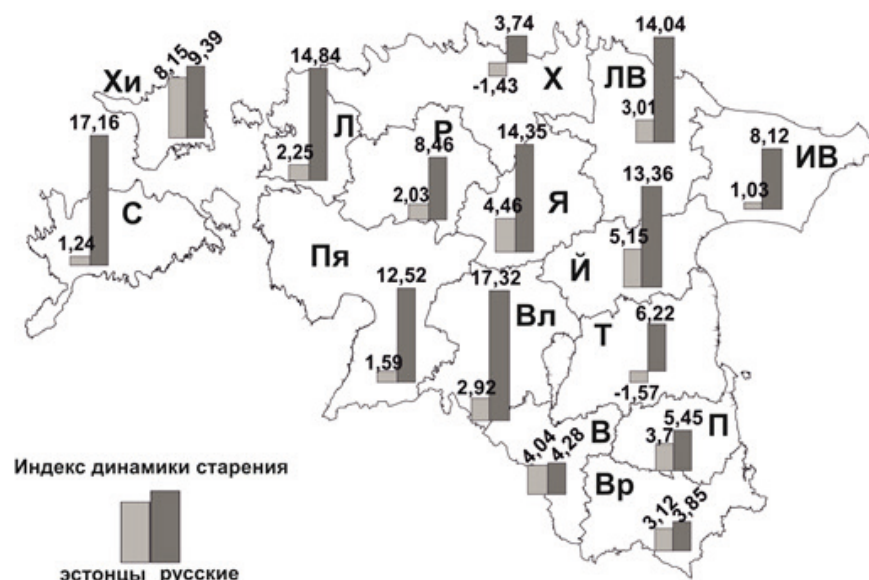


Рисунок 2. Индекс динамики старения русского и эстонского населения Эстонии, 2011–2021 годы.

Источники. Здесь и на рис. 3 [16; 17].

Fig. 2. The index of the dynamics of aging of the Russian and Estonian population of Estonia, 2011–2021.

Sources: Here and in Fig. 3 [16; 17].

структура (уезды Пярнумаа, Ляэне-Вирумаа, Ляэнемаа, Сааремаа, Вильяндимаа, Вырумаа, Ярвамаа, Ида-Вирумаа) и старая возрастная структура (уезды Пылвамаа, Валгамаа, Йигевамаа, Хийумаа).

Индекс динамики старения также выше среди русского населения. Если среди русского населения ни в одном из уездов не наблюдается возрастной структуры с тенденцией омоложения, то среди эстонского населения в двух уездах страны возрастная структура имеет тенденцию спокойного омоложения (уезды Тартумаа и Харьюмаа). В 53 % уездах Эстонии возрастная структура русского населения характеризуется тенденцией несдержанного старения (уезды Хийумаа, Пярнумаа, Ляэне-Вирумаа, Йигевамаа, Ляэнемаа, Ярвамаа, Вильяндимаа и Сааремаа), в то время как среди эстонского населения ни в одном уезде такой тенденции нет. В 80 % уездов возрастная структура эстонского этноса имеет характер медленного (уезды Ида-Вирумаа, Вильяндимаа, Сааремаа, Ляэнемаа, Пярнумаа, Рапламаа) и умеренного старения (Пылвамаа, Валгамаа, Йигевамаа, Ярвамаа, Вырумаа и Ляэне-Вирумаа), в то время как среди русского населения тенденцию умеренного старения можно наблюдать только в 26 % уездов (Харьюмаа, Валгамаа, Вырумаа и Пылвамаа), а возрастной структуры с тенденцией медленного старения среди русского этноса и вовсе нет ни в одном из уездов страны. Данные по индексу старения и индексу динамики старения без привязки к этнической принадлежности приведены на рис. 3.

Полученные данные по индексам старения и динамики старения отражают характер и особенности демографических процессов, которые происходили в Эстонии на протяжении первой четверти XXI в.

За 2000–2011 гг. средний возраст русского населения повысился на 5,6 лет (с 39,9 до 45,5 лет). При этом доля пожилого и старого населения (60 лет и старше) выросла с 18,2 до 31,8 % [16–18]. У эстонцев данный показатель составлял 24,93 %. Еще ниже он был у латышей (19,1 %) и немцев (21,14 %). Сопоставимым с русскими он был у армян (28,75 %) и литовцев (29,23 %). В то же время среди некоторых других этнических групп Эстонии доля населения старше 60 лет была значительно выше: у украинцев она составляла 36,2 %, у поляков, финнов, татар находилась в диапазоне 40,5–46,9 %; у евреев и белорусов – 50,0–54,3 %.

Очевидно, что этнические группы, более 40 % представителей которых – люди старше 60 лет, на-

ходятся в процессе демографического угасания. Между тем сразу в нескольких уездах Эстонии на эти возрастные когорты (60+) приходилось 45–56 % местного русского населения (таблица). Сравнительный анализ возрастной структуры территориальных групп русских и темпов их убыли в 2000–2010-е гг. обнаруживает прямую корреляцию. Максимальное сокращение численности русского населения с 2000 по 2021 г. фиксировалось в уездах Хийумаа (-47,62), Вильяндимаа (-47,3), Ярвамаа (-45,7), Сааремаа (-44,9), Пылвамаа (-41,4 %) [16–18]. Но именно в этих уездах в начале 2020-х гг. было сосредоточено наиболее пожилое русское население (средний возраст его находился в диапазоне 55–62,7 лет).

И в целом только в 6 из 15 уездов Эстонии средний возраст русских был меньше 50 лет. Закономерно, что наиболее молодой являлась группа русских столичного субрегиона (42,9 лет), выступавшего центром притяжения для всего населения страны. Показательно, что средний возраст русских столичного уезда Харьюмаа за 2000–2021 гг. вырос только на 4,1 года. В четырех других уездах страны (именно они были в лидерах депопуляции русского населения) этот рост составил 15,6–18,3 года; еще в шести – 10,4–13,9 лет (рис. 4 А). Причина очевидна – в ми-

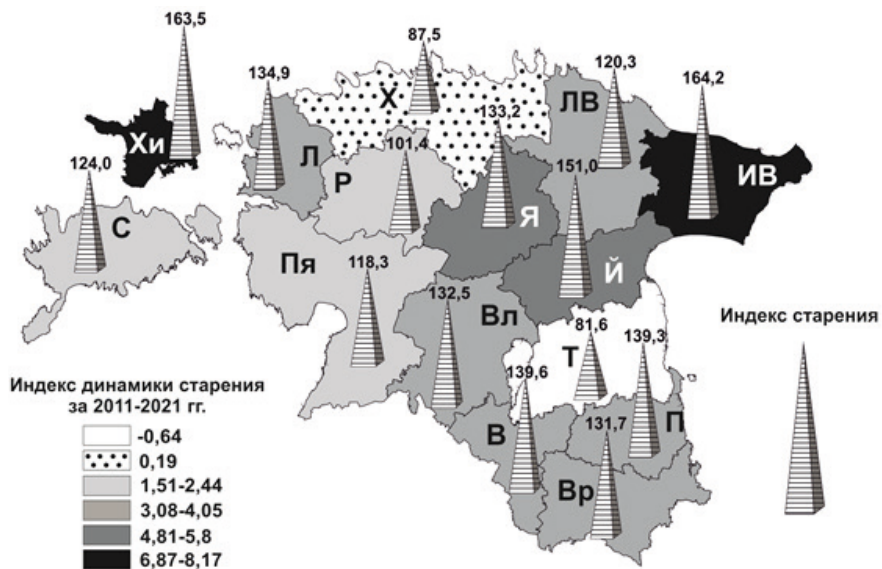


Рисунок 3. Индексы старения и динамики старения населения Эстонии за 2011–2021 годы.
Fig. 3. Indices of aging and dynamics of aging of the Estonian population for 2011–2021.

Возрастная структура русского населения Эстонии, 2000–2021 годы (чел., %)

The age structure of the Russian population of Estonia, 2000–2021 (people, %)

Возрастные группы, лет	Численность населения, тыс. чел.			Удельный вес среди всех этнических групп, %		
	2000 г.	2011 г.	2021 г.	2000 г.	2011 г.	2021 г.
младше 10	28 302	30 494	28 503	20,07	21,59	20,23
10–19	55 843	25 937	29 787	26,44	20,54	20,76
20–29	46 590	46 927	23 512	24,64	25,07	17,48
30–39	45 469	46 011	46 339	24,45	25,79	23,28
40–49	59 220	43 178	45 267	30,45	24,8	24,65
50–59	37 881	55 528	41 580	23,69	31,2	24,24
старше 60	77 873	78 160	100 264	27,05	25,28	27,95

Источники. Здесь и на рис. 4: [16–18].
Sources. Here and in Fig. 4 [16–18].

грационном оттоке, значительная часть которого была ориентирована на столицу страны, количественно доминировали молодежь и люди среднего возраста (учебная и трудовая миграции), деформировавшие возрастную структуру оставшегося русского населения.

Повышенная доля людей старшего возраста, как правило, коррелирует с небольшим удельным весом «средневозрастных» поколений населения. Доля русского населения в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет в 2021 г. составляла 22,16 %, что заметно уступало показателю армянского (27,73), латышского (37,89) и немецкого (38,76 %) народов. И была ниже, чем у эстонцев (25,29 %) и украинцев (23,48 %). За 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в данных возрастных группах сократился на 6,33 %, что являлось одним из самых высоких темпов убыли среди всех этнических групп страны (выше был только среди татар и евреев – 6,91 и 7,64 % соответственно) [16; 17].

Как показали расчеты, в период с 2011 по 2021 г. доля русского населения Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократилась в среднем на 6 %. В указанных возрастных группах максимальное сокращение численности русских происходило в уездах Вильяндимаа (на 49,6 %), Рапламаа (46,6), Ляэнемаа (45,9 %). Достаточно высокими также были темпы сжатия данных возрастных групп у русских в уездах Ляэне-Вирумаа (35,6) и Тартумаа (34,9 %).

Негативные сдвиги в возрастной структуре русской общины страны ощутимо актуализировали другую проблему ее демографической динамики. Поскольку демонстрировавшие абсолютное и удельное сокращения «средневозрастные» поколения русских заключали группу репродуктивных женщин. Если в 2000-е гг. ее размеры практически не изменились, то в 2010-е гг. группа русских женщин наиболее активного детородного возраста (20–39 лет) сократилась в Эстонии почти на 25 % (с 46,5 тыс. до 34,9 тыс. чел.). При этом, в четырех уездах убыль составила 46–50 %, еще в семи – 31–37,5 % (см. рис. 4 Б). Даже в столичном субрегионе данная группа потеряла 19,7 % своего размера. Однако процесс демографического сжатия не закончен – в 2020-е гг. даже без учета фактора миграции, женская группа активной репродукции в русской общине сократится еще на 22,5 % [16].

Следует отметить, что еще одна специфика половозрастной структуры русского населения Эстонии состоит в заметном количественном перевесе женщин (в 2021 г. их приходилось 122 чел. на 100 мужчин). Однако уровень

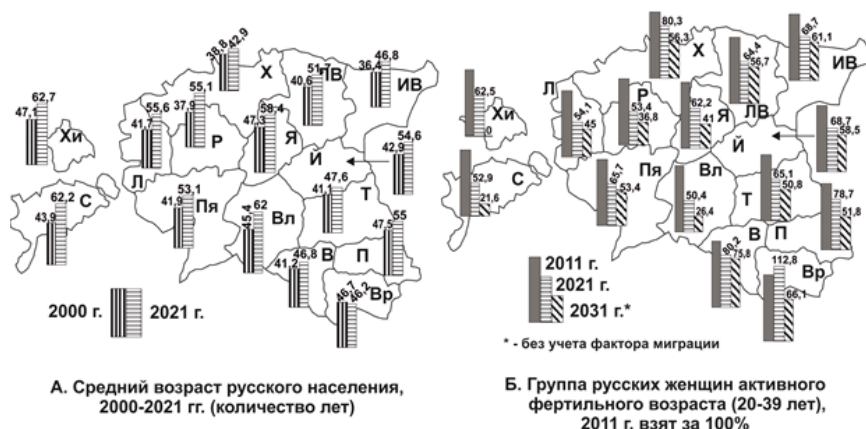


Рисунок 4. Динамика показателей половозрастной структуры русского населения по уездам Эстонии.
Fig. 4. Dynamics of indicators of the gender and age structure of the Russian population in the uyezds of Estonia.

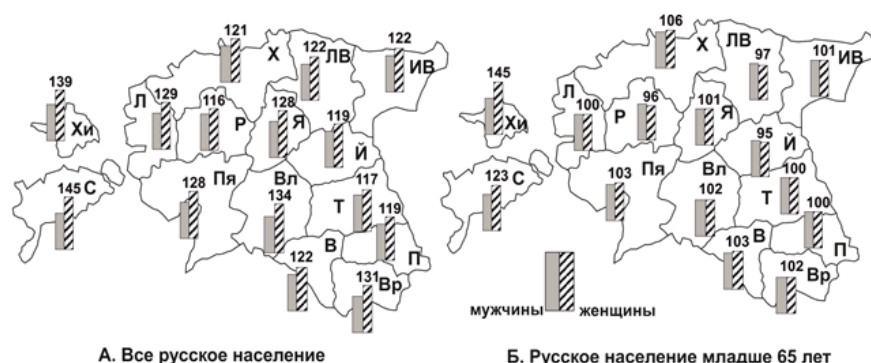


Рисунок 5. Соотношение русского мужского и женского населения по уездам Эстонии, 2021 год (количество женщин на 100 мужчин).
Fig. 5. The ratio of the Russian male and female population by uyezds of Estonia, 2021 (number of women per 100 men).

изменения полового соотношения на всем протяжении постсоветского периода оставался стабильным, в отличие от подавляющего большинства других русских общин ближнего зарубежья, в которых он постепенно возрастал. Отметим и достаточно ограниченный разбег полового дисбаланса по отдельным территориальным группам русских Эстонии (рис. 5 А). Не менее значимо, что во всех этих группах (кроме двух «островных» уездов) дисбаланс формировался исключительно за счет старших возрастных групп. У русского населения до 65 лет (дети, молодежь и люди трудоспособного возраста) он был минимальным (рис. 5 Б). Что, безусловно, имело положительное значение для процесса естественного воспроизводства русского населения страны.

Выводы

Как показывают полученные данные по индексам старения и динамики старения, русское население Эстонии является гораздо более возрастным, нежели эстонское население: в настоящее время возрастную структуру русского населения Эстонии можно определить как умеренно старую (уезд Харьюмаа), старую (уезды Валгамаа и Ида-Вирумаа) и очень старую (все остальные уезды страны). Эстонскому населению в разных уездах страны свойственна молодая возрастная структура, возрастная

структура в преддверии старости, умеренно старая возрастная структура и старая возрастная структура. Похожие выводы можно сделать и по индексу динамики старения: в настоящее время ни в одном из уездов страны возрастная структура русского населения не имеет тенденцию омоложения, в то время как для возрастной структуры эстонского этноса тенденция омоложения свойственна двум административно-территориальным образованиям. Кроме того, в абсолютном большинстве уездов страны возрастная структура русского населения характеризуется тенденцией несдержанного старения, а для эстонского этноса больше характерен тип возрастной структуры с тенденцией медленного и умеренного старения (в 80 % всех административно-территориальных образований). Немаловажным фактором, оказывающим влияние на специфику трансформации возрастной структуры русского населения, является сокращение доли населения в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет: в период с 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в указанных возрастных группах сократился на 6,33 %, что являлось одним из самых высоких темпов убыли среди всех этнических групп страны. Потенциально подобный тренд может свидетельствовать о риске снижения численности женского населения в наиболее репродуктивно активных возрастных группах еще на 22,5 % на протяжении 2020–х гг.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Кабузан, В. М. Русские в мире / В. М. Кабузан. – Санкт-Петербург : Блиц, 1996. – 350 с.
2. Козлов, В. А. Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии / В. А. Козлов // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 3. – С. 50–60.
3. Манаков, А. Г. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. / А. Г. Манаков, О. А. Чученкова. – Псков: Русская книга, 2017. – 96 с.
4. Никифоров, И. В. Демография русского населения Эстонии в XX веке // Этническая политика в странах Балтии / И. В. Никифоров, В. В. Полещук. – Москва : Наука, 2013. – С. 155–176.
5. Рыбаковский, Л. Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л. Л. Рыбаковский. – Москва : ИСПИ, 1996. – 55 с.
6. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 110–124.
7. Манаков, А. Г. Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии / А. Г. Манаков, П. Э. Суворков, И. В. Ермолин // Современная Европа. – 2021. – № 7. – С. 27–38. – URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>. (дата обращения: 24.06.2024).
8. Хрущёв, С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона / С. А. Хрущёв // Балтийский регион. – 2010. – № 4. – С. 91–102.
9. Суций, С. Я. Русские в Прибалтике – геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века / С. Я. Суций // Народонаселение. – 2018. – Т. 21, № 3. – С. 21–36.
10. Суций, С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 6–30.
11. Халлик, К. С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования / К. С. Халлик. – Москва : Наука, 2011. – С. 90–119.
12. Житин, Д. В. Демографическое развитие стран Балтии / Д. В. Житин, А. А. Иванова. – Москва : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. – 112 с.
13. Dlugosz, Z. (2003). The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. Bulletin of Geography (Socio-Economic series), 2, 5–15.
14. Секички-Павленко, О. О. Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России / О. О. Секички-Павленко // Экономика региона. – 2023. – № 19 (3). – С. 813–827.
15. Антипова, Е. А. Типологические подходы в изучении демографического старения сельского населения Беларуси / Е. А. Антипова // Региональные исследования. – 2007. – № 3 (13). – С. 3–12.
16. Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2021 гг. Возрастная структура. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 24.06.2024).
17. Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2011 гг. Возрастная структура. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 24.06.2024).
18. Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2000 гг. Возрастная структура. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2000__vanus/RL201 (дата обращения: 24.06.2024).

References

1. Kabuzan, V. M. Russkie v mire [The Russians in the world] / V. M. Kabuzan. – St.Petersburg: BLITZ [Russian-Baltic Information Center "BLITZ"]. 1996. – 350 p.
2. Kozlov, V. A. Demograficheskoe povedenie russkoj diaspory v stranah Pribaltiki i Central'noj Azii [Demographic behavior of the Russian Diaspora in the Baltic States and Central Asia] / V. A. Kozlov // Vestnik Instituta ekonomiki RAN [Bull. of the Inst. of Economics, RAS]. – 2018. – No. 3. – P. 50–60.
3. Manakov, A. G. Dinamika etnicheskogo sostava nasele-niya Estonii i Latvii s 1881 g. po 2016 g. [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Lat-

- via from 1881 to 2016] / A. G. Manakov, O. A. Chuchenkova. – Pskov. Russkaya kniga [Russian Book], 2017. – 96 p.
4. Nikiforov, I. V. Demografiya russkogo naseleniya Estonii v XX veke [Demography of the Russian population of Estonia in the XX century] / I. V. Nikiforov, V. V. Poleshchuk // Etnicheskaya politika v stranah Baltii [Ethnic politics in the Baltic States]. – Moscow. Nauka, 2013. – P. 155–176.
 5. Rybakovsky, L. L. Russkie i novoe zarubezh'e: migratsionnyj obmen i ego vliyanie na demograficheskuyu dinamiku [The Russians and the New Abroad: migration exchange and its impact on demographic dynamics] / L. L. Rybakovsky. – Moscow: Institut social'no-politicheskikh issledovanij Federalnogo nauchno-issledovatel'skogo sociologicheskogo centra Rossijskoj akademii nauk [Inst. of Socio-Political Studies of the Federal Research Sociological Center, RAS], 1996. – 55 p.
 6. Tishkov, V. A. Russkie kak men'shinstva (primer Estonii) [The Russians as minorities (the example of Estonia)] / V. A. Tishkov // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. – 1993. – No. 6. – P. 110–124.
 7. Manakov, A. G. Ocenka vosproizvodstvennogo potentsiala etnicheskikh grupp v stranah Baltii [Assessment of the reproductive potential of ethnic groups in the Baltic States] / A. G. Manakov, P. E. Suvorkov, I. V. Ermolin // Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. – 2021. – No. 7. – P. 27–38. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>.
 8. Khrushchiov, S. A. Etnicheskie aspekty demograficheskikh processov v stranah Baltijskogo regiona [Ethnic aspects of demographic processes in Baltic region] / S. A. Khrushchiov // Baltijskij region [Baltic Region]. – 2010. – No. 4. – P. 91–102.
 9. Sushchy, S. Ya. Russkie v Pribaltike – geodemograficheskie trendy postsovetskogo perioda i perspektivy pervoj poloviny XXI veka [The Russians in the Baltic States – geodemographic trends of the post-Soviet period and prospects of the first half of the XXI century] / S. Ya. Sushchy // Narodonaselenie [Population]. – 2018. – Vol. 21, No. 3. – P. 21–36.
 10. Sushchy, S. Ya. Russkoe naselenie blizhnego zarubezh'ya: geodemograficheskaya dinamika postsovetskogo perioda [The Russian population of the Near Abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period] / S. Ya. Sushchy // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. – 2020. – Vol. 7, No. 2. – P. 6–30.
 11. Khallik, K. S. Russkie v Estonii [The Russians in Estonia] / K. S. Khallik // Russkie: etnosociologicheskie issledovaniya [The Russians: Ethnosociological research]. – Moscow: Nauka. – 2011. – P. 90–119.
 12. Zhitin, D. V. Demograficheskoe razvitie stran Baltii [Demographic development of the Baltic States] / D. V. Zhitin, A. A. Ivanova. – Moscow. Associaciya knigoizdatelej «Russkaya kniga» [“Russian Book” Association of Book Publishers], 2017. – 112 p.
 13. Dlugosz, Z. (2003). The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. Bulletin of Geography (Socio-Economic series), 2 / Z. Dlugosz. – P. 5–15.
 14. Sekitski-Pavlenko, O. O. (2023). Tipologiya transformacii vozrastnoi struktury naseleniya regionov Rossii. Ekonomika regiona [Typology of the transformation of the age structure in Russian Regions. Economy of the region] / O. O. Sekitski-Pavlenko. – 2023. – No. 19(3). – P. 813–827.
 15. Antipova, E.A. Tipologicheskie podhody k izucheniyu demograficheskogo stareniya sel'skogo naseleniya Belarusi [Typological Approaches in the Study of Demographical Ageing of Rural Population of Belarus] / E.A. Antipova // Regional'nye issledovaniya [Regional studies]. – 2007. – № 3(13). – P. 3–12.
 16. Departament statistiki Estonii. Rezultaty perepisi naseeleniya 2021 gg. Vozrastnaya struktura [Department of Statistics of Estonia. Results of the 2021 population census. The age structure]. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (accessed: 24.06.2024).
 17. Departament statistiki Estonii. Rezultaty perepisi naseeleniya 2011 gg. Vozrastnaya struktura [Department of Statistics of Estonia. Results of the 2011 population census. The age structure]. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2 (accessed: 24.06.2024).
 18. Departament statistiki Estonii. Rezultaty perepisi naseeleniya 2000 gg. Vozrastnaya struktura [Department of Statistics of Estonia. Results of the 2000 population census. The age structure]. – URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2000__vanus/RL201 (accessed: 24.06.2024).

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974 – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Acknowledgments (state task)

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974 – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Информация об авторе:

Узнародов Дмитрий Игоревич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии отдела общественных наук Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН; ORCID: 0000-0001-7570-3614 (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, д. 41; e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru).

Author:

Dmitry I. Uznarodov – Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Research Fellow, Laboratory of Sociology, Department of Social Sciences, Federal Research Center Southern Science Center, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-7570-3614 (41, Chekhov ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru).

Для цитирования:

Узнародов, Д. И. Специфика трансформации возрастной структуры русского населения Эстонии (2000-2021) / Д. И. Узнародов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 52–59.

For citation:

Uznarodov, D. I. Specificity of transformation of the age structure of the Russian population of Estonia (2000-2021) / D. I. Uznarodov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 52-59.

Дата поступления статьи: 23.10.2024

Прошла рецензирование: 25.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 23.10.2024

Reviewed: 25.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Всероссийская перепись населения 2021 года о расселении народов Кавказа на территории Республики Коми

И. Л. Жеребцов*, В. В. Фаузер**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

fauzer.viktor@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе материалов Всероссийской переписи населения 2021 г. рассмотрено расселение народов Северного Кавказа и Закавказья на территории Республики Коми. Приведены данные о пространственном размещении представителей кавказских народов по муниципальным образованиям региона и отдельным населенным пунктам. Отмечено, что большинство представителей народов Северного Кавказа и Закавказья расселялись в северной части Республики Коми, но среди населенных пунктов первое место по количеству представителей кавказских народов занимал г. Сыктывкар.

Ключевые слова:

Республика Коми, народы Северного Кавказа и Закавказья, расселение, перепись населения 2021 г., населенные пункты

2021 All-Russian Population Census on the settling of the peoples of the Caucasus in the Komi Republic

I. L. Zherebtsov*, V. V. Fauzer**

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar

** Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS Syktyvkar

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

fauzer.viktor@yandex.ru

Abstract

Based on the materials of the 2021 All-Russian Population Census, the paper considers the settling of the peoples of the North Caucasus and Transcaucasia in the Komi Republic. Data are provided on the spatial distribution of representatives of the Caucasian peoples in the municipalities of the region and individual settlements. It is noted that the majority of representatives of the peoples of the North Caucasus and Transcaucasia settled in the northern part of the Komi Republic, but among the settlements, the city of Syktyvkar occupied the first place in the number of representatives of the Caucasian peoples.

Keywords:

Komi Republic, peoples of the North Caucasus and Transcaucasia, settling, population census 2021, settlements

Миграции населения из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья на Европейский Северо-Восток проходили под влиянием разных социально-экономических факторов [1], добровольно или принудительно [2], в разные исторические периоды. Этому посвящен ряд научных работ [3–7], в которых рассматривались влияние миграций на этнический состав населения [8] и, в частности, проблема притока в Коми край выходцев с Кавказа [9, 10]. Однако до настоящего времени вне основного поля зрения исследователей оставался такой важный аспект, как расселение кавказских мигрантов на территории республики. В фокусе внимания авторов данной статьи – расселение представителей северокавказских и закавказских народов в республике, рассмотренное по материалам Всероссийской переписи населения 2021 г.

Прежде чем перейти к рассмотрению основного вопроса, представим этнический ландшафт Республики Коми по всесоюзным и российским переписям населения, т. е. от общего перейдем к частному в этнической компоненте

народонаселения региона [11]. В Республике Коми наблюдалась следующая картина: рост численности у всех национальностей до 1989 г., а затем – их снижение. Исключение составили немцы, постоянно демонстрирующие убыль своей численности. За исключением коми, все национальности, проживающие в республике, теряли свою численность интенсивнее, чем где они представлены по стране в целом (табл. 1) [12].

Как отмечено в литературе, в середине XX в. количество переселенцев с Кавказа в Коми постоянно росло, достигнув максимума к концу 1980-х гг., а затем стало уменьшаться, оставаясь тем не менее довольно значительным и в первой четверти XXI в. [13]. Всероссийская перепись населения 2021 г. дает возможность увидеть, в каких муниципальных образованиях и населенных пунктах селились и проживают в настоящее время представители тех или иных народов Северного Кавказа и Закавказья. Ее материалы представлены в обстоятельной таблице, подготовленной к.э.н. А. В. Смирновым (табл. 2).

Национальный состав населения Республики Коми, переписи населения 1897–2021 годов*, чел.

Table 1

National composition of the population of the Komi Republic, population censuses of 1897–2021*, people

Национальность	Год									
	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Все население	170 664	224 929	318 996	815 799	964 802	1 110 361	1 250 847	1 018 674	901 189	737 853
Коми (зыряне)	136 499	195 445	231 301	245 357	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348	127 089
Русские	31 206	28 282	70 226	396 821	512 203	629 523	721 780	607 021	555 963	398 547
Украинцы	–	34	6010	81 415	82 955	94 154	104 170	62 115	36 082	11 041
Белорусы	–	11	3323	22 622	24 706	24 763	26 730	15 212	8859	2639
Татары	–	32	709	8682	11 906	17 836	25 980	15 680	10 779	4083
Чуваши	–	3	246	3493	6567	8545	11 253	7529	5077	1869
Немцы	–	15	2617	19 805	14 647	13 339	12 866	9246	5441	1984
Ненцы (самоеды)	2780	974	974	374	369	366	376	708	503	215
Другие	179	133	3536	37 230	35 271	41 034	56 136	38 999	29 251	24 416
Не указавшие национальную принадлежность	–	–	–	–	–	3	14	5 700	46 886	165 970

Источник: [12, с. 72–73].

Примечание. * Переписи населения 1897–1970 гг. – наличное население; последующие переписи – постоянное население.

Source: [12, p. 72–73].

Note. * Population censuses of 1897–1970 – current population, subsequent censuses – permanent population.

В табл. 2 учтены 5579 представителей 23 народов Северного Кавказа и Закавказья (1843 и 3736 чел. соответственно), проживавшие в 52 населенных пунктах различных типов – городах, поселках городского типа, поселках, селах и деревнях (уточним, что в табл. 2 отдельно не выделены весьма малочисленные представители еще нескольких кавказских народов (цахуров, ассирийцев, татов, горских евреев), отмеченных, согласно имеющимся научным публикациям [14], в переписи 2021 г.; в табл. 2 они отнесены к графе «указавшие другие ответы», что в целом практически не влияет на общую картину расселения).

Указанные в табл. 2 представители народов Северного Кавказа и Закавказья были в 2021 г. расселены в 18 муниципальных образованиях из 20; перепись не зафиксировала представителей этих народов в Троицко-Печорском и Усть-Цилемском районах. Больше всего представителей кавказских народов находилось в МО ГО «Сыктывкар» (1591), ГО «Усинск» (982), МО «Ухта» (968) и МО «Воркута» (719). В Койгородском районе переписью зафиксированы только пять человек, в Ижемском районе – шестеро (табл. 3).

В 40 из 52 населенных пунктов представители кавказских народов составляли от 0,1 до 2,5 % населения, в девяти (Парма, Ёдва, Чиньяворык, Ниж. Доманик, Синдор, Усинск, Черный Яр, Северный, Изъяю) – от 3,9 до 6,8 %. Лишь в двух малолюдных деревнях и поселке доля представителей кавказских народов была выше: 8,3 % в дер. Лайково (60 жителей; МО «Ухта»); 24,2 – в пос. Вожский (166 жителей, указали национальность – 161 чел.; Удорский район), 35,7 % – в дер. Нижние Коквицы (14 жителей; Усть-Вымский район). В шести населенных пунктах представителей кавказских народов было больше, чем коми жителей: в г. Воркуте, поселках Северный, Воргашор, Заполярный (МО «Воркута»), Вожский, Ёдва (Удорский район), а в одном – больше, чем русских (дер. Нижние Коквицы).

В южной части республики¹ в 19 населенных пунктах проживало немногим более трети представителей кавказских народов – 1971 чел., или 35,3 %. Здесь располагались два небольших населенных пункта, где их доля была выше: уже упоминавшаяся маленькая деревня Нижние Коквицы и немногочисленный поселок Черный Яр (181 житель, указали национальную принадлежность – 176). Большинство представителей кавказских народов (3608 чел., почти две трети – 64,7 %) зафиксированы переписью в северной части республики. Там же располагались 10 из 12 населенных пунктов, в которых их доля в населении несколько выше, а всего они проживали в 33 населенных пунктах.

28,5 % представителей кавказских народов (1591 чел.) проживало в Сыктывкаре. Значительные группы находились также в Усинске (934), Ухте (855) и Воркуте (486). Больше 100 чел. проживало в Микуне (164), Инте (154), пгт. Северный (146), Печоре (132), Емве (127). Меньше 10 (от пяти до девяти) представителей кавказских народов было зафиксировано в 16 населенных пунктах (Ниж. Коквицы, Студенец, Югыдяг, Корткерос, Кажым, Лайково, Горьковская, Дутово, Озёрный, Щельяюр, Елецкий, Серегово, Усть-Ухта, Черный Яр, Боровой, Благоево). В остальных – от 10 (Жешарт, Летка) до 90 (Синдор).

Народы Закавказья были представлены азербайджанцами, армянами, грузинами и абхазами (6 чел.). Согласно переписи населения 2021 г., они проживали в 17 муниципальных образованиях Республики Коми (кроме упоминавшихся Троицко-Печорского и Усть-Цилемского районов, их не было также в Ижемском), в 45 населенных пунктах различных типов – городах, поселках городского типа, поселках, селах и деревнях. В северной части республики проживало 2224 представителя народов Закавказья (59,5 %), в южной – 1512. В разрезе муниципальных образований

¹ К южной части Республики Коми мы относим МО ГО «Сыктывкар», Усть-Вымский, Корткеросский, Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Сыктывдинский, Сысольский, Койгородский и Прилузский районы.

Таблица 2
Населенные пункты Республики Коми, в которых учтены представители народов Закавказья и Северного Кавказа (по материалам Всероссийской переписи населения 2021 года)
Table 2
Settlements of the Komi Republic, which include representatives of the peoples of Transcaucasia and the North Caucasus (based on the materials of the 2021 All-Russian Population Census)

Населенный пункт	Все население, 2021 г.	Указавшие нац. принадлежность	Русские	Коми	Народы Кавказа	Азербайджанцы	Армяне	Лезгины	Грузины	Нотайцы	Чеченцы	Аварцы	Даргинцы	Осетины	Табасараны	Кумыки	Кабардинцы	Ингуши	Лакцы	Талыши	Черкесы	Рутульцы	Адыгейцы	Карачаевцы	Абхазы	Абзины	Балкарцы	Агулы	Указавшие другие ответы
г. Сыктывкар	220580	158279	117222	29203	1591	731	376	127	75	5	47	23	34	38	25	12	11	6	7	26	14	6	-	15	6	-	7	-	3325
г. Усинск	32182	19429	13662	1126	934	369	54	105	6	209	62	13	21	19	-	32	-	13	12	-	14	-	5	-	-	-	-	-	393
г. Ухта	79899	57373	49267	3039	855	362	141	162	34	-	32	18	28	11	10	12	10	6	6	-	-	11	6	-	-	-	6	1089	
г. Воркута	56985	31863	26180	434	486	237	31	98	45	-	-	10	23	12	14	-	-	6	5	-	-	5	-	-	-	-	-	849	
г. Микунь	8527	7930	6645	497	164	113	19	32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	116	
г. Инта	20271	15697	12715	1248	154	56	8	38	14	6	-	21	6	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	189	
пгт Северный	3660	3392	2715	42	146	126	6	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	64
г. Печора	35254	22495	18302	1974	132	54	17	24	8	-	8	10	-	6	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	415
г. Емва	10994	9389	7627	1001	127	77	31	14	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	155
пгт. Синдор	2073	2060	1675	103	90	66	-	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	33
пгт. Усогорск	4936	4366	2603	1392	80	28	30	22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	75
пгт. Нижний Одес	7348	6183	5428	273	71	71	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	111
пгт. Воргашор	6553	3836	3115	11	70	62	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	72
г. Сосногорск	22189	17590	15613	910	58	17	33	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	250
г. Вуктыл	9322	7778	6433	399	53	16	12	-	8	-	-	-	-	-	11	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	194
пгт. Парма	713	709	476	68	48	35	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
пгт. Ярега	6256	3963	3537	115	39	22	-	9	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	106
село Объячево	5617	5513	3336	1972	39	6	27	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	62
посёлок Вожский	166	161	100	11	39	10	-	23	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
пгт. Водный	4677	3779	3324	215	36	31	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	53
пгт. Изъяю	936	920	696	71	36	-	-	36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	33
пос. Чиньворык	610	610	471	42	34	12	-	22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22
с. Визинга	6353	6269	2926	3088	29	23	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	74
с. Усть-Кулом	5077	4981	1378	3476	25	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	63
пос. Едва	278	273	173	14	16	-	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12
с. Вильгорт	10564	8868	6229	2189	15	7	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	163
пгт. Кожва	1805	1574	1296	113	14	-	-	9	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25
с. Айкино	3192	3129	1925	1023	13	6	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	53
с. Зеленец	2844	2532	2050	397	13	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	51
пгт. Шудаяг	2962	1750	1425	177	12	6	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	51
пос. Кебаньель	1431	1411	863	478	12	5	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	22

Окончание табл. 2

Населенный пункт	Все население, 2021 г.	Указавшие нац. принадлежность	Русские	Коми	Народы Кавказа	Азербайджанцы	Армяне	Лезгины	Грузины	Ногайцы	Чеченцы	Аварцы	Даргинцы	Осетины	Табасараны	Кумыки	Кабардинцы	Ингуши	Лакцы	Талыши	Черкесы	Рутульцы	Адыгейцы	Карачаевцы	Абхазы	Абазинцы	Балкарцы	Агулы	Указавшие другие ответы
пос. Нижний Доманик	223	221	176	19	12	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14
пгт. Заполярный	483	463	323	2	11	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27
пос. Аджером	1027	1026	558	421	11	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12
пгт. Жешарт	7129	6499	4891	1162	10	-	5	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	86
с. Летка	2508	2488	1204	1232	10	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	23
пгт. Боровой	760	748	653	17	9	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14
пос. Черный Яр	181	176	108	55	8	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
пгт. Благоево	1918	1900	1258	509	7	-	-	-	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	29
с. Усть-Ухта	830	825	501	260	6	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	26
пгт. Елецкий	307	300	230	21	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
с. Серёгово	344	343	307	21	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
пос. Щельяр	2177	2157	540	1592	6	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
дер. Горьковская	238	236	59	167	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
с. Корткерос	4710	4512	2512	1866	5	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	60
с. Дутово	540	533	359	121	5	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18
пос. Югыдяг	1427	1414	492	851	5	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17
пос. Кажым	988	985	942	17	5	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10
пос. Озёрный	403	392	314	36	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
пос. Студенец	568	558	456	83	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
дер. Лайково	60	60	26	25	5	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
дер. Нижние Коквицы	14	14	1	8	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено на основании материалов Всероссийской переписи населения 2021 г., представленных Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.
The table was compiled by A.V. Smirnov, Cand. Sci. (Economy), based on the materials of the 2021 All-Russian Population Census, submitted by the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Komi Republic (Komitstat).

Setting of representatives of the Caucasian peoples in the Komi Republic by municipalities and settlements																									
Муниципальное образование, населенный пункт	Народы Кавказа	В % к указавшим нац. принадлежность	Азербайджанцы	Армяне	Грузины	Абхазы	Лезгины	Ногайцы	Чеченцы	Аварцы	Даргинцы	Осетины	Табасараны	Кумыки	Ингуши	Кабардинцы	Лакцы	Талыши	Черкесы	Рутульцы	Карачаевцы	Адыгейцы	Балкарцы	Абазинны	Аглы
	ГО «Сыктывкар»	1591		731	376	75	6	127	5	47	23	34	38	25	12	6	11	7	26	14	6	15	-	7	-
	г. Сыктывкар	1591	1,0	731	376	75	6	127	5	47	23	34	38	25	12	6	11	7	26	14	6	15	-	7	-
	Усть-Вымский р-н	205		129	31	8	-	32	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	г. Микунь	164	0,3	113	19	-	-	32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с. Айино	13	0,4	6	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	пгт. Жешарт	10	0,2	-	5	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	пос. Черный Яр	8	4,5	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	дер. Ниж. Коквицы	5	35,7	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	пос. Студенец	5	0,9	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Прилузский р-н	49		11	32	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с. Обьячево	39	0,7	6	27	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с. Летка	10	0,4	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Усть-Куломский р-н	42		24	5	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
	с. Усть-Кулом	25	0,5	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
	пос. Кебаньель	12	0,9	5	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	пос. Югыдяг	5	0,4	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сысольский р-н	35		29	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с. Визинга	29	0,5	23	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	дер. Горьковская	6	2,5	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Сыктывдинский р-н	28		20	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с. Выльгорт	15	0,2	7	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	с. Зеленец	13	0,5	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Корткеросский р-н	16		-	11	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	пос. Аджером	11	1,1	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
с. Корткерос	5	0,1	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Койгородский р-н	5		-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
пос. Кажым	5	0,5	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего по южным районам Коми	1971		944	463	99	6	166	5	52	29	34	38	25	12	6	11	7	26	14	6	15	-	7	6	
МО «Инта»	154		56	8	14	-	38	6	-	21	6	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
г. Инта	154	1,0	56	8	14	-	38	6	-	21	6	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Муниципальное образование, населенный пункт	Народы Кавказа	В % к указавшим нац. принадлежность	Азербайджанцы	Армяне	Грузины	Абхазы	Лезгины	Ногайцы	Чеченцы	Аварцы	Даргинцы	Осетины	Табасараны	Кумыки	Ингуши	Кабардинцы	Лакцы	Талыши	Черкесы	Рутульцы	Карачаевцы	Адыгейцы	Балкарцы	Абазинцы	Агулы
ГО «Усинск»	982		404	67	6	-	105	209	62	13	21	19	-	32	13	-	12	-	14	-	-	5	-	-	
	934	4,8	369	54	6	-	105	209	62	13	21	19	-	32	13	-	12	-	14	-	-	5	-	-	
	48	6,8	35	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	968		436	147	34	-	176	-	32	37	28	11	10	12	6	10	6	-	-	-	11	-	6	6	
	855	1,5	362	141	34	-	162	-	32	18	28	11	10	12	6	10	6	-	-	-	11	-	6	6	
	39	1,0	22	-	-	-	9	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	36	1,0	31	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	12	0,7	6	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	12	5,4	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	9	1,2	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	5	8,3	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	719		442	37	67	-	98	-	-	10	23	12	14	-	6	-	5	-	-	-	5	-	-	-	
	486	1,5	237	31	45	-	98	-	-	10	23	12	14	-	6	-	5	-	-	-	5	-	-	-	
	146	4,3	126	6	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	70	1,8	62	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	11	2,4	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	6	2,0	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	187		59	17	8	-	69	-	-	8	15	-	6	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	
	132	0,6	54	17	8	-	24	-	-	8	10	-	6	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	
	36	3,9	-	-	-	-	36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	14	0,9	-	-	-	-	9	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
5	1,3	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
58		16	17	8	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-		
53	0,7	16	12	8	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-		
5	0,9	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
135		88	33	-	-	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
71	1,1	71	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
58	0,3	17	33	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
6	0,7	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
257		161	31	-	-	-	60	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-		
127	1,4	77	31	-	-	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-		

Муниципальное образование, населенный пункт	Народы Кавказа	В % к указавшим нац. принадлежность	Азербайджанцы	Армяне	Грузины	Абхазы	Лезгины	Ногайцы	Чеченцы	Аварцы	Даргинцы	Осетины	Табасараны	Кумыки	Ингуши	Кабардинцы	Лакцы	Талыши	Черкесы	Рутульцы	Карачаевцы	Адыгейцы	Балкарцы	Абазинцы	Агулы
пгт. Синдор	90	4,4	66	-	-	-	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пос. Чиньжарык	34	5,6	12	-	-	-	22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
с. Серёгово	6	1,7	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Удорский р-н	142		38	30	-	-	61	-	-	7	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пгт. Усогорск	80	1,8	28	30	-	-	22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пос. Вожский	39	24,2	10	-	-	-	23	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пос. Едва	16	5,9	-	-	-	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пгт. Благоево	7	0,4	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ижемский р-н	6		-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пос. Шельяюр	6	0,3	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего по северным районам Коми	3608		1700	387	137	-	621	215	102	103	84	53	41	44	31	20	23	-	14	16	-	11	-	-	6
Итого по республике	5579		2444	850	236	6	787	220	154	132	118	91	66	56	37	31	30	26	28	22	15	11	7	6	6

Источник: настоящая таблица составлена на основе данных, приведенных к.э.н. А. В. Смирновым в табл. 2.

This table is based on the data provided by A.V. Smirnov, Cand. Sci. (Economy), in Table 2.

большинство представителей народов Закавказья размещались в МО ГО «Сыктывкар» – 1188 чел., МО «Ухта» – 617 чел., МО «Воркута» – 546 чел., ГО «Усинск» – 477 чел. Если рассматривать населенные пункты, то больше всего представителей указанных народов проживало в Сыктывкаре (1188), Ухте (537), Усинске (429), Воркуте (313), пгт. Северный (146), Микуне (132), Емве (108), а в остальных населенных пунктах – от 5 (Озерный, Кажым, Кебаньель и др.) до 79 (Печора).

Самой многочисленной закавказской группой населения являлись азербайджанцы – 2644 чел., расселенные на территориях 15 муниципальных образований в 38 населенных пунктах. Большинство азербайджанцев (64,3 %) проживало в северной части республики – 1700 чел. в 25 населенных пунктах, в южной – 944 чел. в 13 населенных пунктах (35,7 %). Наиболее многочисленны азербайджанцы были в МО ГО «Сыктывкар» – 731 чел., МО «Воркута» – 442, МО «Ухта» – 436 и ГО «Усинск» – 404 чел. В Княжпогостском районе проживал 161 азербайджанец, в Усть-Вымском – 129, в остальных (МО «Вуктыл», МО «Сосногорск», МО «Инта», МР «Печора», Прилузский, Усть-Куломский, Сысольский, Сыктывдинский, Удорский районы) – от 11 (Прилузье) до 88 (МО «Сосногорск»). Среди населенных пунктов лидировали по числу азербайджанцев Сыктывкар (731), Усинск (369), Ухта (362), Воркута (237), пгт. Северный – 126, Микунь (113). В 14 населенных пунктах (Айкино, Объячево, Вильгорт, Шудаяг, Нижний Доманик, Елецкий и др.) жили менее 10 (от пяти до девяти) азербайджанцев, в остальных – от 10 (Вожский) до 77 (Емва). В Нижнем Одесе, Заполярном, Боровом, Серегово, Елецком, Озерном, Нижних Коквицах, Студенце, Горьковской, Зеленце азербайджанцы были единственными представителями кавказских народов.

Вторую по численности закавказскую группу населения составляли армяне – 850 чел., расселенные на территориях 15 муниципальных образований в 22 населенных пунктах – в основном, городах, поселках городского типа и райцентрах, а также двух поселках и двух селах. Больше половины армян (54,5 %) проживало в южной части Коми – 463 чел. в девяти населенных пунктах; в северной – 387 чел. (45,5 %) в 13 населенных пунктах. Больше всего армян насчитывалось в МО ГО «Сыктывкар» – 376 чел., МО «Ухта» – 147 чел. и ГО «Усинск» – 67 чел. От 31 до 37 проживало в МО «Воркута», МР «Сосногорск», Княжпогостском, Прилузском, Усть-Вымском и Удорском районах, а в оставшихся (Усть-Куломский, Сыктывдинский, Корткеросский, МО «Инта», МР «Печора», МО «Вуктыл») – от 5 до 17. Если рассматривать населенные пункты, то больше всего армян проживало в Сыктывкаре (376), Ухте (141) и Усинске (54). От 11 до 33 армян проживало в девяти населенных пунктах, меньше 10 (от пяти до восьми) – также в девяти на-

селенных пунктах. В с. Дутово (5 чел.), Югыдьяге (5) и Аджероме (11) армяне были единственными представителями кавказских народов.

Грузины являлись третьей по численности группой закавказских народов (236 чел.). Перепись зафиксировала их в 11 муниципальных образованиях, в 13 населенных пунктах (городах, поселках городского типа, райцентрах и двух поселках). 137 грузин (58 %) проживали в северной части республики в восьми населенных пунктах, 99 – в южной части в пяти населенных пунктах. Основная часть грузин пребывала на территориях МО ГО «Сыктывкар» – 75 чел., МО «Воркута» – 67, МО «Ухта» – 34 чел., а в остальных (ГО «Усинск», МР «Печора», МО «Вуктыл», МО «Инта», Койгородский, Корткеросский, Сысольский, Усть-Вымский районы) – от 5 до 14. Среди населенных пунктов по количеству проживавших там грузин выделяются Сыктывкар (75), Воркута (45), Ухта (34). В Инте и Северном насчитывалось по 14 грузин, Печоре, Вуктыле, Воргашоре и Черном Яре – по 8, Усинске и Визинге – по 6, Кажыме и Корткеросе – по 5. В Черном Яре, Корткеросе и Кажыме грузины являлись единственными представителями кавказских народов.

Самой малочисленной группой закавказских народов являлись абхазы. Перепись зафиксировала шестерых представителей этого народа. Все они жили в Сыктывкаре.

В табл. 2 на территории Республики Коми отмечены 1843 представителя 19 народов Северного Кавказа – лезгины, ногайцы, чеченцы, аварцы, даргинцы, осетины, табасараны, кумыки, кабардинцы, ингуши, лакцы, талыши, черкесы, рутульцы, адыгейцы, карачаевцы, абазыны, балкарцы, агулы, живших в 28 населенных пунктах, расположенных на территориях 14 муниципальных образований – главным образом, в ГО «Усинск» – 505 чел., МО ГО «Сыктывкар» – 397 чел, МО «Ухта» – 351, МО «Воркута» – 173, МО «Печора» – 103. В остальных муниципальных образованиях (МО «Инта», МО «Вуктыл», МР «Сосногорск», Усть-Вымский, Прилузский, Усть-Куломский, Княжпогостский, Удорский, Ижемский районы) насчитывалось от 6 до 76 представителей северокавказских народов. По населенным пунктам прослеживается такое распределение: больше всего представителей народов Северного Кавказа отмечено в Усинске (505), Сыктывкаре (397), Ухте (318), Воркуте (173). В 12 населенных пунктах насчитывалось от 14 до 76 представителей северокавказских народов, в 11 населенных пунктах – меньше 10 (от пяти до восьми). Абсолютное большинство (1384 чел., или 75,1 %) представителей северокавказских народов проживали в северной части Коми (в 22 населенных пунктах), а на юге – в шести населенных пунктах – чуть менее четверти (459 чел., или 24,9 %).

Наиболее многочисленны лезгины – 787 чел. в 11 муниципальных образованиях, 19 населенных пунктах. Основная масса лезгин (621 чел., или 78,9 %) проживала в северных районах республики. Больше всего их – в МО «Ухта» – 176 чел. (в том числе в г. Ухте – 162), МО ГО «Сыктывкар» – 127 чел., ГО «Усинск» – 105, МО «Воркута» – 98 чел. (все – в городах). В МР «Печора» – 69 лезгин (больше половины – в пос. Изъяю, несколько меньше – в Печоре, немного – в Кожве), Удорском районе – 61 (здесь

они относительно равномерно распределены между Усогорском, Вожским и Ёдвой), Княжпогостском районе – 60 (Синдор, Чиньяворык и Емва), МО «Инта» – 38 (все в Инте), Усть-Вымском районе – 32 (все в Микуне), МР «Сосногорск» – 14 (Сосногорск и Усть-Ухта), Усть-Куломском районе – 7 (все в Кебаньёле). В Ёдве, Усть-Ухте и Изъяю лезгины являлись единственными представителями кавказских народов.

Второе место по численности среди северокавказских народов занимали ногайцы – 220 чел., из них 97,7 % (215 чел.) жили в северной части республики, в том числе 95 % (209 чел.) в г. Усинске, а остальные – в г. Инте (6 чел.) и г. Сыктывкаре (5 чел.). Чеченцев в республике насчитывалось 154 чел. Две трети из них (102 чел., или 66,2 %) жили в северных городах – Усинске (62), Ухте (32) и Печоре (8), немногим менее трети (47 чел.) – в Сыктывкаре, и 5 чел. – в Жешарте.

В северной части Республики Коми размещалось также абсолютное большинство аварцев (78 %, 103 чел. из 132), даргинцев (71,2 %, 84 чел. из 118), кумыков (78,6 %, 44 чел. из 56), ингушей (83,8 %, 31 чел. из 37), кабардинцев (76,7 %, 23 чел. из 30), лакцев (76,7 %, 23 чел. из 30), рутульцев (72,7 %, 16 чел. из 22), все адыгейцы (11 чел., в Усинске и Ухте) и агулы (6 чел., в Ухте). Осетины² и табасараны размещались несколько более равномерно, хотя по большей части тоже жили на севере региона: 58,2 % осетин (53 чел. из 91) и 62,1 % табасаранов (41 чел. из 66). В Благоево и Лайково аварцы, а в Щельяуре – даргинцы являлись единственными представителями кавказских народов. Черкесы разделились пополам – по 14 чел. жили в северных и южных районах. А вот все талыши (26 чел.), карачаевцы (15 чел.), балкарцы (7 чел.) и абазыны (6 чел.) поселились в южной части республики: первые три этнические группы – в Сыктывкаре, абазыны – в Усть-Куломе. В Сыктывкаре переписью 2021 г. отмечены представители почти всех живущих в республике северокавказских народов, кроме адыгейцев, абазынов и агулов.

На севере аварцы занимали третье место по численности (их было на 1 чел. больше, чем чеченцев), после чеченцев шли даргинцы, осетины, кумыки, табасараны, ингуши, лакцы, кабардинцы, рутульцы, адыгейцы и агулы. В южных районах второе место после лезгин по численности занимали чеченцы, затем – осетины, даргинцы, аварцы, табасараны, талыши, карачаевцы, черкесы, кумыки, кабардинцы, лакцы и балкарцы, рутульцы и ингуши, а замыкали список ногайцы.

В условиях сформировавшегося многонационального населения республики следовало держать в поле зрения межэтнические контакты, развивать этнокультурные связи между различными группами жителей региона. Министерство национальной политики Республики Коми уделяло большое внимание работе с национально-культурными объединениями и землячествами. Во второй половине 1990-х гг. были приняты «Концепция

² Материалы переписи не позволяют судить, откуда прибыли в Коми осетины – из Северной или Южной Осетии, т. е. с Северного Кавказа или из Закавказья. Более вероятен их приход из Северной Осетии. Поэтому в настоящей статье мы рассматриваем всех осетин как представителей Северного Кавказа.

государственной национальной политики Республики Коми» и республиканский закон «О национально-культурной автономии» (далее – НКА), предусматривавшие, в частности, «равенство прав в культурном самоопределении всех национальностей независимо от их численности» [15, с. 109–111]. Аварской, лезгинской, чеченской, кабардино-балкарской НКА, осетинскому землячеству и другим национально-культурным объединениям республики отводилась важная роль в сохранении межнациональной гармонии, популяризации традиционной национальной культуры. Уместно процитировать высказывание Ш. С. Расулова, руководителя Национально-культурной автономии аварцев в г. Сыктывкаре: «В сравнении со многими другими регионами Дом дружбы Республики Коми абсолютно соответствует своему названию. Все мы тут живем очень дружно, ходим друг к другу в гости, все концерты и вечера открыты для всех. Не случайно же украинские стихи читают на арабском, лезгинку танцуют русские, а в еврейскую воскресную школу ходят коми дети. В Коми нет межнациональной напряженности даже на бытовом уровне» [16, с. 17].

Таким образом, в Республике Коми в 2021 г. проживали представители значительного числа народов Северного Кавказа и Закавказья. Большинство селилось в городах, поселках городского типа и муниципальных центрах. Значительная доля представителей кавказских народов размещалась в северных районах республики, однако наибольшая их концентрация наблюдалась в расположенном в южной части региона Сыктывкаре – столице республики, наиболее населенной, с наиболее развитой транспортной и социальной инфраструктурой. В заключение еще раз подчеркнем, что изучение этнического состава населения Республики Коми важно и с точки зрения воспроизводства населения, поскольку в силу ряда обстоятельств каждый народ имеет свой генетический код воспроизводства населения, создания семьи и воспитания будущих поколений.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Северный экономический район: проблемы, тенденции, перспективы развития. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 256 с.
2. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2015. – № 3. – С. 151–168.
3. Жеребцов, И. Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии / И. Л. Жеребцов // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. – С. 119–135.
4. Жеребцов, И. Л. Демография, труд, расселение населения в Республике Коми: историография середины XX – начала XXI вв. / И. Л. Жеребцов, И. Г. Назарова,

- Г. Н. Фаузер // Историческая демография. – 2019. – № 2 (24). – С. 58–62.
5. Фаузер, В. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 158–174
6. Zherebtsov, I. Central-Asian minorities in Russia in 21 century: Dynamics, structure and new areas for migration / I. Zherebtsov, E. Roznkin // Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy. – 16/2013. – Vol. 1–2. – P. 200–204.
7. Zherebtsov, I. Diasporas of the Muslim People in Russia: Dynamics, Structure and New Areas for Migration in the 20th – Beginning of the 21st Century (the Komi Republic as an Example) / I. Zherebtsov, E. Roznkin // Dynamics of Central Asia: Issues and Challenges. – New Delhi – Mumbai, 2017. – P. 67–76.
8. Жеребцов, И. Л. Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал–2001» в Республике Коми, отчеты 2001–2003 годов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2004. – С. 361–383.
9. Фаузер, В. В. Роль народов Кавказа в колонизации и освоении Республики Коми / В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов, И. О. Васкул [и др.] // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. – С. 246–254.
10. Жеребцов, И. Л. Кавказская компонента в динамике численности населения Европейского Севера и Республики Коми / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 98–106.
11. Подоплелов, В. П. Население Коми АССР / В. П. Подоплелов, В. В. Фаузер, Г. В. Загайнова. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1990. – 20 с.
12. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение / В. В. Фаузер. – Ижевск: ООО «Принт», 2023. – 308 с.
13. Фаузер, В. В. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты / В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. – 36 с.
14. Жеребцов, И. Л. Национальная политика и национально-культурные автономии народов Северного Кавказа в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. – С. 213–219.
15. Документы по истории Министерства национальной политики Республики Коми и межнациональных отношений в Республике Коми (конец XX – начало XXI веков) / сост.: Е. Н. Рожкин, М. В. Таскаев. – Сыктывкар, 2013. – 258 с.
16. Жеребцов, И. Л. Национальная политика и национально-культурные автономии народов Северного Кавказа

в Республике Коми в конце XX – начале XXI в.: материалы к XI Международному форуму историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 17–18 октября 2024 г.) / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер. – Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. – 32 с.

References

1. Severnii ekonomicheskii raion: problemy, tendencii, perspektivy razvitiya [The Northern Economic Region: problems, trends, and development prospects]. – St. Petersburg: Nauka, 1992. – 256 p.
2. Fauzer, V. V. Gosudarstvennoe upravlenie migratsiei naseleniya: it prinuzhdeniya k pooschreniyu [State management of population migration: from coercion to encouragement] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer // Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bull., Syktyvkar State University. – 2015. – No. 3. – P. 151–168.
3. Zherebtsov, I. L. Problemy dvizheniya naseleniya Komi kraia feodalnogo i kapitalisticheskogo periodov v dorevolucionnoi i sovetskoj istoriografii [Problems of population movement in the Komi Region during the Feudal and Capitalist Periods in Pre-Revolutionary and Soviet Historiography] / I. L. Zherebtsov // The Peasantry of the Komi Region (Pre-Soviet Period). – Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 1986. – P. 119–135.
4. Zherebtsov, I. L. Demografiya, trud, rasselenie naseleniya v Respublike Komi: istoriografiya serediny XX–nachala XXI vv. [Demography, labor, population distribution in the Komi Republic: historiography of the mid-XX – early XXI centuries] / I. L. Zherebtsov, I. G. Nazarova, G. N. Fauzer // Historical demography. – 2019. – No. 2 (24). – P. 58–62.
5. Fauzer, V. V. Naselenie Mirovoi Arktiki: rossiiskii i zarubezhnii podhody k izucheniyu demograficheskikh problem i zaseleniyu territorii [Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to the study of demographic problems and settlement of territories] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, A. V. Smirnov // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2020. – Vol. 13. – No. 3. – P. 158–174.
6. Zherebtsov, I. Central-Asian minorities in Russia in the 21st century: Dynamics, structure and new areas for migration / I. Zherebtsov, E. Roznkin // Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy. – 16/2013. – Vol. 1–2. – P. 200–204.
7. Zherebtsov, I. Diasporas of the Muslim People in Russia: Dynamics, Structure and New Areas for Migration in the 20th – Beginning of the 21st Century (the Komi Republic as an example) / I. Zherebtsov, E. Roznkin // Dynamics of Central Asia: Issues and Challenges. – New Delhi – Mumbai, 2017. – P. 67–76.
8. Zherebtsov, I. L. Upravlenie socialno-demograficheskimi i etnicheskimi processami v nacionalnom regione (na primere Respubliki Komi XV–XX vv.) [Management of socio-demographic and ethnic processes in the national region (case study of the Komi Republic in the XV–XX centuries)] / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer // Russian Foundation for Basic Research. Regional competition «Ural-2001» in the Komi Republic, reports for 2001–2003. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2004. – P. 361–383.
9. Fauzer, V. V. Rol' narodov Kavkaza v kolonizatsii i osvoenii Respubliki Komi [The role of the peoples of the Caucasus in the colonization and development of the Komi Republic] / V. V. Fauzer, I. L. Zherebtsov, I. O. Vaskul, G. N. Fauzer // The peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries: history, politics, culture. – Rostov-on-Don: Southern Science Centre, RAS, Publishing House, 2023. – P. 246–254.
10. Zherebtsov, I. L. Kavkazskaya komponenta v dinamike chislennosti naseleniya Evropeiskogo Severa i Respubliki Komi [Caucasian component in the population dynamics of the European North and the Komi Republic] / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «Historical Demography». – 2023. – No. 8 (66). – P. 98–106.
11. Podoplelov, V. P. Naselenie Kom i ASSR [Population of the Komi ASSR] / V. P. Podoplelov, V. V. Fauzer, G. V. Zagainova. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1990. – 20 p.
12. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the Century: demography, migration, settlement] / V. V. Fauzer. – Izhevsk: «Print» LLC, 2023. – 308 p.
13. Fauzer, V. V. Kolonizatsiya Respubliki Komi: rol' etnicheskoi komponenty [Colonization of the Komi Republic: the role of the ethnic component] / V. V. Fauzer, I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2023. – 36 p.
14. Zherebtsov, I. L. Nacionalnaya politika i nacionalno-kulturnie avtonomii narodov Severnogo Kavkaza v Respublike Komi v konce XX–nachale XXI v. [National policy and national-cultural autonomies of the peoples of the North Caucasus in the Komi Republic in the late XX–early XXI century] / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer // The peoples of the Caucasus in the XVIII – XXI centuries: history, politics, culture. – Rostov-on-Don: Southern Science Centre, RAS, Publishing House, 2024. – P. 213–219.
15. Dokumenty po istorii Ministerstva nacionalnoi politiki Respubliki Komi i mezhdunarodnykh otnoshenii v Respublike Komi (konec XX–nachalo XXI vekov) [Documents on the history of the Ministry of National Policy of the Komi Republic and interethnic relations in the Komi Republic (late XX – early XXI centuries)] / Comp. E. N. Rozhkin, M. V. Taskaev. – Syktyvkar, 2013. – 258 p.
16. Zherebtsov, I. L. Nacionalnaya politika i nacionalno-kulturnie avtonomii narodov Severnogo Kavkaza v Respublike Komi v konce XX–nachale XXI v. [National policy and national-cultural autonomies of the peoples of the North Caucasus in the Komi Republic in the late XX – early XXI centuries]. Materials for the XI International Forum of Historians-Caucasians (Rostov-on-Don, October 17–18, 2024) / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2024. – 32 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Авторы выражают благодарность к.э.н. А. В. Смирнову за помощь при подготовке статистических данных для разработки аналитических таблиц к данной статье.

Acknowledgements (state task).

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

The authors express their gratitude to A.V. Smirnov, Cand. Sci. (Economy), for assistance in preparing statistical data for the development of analytical tables for this paper.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

Author:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Viktor V. Fauzer – Dr. Sci. (Economics), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, <https://vvfauzer.ru/>).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Всероссийская перепись населения 2021 года о расселении народов Кавказа на территории Республики Коми / И. Л. Жеребцов, В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 60–70.

For citation:

Zherebtsov, I. L. 2021 All-Russian Population Census on the settling of the peoples of the Caucasus in the Komi Republic / I. L. Zherebtsov, V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 60–70.

Дата поступления статьи: 02.12.2024

Прошла рецензирование: 05.12.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 02.12.2024

Reviewed: 05.12.2024

Accepted: 12.12.2024

Социально-демографический портрет и особенности российских релокантов 2022–2024 годов (опыт пилотного социологического опроса)

Д. Д. Челпанова

ФИЦ Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
chelpanova@ssc-ras.ru

Аннотация

В статье представлены результаты пилотного социологического онлайн-опроса российских релокантов, который был проведен в феврале–марте 2024 г. В опросе приняло участие 98 российских релокантов, проживающих в разных странах. Опрос осуществлялся методом снежного кома через средства массовой информации, WhatsApp, Telegram, электронную почту. Предметом изучения был сравнительный анализ социодемографических характеристик и установок российских релокантов, полученных в ходе нашего исследования, в сопоставлении с другими социологическими опросами. В ходе работы авторы использовали результаты ранее проводимых социологических исследований, изучающих российских релокантов, – проекты «OUTRUSH», «Russian Field», выпуск «СоциоДиггер» (ВЦИОМ), а также опубликованные работы ученых. Российские релоканты, уехавшие из страны после начала проведения специальной военной операции, выступили объектом исследования. В статье под релокантами понимаются люди, переехавшие в другую страну, изменившие свою локацию, место проживания. Актуальность данного исследования обусловлена активизацией миграционной активности россиян трудоспособного возраста после начала проведения специальной военной операции. В условиях роста демографического дефицита исход молодых людей может негативно сказаться на социально-экономической и социокультурной динамике страны.

Ключевые слова:

российские релоканты, релокация, российская эмиграция, российский релокант, Армения, Грузия, Казахстан

Начало проведения специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г. заметно активизировало миграционную активность россиян. В течение этого года страну, по различным расчетным оценкам, покинуло несколько сотен тысяч российских граждан. Данные специалистов варьируют в очень широком диапазоне (0,5–2 млн чел.). Но следует учитывать, что речь идет о непрерывно пульсирующей демографической группе, не

Socio-demographic portrait and characteristics of Russian relocators 2022–2024 (experience of a pilot sociological survey)

D. D. Chelpanova

Federal Research Center Southern Science Center, RAS,
Rostov-on-Don
chelpanova@ssc-ras.ru

Abstract

The paper presents the results of a pilot online sociological survey of Russian relocators, which was conducted in February–March 2024. The survey involved 98 Russian relocators living in different countries. The survey was conducted using the snowball method through the media, WhatsApp, Telegram, and e-mail. The subject of the study was a comparative analysis of the sociodemographic characteristics and attitudes of Russian relocators obtained during our study in comparison with other sociological surveys. In the course of the work, the results of sociological surveys of other studies involving Russian relocators were used – the projects “OUTRUSH”, “Russian Field”, the issue of “SocioDigger” (VCIOM), published works of scientists. Russian relocators who left Russia after the start of the special military operation were the object of the study. In the paper, relocators are people who have moved to another country, changed their location, place of residence. The relevance of the study is due to the intensification of migration activity of the Russians of working age after the start of the SMO. Given the growing demographic deficit, the exodus of young people can negatively affect the socio-economic and socio-cultural dynamics of the country.

Keywords:

Russian relocators, relocation, Russian emigration, Russian relocater, Armenia, Georgia, Kazakhstan

позволяющей зафиксировать ее точные размеры или детальную географию. Что, однако, не исключает возможности исследования ее значимых социодемографических характеристик.

Наше исследование представляет не только теоретический интерес, но и является практически актуальным по ряду причин. В условиях демографического дефицита потеря 0,5–0,7 % человеческих и трудовых ресурсов – это

фактор, способный негативно сказаться на социально-экономической и социокультурной динамике страны.

Самостоятельный интерес представляет и анализ установок данной группы россиян, позволяющий оценить устойчивость их современной локации, а следовательно, способность к комплексной интеграции в принявшие их общества. Следует принять во внимание и этнонациональную структуру эмиграции последних лет, в которой, как и среди всего населения России, абсолютное большинство составляли русские. Таким образом, появление в ряде стран ближнего зарубежья значительных групп релокантов в потенциале способно более или менее существенно демографически пополнить местные русские общины, а параллельно трансформировать их центральные расселенческие и социодемографические характеристики.

Однако социологическое исследование релокантов сталкивается с рядом сложностей. Речь идет о нежелании выехавших в 2022–2024 гг. контактировать с российскими научными структурами. Так, у социологов, представляющих западные исследовательские центры, доля «отказников» во время опросов превышает 90 %. Данное обстоятельство затрудняет получение объемной выборки респондентов и отражается на полученных результатах.

В этой связи имеет смысл использовать сведения ряда социологических исследований, сравнительный анализ которых позволяет сократить возможные погрешности. Мы воспользовались вышеупомянутым способом, дополнив результаты собственного пилотного исследования социодемографических характеристик российских релокантов данными опросов, проведенных другими группами специалистов.

Использовались материалы исследовательских проектов «OUTRUSH» [1], «Russian Field» [2], выпуска «Социодиггер» (ВЦИОМ) [3], посвященных российской эмиграции 2022 г. За последние два года в научной литературе появилось множество публикаций, анализирующих российскую эмиграцию последней волны [4–14].

Оговорим, что в фокусе нашего исследования находились группы российских релокантов, локализованных на Южном Кавказе, прежде всего в Армении и Грузии. Два этих государства вместе с Казахстаном приняли в 2022–2023 гг. максимальное число выехавших из России (в общей сложности порядка 300–400 тыс. чел.) [15, 16].

Но если для такой крупной страны, как Казахстан, появление 140–150 тыс. россиян стало просто дополнительным фактором социально-экономической динамики, то для небольших Армении и Грузии десятки тысяч приезжих оформились в качестве едва ли не центрального драйвера национальных экономик в 2022–2023 гг. Следует учесть и то, что численность релокантов в разы превзошла размеры русских общин Грузии и Армении, самым существенным образом повысив (по крайней мере в столицах) уровень присутствия русских в местной социокультурной среде. Что актуализирует вопрос о возможных перспективах данной группы мигрантов как одного из факторов дальнейшей динамики русского населения Южного Кавказа.

Материалы и методы

В пилотном социологическом опросе, проводившемся с 26 февраля по 13 марта 2024 г., приняло участие 98 чел. Анкетирование проводили методом снежного кома, распространяли в виде онлайн-ссылки (переход по которой давал возможность респонденту ответить на раскрывающийся список вопросов, в среднем на заполнение анкеты у респондента уходило не более 5 мин.) через средства массовой информации (далее – СМИ), WhatsApp, Telegram, электронную почту. Попытки расширить охват целевой аудитории за счет привлечения СМИ, телеграм-каналов (далее – ТГ-канал) разнообразных сообществ («Россияне в Армении», «Россияне в Баку», «Русские в Азербайджане», «Казахстан/Жизнь в эмиграции» и т. д. и т. п.) результата не дали – никто не переходил по ссылке для заполнения анкеты. Безрезультатными оказались и прямые обращения к кураторам ТГ-канала «Ковчег» об оказании содействия в проведении опроса и размещении на их многочисленных каналах в Telegram ссылки на анкету. «Ковчег»¹ – проект помощи российским эмигрантам, поддерживающий антивоенное движение россиян и выступающий против СВО. Организация была создана в 2022 г. после начала СВО в рамках «Антивоенного комитета России» при участии антироссийских деятелей М. Ходорковского, Д. Гудкова, М. Гельмана, Е. Чичваркина, Г. Каспарова, В. Шендеровича, В. Кара-Мурзы. Основатель проекта – российский юрист и правозащитница А. Буракова [17].

Результаты и их обсуждение

Исследование обнаружило у российских релокантов ближнего зарубежья высокий уровень недоверия к институтам, которые интересуются ими и подтвердило уже зафиксированную социологами общую тенденцию, согласно которой, россияне после начала СВО стали все чаще отказываться от участия в опросах (в феврале 2022 г. – 87 %, в декабре 2022 г. – 92,5 % [18]).

Тем не менее полученные результаты позволяют сформировать самое общее представление о социодемографических характеристиках российских релокантов, которое может быть сопоставлено с данными других специалистов, изучавших эту социальную группу.

1. В разведывательном опросе приняло участие 98 чел., из которых 53 % – мужчины, 47 % – женщины. Согласно исследованию, российские релоканты – это преимущественно молодые люди (49 % в возрасте от 31 до 39 лет), по национальности русские (86 %), с высшим образованием (78 %), в том числе с ученой степенью (8 %), до переезда проживающие в городах-миллионниках (37 %) и Москве (31 %), выехавшие весной-летом 2022 г. (35 %), сентябре-декабре 2022 г. (37 %). Большинство арендуют жилье (74 %) либо имеют недвижимость в своей собственности (18 %). Больше половины опрошенных проживают с семьей (54 %), близким человеком (27 %) либо одни (14 %), не имея несовершеннолетних детей (65 %). Основными причинами

¹ Минюст признал иноагентом.

переезда из России (можно было выбрать несколько вариантов ответа): перестали чувствовать свободу и безопасность в России (65 %), несогласие с принципами ведения внешней политики Россией, включая СВО (64 %), из-за частичной мобилизации, которая могла коснуться меня или членов моей семьи (35 %). Большинство респондентов переехали из России в Армению (27 %) и Грузию (16 %), в которых продолжают проживать (в Армении – 25 %, Грузии – 14 %). В основном релоканты выбирают столичную жизнь (47 %) или проживают в другом крупном городе страны пребывания (33 %).

Наши результаты хорошо коррелируют с данными, полученными другими группами социологов. Согласно опросу, российские релоканты – это молодые горожане от 20 до 40 лет, имеющие высшее образование (80 %), до отъезда проживающие в городах-миллионниках, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге [19]. Результаты других исследований российских релокантов Армении и Грузии также совпадают со сведениями нашего соцопроса: релоканты – это молодые люди (86 % родились в 1980–1990-х гг.), при этом 51 % – это женщины, 47 % – мужчины, 2 % – выбрали вариант «Другое»; экономически активные люди с высшим образованием (78,1 %), в том числе с ученой степенью (3,7 %), имеющие постоянного партнера (70 %); без несовершеннолетних детей (82 %). Почти половина релокантов до переезда проживали в Москве и Санкт-Петербурге [20].

Те, кто вернулся в Россию, мотивировали свой переезд за границу иррациональным чувством тревожности, небезопасности, дискомфорта, которые они испытывали в России. Решение о переезде было определено внешними обстоятельствами, социальной напряженностью, присутствием ощущения массовой эмиграции, которое поддерживалось СМИ и социальными сетями [21]. По данным другого исследования, большинство релокантов, например Армении и Грузии, назвали свой отъезд спонтанным (86 %), накануне которого чувствовали себя особо тревожно (80), ощутив себя более спокойнее после переезда (79 %) [20].

В целом информанты не называли свой опыт «эмиграцией» или «релокацией», используя такие слова, как «переезд», «перезимовать» [21].

2. По результатам нашего исследования выяснилось, что до отъезда из России релоканты в основном работали (предлагалось несколько вариантов ответа) в найме (67 %), во фрилансе (27) либо имели свой собственный бизнес (25 %). Респонденты были заняты до отъезда из России (можно было выбрать несколько вариантов ответа) в основном в IT (27 %), сфере офисной работы (администрирование, менеджмент, консалтинг, управление персоналом – 16), науки, образовании (18), розничной торговле (14), маркетинга, рекламы, дизайна (12 %).

Полученные нами вышеприведенные данные частично коррелируют с результатами других исследований, согласно которым российские релоканты в основном до отъезда имели какую-либо занятость (94 %): в российских коммерческих компаниях (37), занимались фрилансом, самозанятостью (30), работали в международном бизнесе (24), имели собственное дело (13) (при ответе можно было выбрать несколько вариантов). Сферы занятости

релокантов были связаны с IT-индустрией – 46 %, офисной работой (администрирование, менеджмент, консалтинг, управление персоналом) – 17 %, искусством и культурой – 15 %, наукой, образованием – 14 %, журналистикой – 8 % (при ответе можно было выбрать несколько вариантов) [19].

По результатам нашего опроса выявилась отличительная особенность наших респондентов, которые при ответе на вопрос о сфере занятости до отъезда часто выбирали розничную торговлю (14 %), маркетинг, рекламу, дизайн (12 %). Тогда как данные, полученные в рамках других исследований, чаще выявляли занятость релокантов в сфере искусства и культуры (15 %), журналистики (8 %) [там же].

Согласно результатам нашего соцопроса, в настоящее время респонденты преимущественно не работают (22 %) или работают в IT-индустрии (22), в сфере науки, образования (16), маркетинга, рекламы, дизайна (12 %). Тогда как результаты исследований российских релокантов Армении и Грузии выявили, что в основном респонденты работают в сфере IT (46 %), арт-индустрии (14) и сервисной сфере (маркетинг, консалтинг, PR и право) (8 %) [20].

Большинство россиян (50 %) в течение первых месяцев, находясь за рубежом, сохраняли свои рабочие места в России, перейдя на дистанционный формат работы [19]. Спустя полгода после переезда за границу российские мигранты перешли на работу в местные и международные компании, занялись фрилансом или начали собственное дело [22].

По результатам нашего соцопроса, большинство респондентов до выезда из России могли себе позволить купить дорогую бытовую технику (43 %), автомобиль (14), остальным – хватало только на продукты питания и одежду (14), не хватало на покупку бытовой техники (14 %). В настоящее время незначительно снизилась доля релокантов, которые могут себе позволить покупку дорогой бытовой техники (39 %), увеличилась доля респондентов, которым не хватает денег для покупки бытовой техники (16), остались без изменений доли тех, кто может себе позволить покупку автомобиля (14) и тех, кому хватает денег только на продукты питания и одежду (14 %). Полученные результаты подтверждаются данными других исследований. Релоканты в основном до отъезда были заняты в сфере интеллектуального труда, предпринимательства, половина из которых была руководителями среднего звена. В материальном плане эти люди могли себе позволить купить дорогую технику (46 %), а некоторые – автомобиль (28 %) [19]. Экономическое положение российских мигрантов за полгода пребывания за границей в целом ухудшилось. Доходы большинства сократились. Каждый второй респондент, не имевший до переезда проблем с покупкой крупной бытовой техники, спустя полгода стал испытывать затруднения не только в приобретении техники, но и одежды. Среди релокантов увеличилась доля безработных [22].

3. Большинство релокантов (89 %) говорят по-английски, при этом, по их мнению, владеют средним уровнем знания английского языка (47), продвинутым – (22), элементарным (20 %). Большинство респондентов считают, что владеют начальным уровнем знания государственно-

го языка страны пребывания (30 %), элементарным (18 %). В ближайшее время респонденты собираются освоить (можно было выбрать несколько вариантов ответа) местный язык страны пребывания (55 %), английский язык (45), блоггерство/SMM/рекламу (20), рукоделие/ремесло/искусство (18 %).

С приведенными выше данными коррелируют результаты опроса российских релокантов, который проводился в марте 2022 г., согласно ему 93 % опрошенных отметили, что владеют английским языком, 21 % говорят на других языках, 5 % – на языке страны пребывания [19]. Согласно другому исследованию, проведенному в сентябре 2022 г., 48 % опрошенных уже учили местный язык, что свидетельствует о намерении остаться в стране пребывания надолго. В марте 2022 г. 60 % опрошенных выразили намерение учить местный язык [22]. Готовности изучать местный язык изъявили 60 % опрошенных (можно было выбрать несколько вариантов ответа), навыки программирования/анализа данных – 55, английский язык – 41, блоггерство/SMM/рекламу – 27, любые навыки, позволяющие прожить (рабочая профессия, физический труд) – 26, рукоделие/ремесла/искусство – 23 % [19].

Согласно нашему опросу, доля опрошенных, знающих (начальный и элементарный уровни) местный язык принимающей страны, возрос с 5 % (опрос марта 2022 г.) [там же] до 48 %.

4. Релоканты довольно часто (31 %) контактируют с местным русским населением страны пребывания, постоянно 27 % респондентов, время от времени – 25 %. Участники опроса постоянно (37 %) либо довольно часто (35) контактируют с титульным населением страны пребывания, при этом никогда (71) не сталкивались с фактами дискриминации по отношению к себе со стороны титульного населения страны пребывания, однако 22 % респондентов ответили, что сталкивались редко. Большинство релокантов никогда (71 %) не сталкивались с фактами дискриминации по отношению к себе со стороны государственных структур страны пребывания, 18 % респондентов ответили, что сталкивались редко.

Наши результаты совпадают с данными других исследований: 58 % респондентов в течение летнего периода 2022 г. проводили большую часть или все время с другими эмигрантами из России [22], уровень доверия к которым немного возрос (в марте 2022 г. – 50 %, в сентябре 2022 г. – 57 %), при этом довольно часто общались с местными жителями – каждый третий отметил (около 33 %), что проводил с ними большую часть своего времени или даже почти все время [там же]. По результатам нашего исследования доля российских релокантов, постоянно или довольно часто контактирующая с местными жителями, увеличилась до 72 %, что свидетельствует о стремлении интегрироваться в принимающую среду на длительный срок. По результатам другого опроса, уровень доверия российских релокантов к местным жителям сохраняется на достаточно высоком уровне (в марте 2022 г. – 82 %, в сентябре 2022 – 81 %) [22], кроме того 74 % российских релокантов не встречались с дискриминацией по отношению к себе [19], что соответствует результатам нашего исследования.

5. Согласно проведенному исследованию, большинство респондентов имеют разрешение на временное проживание (далее – РВП) – 33 % либо вид на жительство (далее – ВНЖ) – 33 %, не имеют РВП/ВНЖ – 20 %. Каждый третий респондент посещал Россию несколько раз за время эмиграции (33 %), однократно (18 %), не посещал и не собирается (29 %). Более половины российских релокантов на вопрос: «Если Вы уже вернулись в Россию, то что стало причиной», – (можно было выбрать несколько вариантов ответа) ответили, что они не собираются возвращаться в Россию (65 %), нужно разобраться с делами в России (квартира, документы и т. д.) (14), очень скучали по России (10 %). Приведенные результаты несколько отличаются от данных других исследований, согласно которым, около 16 % российских мигрантов, выехавших в первые месяцы после 24 февраля 2022 г., вернулись в Россию до сентября 2022 г. Основными причинами возвращения (при ответе можно было выбрать несколько вариантов) они назвали: завершение дел (разобраться с квартирой, документами и т. д.) – 66 %, не понравилось в новой стране – 26, закончились деньги – 23, опасения по поводу развития событий в России не оправдались – 21, невозможно найти хорошую работу – 20, очень скучал(а) по России – 17, языковой барьер – 6 % [22]. Согласно другим исследованиям, причины возвращения в Россию были связаны с чувством изолированности, одиночества в стране пребывания, отсутствием нового социального окружения, сложностями с адаптацией в новой среде. Во время проживания за границей респонденты стали ощущать значимость связи с Россией, городом, в котором жили до отъезда, своей русской самоидентификацией. Кроме того, информантам не хватало русского менталитета, культуры, прежнего уровня комфорта и уровня жизни в целом [21].

Согласно проведенному исследованию, большинство релокантов планируют остаться за границей на долгое время (47 %), пока не определились (22), собираются переехать в другую страну (14 %). Приведенные данные частично коррелируют с результатами другого опроса: практически половина респондентов (43 %) в ближайшее время собирались остаться в стране пребывания, планировали переезд в другую страну (18), не определились с планами и ждут развития ситуации (35 %) [19].

Самыми распространенными направлениями эмиграции россиян в течение 2022 г. были в основном бывшие советские республики, что связано с безвизовым режимом, комфортной языковой средой, относительно недорогой жизнью в стране пребывания [14], транспортной доступностью, наличием сухопутной границы с Россией или прямых авиарейсов, терпимостью к иностранцам [10, 21]: Армения [13, 20], Казахстан [14], Грузия [20], Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Монголия [11]. Некоторые из этих стран были транзитными [16; 20] и не рассматривались в качестве конечного пункта миграции [11], через них часть граждан Российской Федерации мигрировала в Сербию, Турцию, страны ЕС, Израиль, Черногорию, США, Аргентину, Таиланд [11].

В течение 2022 г. в два этапа часть россиян покинули свою страну. Первый период связан с началом ведения

боевых действий 24 февраля 2022 г., второй – с началом частичной мобилизации в российскую армию 21 сентября 2022 г. В результате за первые несколько месяцев после 24 февраля 2022 г. Россию покинуло 200–300 тыс. россиян [16, 23], преимущественно направляясь в Армению – 80 тыс., в Грузию – 25–30 тыс. чел. [23].

Вторая волна эмиграции произошла после объявления частичной мобилизации, по разным оценкам, из России уехало 500 тыс. – 1 млн чел. [16, 24–26], по 150–200 тыс. из них отправились в Казахстан [16, 26] и Сербию [16], Армению [27], Грузию, Монголию [11], ОАЭ, Турцию и другие страны.

Выводы

В результате проведенного соцопроса выяснилось, что российские релоканты преимущественно молодые люди с высшим образованием, русские по национальности, проживающие до переезда в городах-миллионниках. В настоящее время проживают за границей с семьей или близким человеком. Свой переезд за границу мотивируют отсутствием чувства свободы и безопасности в России, несогласием с принципами ведения внешней политики Россией, включая СВО, а также проведением частичной мобилизации, которая могла коснуться их лично либо членов семьи. До переезда за границу российские релоканты находились в более стабильном положении – работали в найме, во фрилансе, имели свое дело. Были заняты в IT, офисной работой, в сфере науки и образования. В настоящее время уровень материального положения уехавших несколько снизился, большинство из них не работают, либо заняты в IT, сфере науки и образования, маркетинга, дизайна, рекламы. Большинство опрошенных знают местный (начальный и элементарный уровни) и английский языки, другие собираются освоить их в ближайшее время. Кроме того, многие контактируют с местным населением, имеют РВП, ВНЖ и не собираются возвращаться обратно в Россию. Приведенные данные свидетельствуют о стремлении российских релокантов интегрироваться в принимающую страну на длительный срок. В общей сложности, за 2022 г. Россию покинуло, по разным оценкам, от 500 тыс. до 2 млн российских граждан. В основном эмиграционные потоки направились в сторону бывших советских республик в Армению, Грузию, Казахстан либо они были использованы в качестве транзитных стран. Половина из уехавших за границу уже вернулась, по разным оценкам, в указанные страны выехало порядка 300–400 тыс. чел.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Исследовательский проект «OUTRUSH». – URL: <https://outrush.io/> (дата обращения: 28.06.2024).
2. Исследовательский проект «Russian Field». – URL: <https://russianfield.com/> (дата обращения: 28.06.2024).
3. СоциоДиггер. – 2023. – Март–апрель. – Том 4. – Выпуск 3–4(25): Они уехали. Новая волна российской эмиграции. – URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (дата обращения: 28.06.2024).
4. Катульский, Е. Д. Человеческий капитал в IT-индустрии, экономическая безопасность и технологический суверенитет / Е. Д. Катульский, А. А. Иванов // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 3. – С. 130–137.
5. Пустарнакова, А. А. Трансформация образа русского мигранта в грузинских СМИ под влиянием социально-политических условий / А. А. Пустарнакова, А. М. Ситникова, Н. А. Трибунская // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 6. – С. 32–36.
6. Чернышова, Л. Мигранты, туристы, релоканты или оккупанты? Эссе о россиянах в Тбилиси, поломанном гостеприимстве и праве на город / Л. Чернышова // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2023. – № 3. – С. 46–71.
7. Хапсаева, Д. В. «Верхний Ларс» в сетевых медиа: механизм формирования социальной солидарности и самоорганизации / Д. В. Хапсаева // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6. – С. 85–91.
8. Климов, С. Н. К вопросу о противоречиях миграционных потоков в контексте СВО / С. Н. Климов, А. Н. Сетин // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2024. – № 1. – С. 74–79.
9. Королькова, М. В. Релокация или эмиграция: особенности процесса в 2022 г. / М. В. Королькова // Актуальные научные исследования: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Т. Ч. 2. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». – 2023. – С. 195–197.
10. Рязанцев, С. В. Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран / С. В. Рязанцев, Н. С. Рязанцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 116–126.
11. Ардалянова, А. Ю. Релоканты из России в Монголии: анализ российских и монгольских медиа / А. Ю. Ардалянова // Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития: сборник научных статей по итогам международного научного семинара (3–5 мая 2023 года) / отв. редакторы: А. В. Винокурова, О. Мунхбат. – Санкт-Петербург : ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2023. – С. 9–16.
12. Лебедева, О. Н. IT-релоканты: социальный портрет и модели поведения / О. Н. Лебедева // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. редакторы: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочков. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 282–284.
13. Атанесян, А. В. «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении / А. В. Атанесян // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 112–122.
14. Ногмов, А. М. Геополитические аспекты межэтнических отношений в Казахстане на современном этапе // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 4. – С. 73–86.

15. Zavadskaya M. The war-induced exodus from Russia. A security problem or a convenient political bogey? // Finnish institute of international affairs. Briefing Paper. March 2023. № 358. – URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2023/03/bp358_margarita_war-induced-exodus-from-russia.pdf (дата обращения: 28.06.2024).
16. Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine // The Economist. August 23rd 2023. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine> (дата обращения: 28.06.2024).
17. Проект «Ковчег». – URL: <https://kovcheg.live/> (дата обращения: 28.06.2024).
18. Отказы: кризис или новая реальность социологии? // Исследовательский проект «Russian Field». – URL: <https://russianfield.com/otkazneprigovor> (дата обращения: 28.06.2024).
19. Большой исход: портрет новых мигрантов из России. Отчет по результатам опроса российских мигрантов. Март 2022 // Исследовательский проект «OUTRUSH». – URL: <https://outrush.io/> (дата обращения: 28.06.2024).
20. «Мы до обеда уже знали, что уедем». Портрет Российской эмиграции-2022 на примере оказавшихся в Армении и Грузии // Republic. – URL: <https://besperspektivnyak.ablov.ru/2022/08/republic-2022.html> (дата обращения: 28.06.2024).
21. Королькова, М. Реэмиграция в 2022 году // Социодиггер. 2023. Март-апрель. Том 4. Выпуск 3–4(25). С. 31–34. – URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (дата обращения: 28.06.2024).
22. Камалов, Э. Полгода в эмиграции: как изменилась жизнь новых российских эмигрантов. 2022 / Э. Камалов, И. Сергеева, М. Завадская [и др.] // Исследовательский проект «OUTRUSH». – URL: <https://outrush.io/> (дата обращения: 28.06.2024).
23. Гулина, О. Миграция наоборот: как сегодняшняя Россия становятся поставщиком мигрантов в страны Евразии // Региональная платформа CABAR.asia (Центральноазиатское бюро аналитической отчетности) медиа организации IWPR в Центральной Азии (Институт по освещению войны и мира). – URL: https://cabar.asia/ru/migratsiya-naoborot-kak-segodnyashnyaya-rossiya-stanovyatsya-stranoj-postavshhikom-migrantov-v-strany-evrazii?fbclid=IwAR1Dd351Fust52zTVzdRPqFS0ZvJd3enmHRpsMngQeK1GJpp-tAWKo_h0F4#_ftn1 (дата обращения: 28.06.2024).
24. Forbes: после объявления мобилизации Россию покинули примерно 700 тыс. человек // Коммерсант. 04.10.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594533> (дата обращения: 28.06.2024).
25. Пахалюк К. А. Глобальные россияне выходят на транснациональную арену / К. А. Пахалюк // Социодиггер. 2023. Март-апрель. Том 4. Выпуск 3–4(25). – С. 4–13. – URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (дата обращения: 28.06.2024).
26. МВД Казахстана сообщило о 200 тыс. прибывших россиян с начала мобилизации // Коммерсант. 04.10.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594283> (дата обращения: 28.06.2024).
27. Ваган Кербоян: «Россия и Армения отказались от расчетов в долларах и евро» // Ведомости. 16 марта 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2023/03/16/966716-rossiya-i-armeniya-otkazalis-ot-raschetov-v-dollarah-i-evro> (дата обращения: 28.06.2024).

References

1. Issledovatel'skij proekt «OUTRUSH» [Research project «OUTRUSH»]. – URL: <https://outrush.io/> (accessed: 28.06.2024).
2. Issledovatel'skij proekt «Russian Field» [Research project «Russian Field»]. – URL: <https://russianfield.com/> (accessed: 28.06.2024).
3. SocioDigger. – 2023. – March–April. – Vol. 4. – Issue 3–4(25): Oni uexali. Novaya volna rossijskoj è migracii [They left. A new wave of Russian emigration]. – URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (accessed: 28.06.2024).
4. Katul'sky, E. D. Chelovecheskij kapital v IT-industrii, ekonomicheskaya bezopasnosti texnologicheskij suverenitet [Human capital in the IT industry, economic security and technological sovereignty] / E. D. Katul'sky, A. A. Ivanov // Socialno-trudovye issledovaniya [Socio-labor research]. – 2023. – No. 3. – P. 130–137.
5. Pustarnakova, A. A. Transformaciya obraza russkogo migranta v gruzinskix SMI pod vliyaniem socialno-politicheskix uslovij [Transformation of the image of a Russian migrant in the Georgian media under the influence of socio-political conditions] / A. A. Pustarnakova, A. M. Sitnikova, N. A. Tribunskaya // Socialno-gumanitarnye znaniya [Socio-humanitarian knowledge]. – 2023. – No. 6. – P. 32–36.
6. Chernyshova, L. Migranty, turisty, relokanty ili okkupanty? Esse o rossiyanah v Tbilisi, polomannom gostepriimstve i prave na gorod [Migrants, tourists, relocators or occupiers? Essays on the Russians in Tbilisi, broken hospitality and the right to the city] / L. Chernyshova // Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovanij [Laboratory. J. of Social Research]. – 2023. – No. 3. – P. 46–71.
7. Khapsaeva, D. V. «Verhnyj Lars» v setevykh media: mehanizm formirovaniya socialnoj solidarnosti i samoorganizacii [“Upper Lars” in network media: the mechanism of formation of social solidarity and self-organization] / D. V. Khapsaeva // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. – 2023. – No. 6. – P. 85–91.
8. Klimov, S. N. K voprosu o protivorechiyah migracionnyh potokov v kontekste SVO [On the issue of contradictions of migration flows in the context of SMO] / S. N. Klimov, A. N. Setin // Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov [Economic and humanitarian studies of regions]. – 2024. – No. 1. – P. 74–79.

9. Korol'kova, M. V. Relokaciya ili emigraciya: osobennosti processa v 2022 g. [Relocation or emigration: features of the process in 2022] / M. V. Korol'kova // Aktualnye nauchnye issledovaniya: sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual scientific research: collection of papers of the XIII Intern. Sci. Pract. Conf.]: in 2 parts. – Vol. Part. 2. – Penza: International Center for Scientific Cooperation "Science and Education". – 2023. – P. 195–197.
10. Ryazantsev, S. V. Migraciya «cifrovih kochevnikov»: globalnye trendy i pozicii stran [Migration of "digital nomads": global trends and positions of countries] / S. V. Ryazantsev, N. S. Ryazantsev // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. – 2024. – Vol. 68. – No. 2. – P. 116–126.
11. Ardalyanova, A. Yu. Relokanty iz Rossii v Mongolii: analiz rossijskih i mongolskih media [Relocants from Russia to Mongolia: an analysis of Russian and Mongolian media] / A. Yu. Ardalyanova // Socialnye processy v Severo-Vostochnoj Azii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya: sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo seminar [Social processes in Northeast Asia: current state and development trends: collection of scientific papers on the results of the Intern. Sci. Seminar] (May 3–5, 2023) / Eds: A.V. Vinokurova, O. Munkhbat. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies Asterion, LLC, – 2023. – P. 9–16.
12. Lebedeva, O. N. IT-relokanty: socialnyj portret i modeli povedeniya [IT-relocants: social portrait and behavioral models] / O. N. Lebedeva // Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya [Russian society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Sci. Conf. XVII Kovalev Readings] (November 16–18, 2023) / Eds: N. G. Skvortsov, Yu. V. Asochakov. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 282–284.
13. Atanesyan, A. V. «Russkie relokanty» v vospriyatii molodezhi Armenii ["Russian relocants" in the perception of the youth of Armenia] / A. V. Atanesyan // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. – 2023. – No. 6. – P. 112–122.
14. Nogmov, A. M. Geopoliticheskie aspekty mezhetnicheskikh otnoshenij v Kazaxstane na sovremennom etape [Geopolitical aspects of interethnic relations in Kazakhstan at the present stage] / A. M. Nogmov, A. S. Ivochkina // Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov [Bull. of International Scientists]. – 2023. – No. 4. – P. 73–86.
15. Zavadskaya, M. The war-induced exodus from Russia. A security problem or a convenient political bogey? // Finnish institute of international affairs. Briefing Paper. – March 2023. – No. 358. – URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2023/03/bp358_margarita_war-induced-exodus-from-russia.pdf (accessed: 28.06.2024).
16. Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine // The Economist. – August 23rd 2023. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine> (accessed: 28.06.2024).
17. Proekt «Kovcheg» [The project «Ark»]. – URL: <https://kovcheg.live/> (accessed: 28.06.2024).
18. Otkazy: krizis ili novaya realnost' sociologii? [Refusals: crisis or new reality of sociology?] // Issledovatel'skij proekt «Russian Field» [Research project "Russian Field"]. – URL: <https://russianfield.com/otkaznepriговор> (accessed: 28.06.2024).
19. Bolshoj ishod: portret novyh migrantov iz Rossii. Otchet po rezultatam oprosa rossijskih migrantov [The Big Exodus: a portrait of new migrants from Russia. A report on the results of the survey of Russian migrants]. March 2022 // Issledovatel'skij proekt «OUTRUSH» [Research Project «OUTRUSH»]. – URL: <https://outrush.io/> (accessed: 28.06.2024).
20. «My do obeda uzhe znali, chto uedem». Portret Rossijskoj emigracii-2022 na primere okazavshisya v Armenii i Gruzii ["We already knew before lunch that we would leave." Portrait of Russian emigration-2022 on the example of those who found themselves in Armenia and Georgia] // Republic. – URL: <https://besperspektivnyak.ablov.ru/2022/08/republic-2022.html> (accessed: 28.06.2024).
21. Korolkova, M. Reemigraciya v 2022 godu [Reemigration in 2022] / M. Korolkova // SocioDigger. 2023. March–April. Vol. 4. – Issue 3–4(25). – P. 31–34. – URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (accessed: 28.06.2024).
22. Kamalov, E. Polgoda v emigracii: kak izmenilas zhizn novyh rossijskih emigrantov [Six months in emigration: how the lives of new Russian emigrants have changed]. 2022 / E. Kamalov, I. Sergeeva, M. Zavadskaya, N. Kostenko // Issledovatel'skij proekt «OUTRUSH» [Research Project «OUTRUSH»]. – URL: <https://outrush.io/> (accessed: 28.06.2024).
23. Gulina, O. Migraciya naoborot: kak segodnyashnyaya Rossiya stanovitsa postavshikom migrantov v strany Evrazii [Migration on the contrary: how today's Russia is becoming a supplier of migrants to the countries of Eurasia] / O. Gulina // Regionalnaya platforma CABAR.asia (Centralnoaziatskoe byuro analiticheskoy otchetnosti) media organizacii IWPR v Centralnoj Azii (Institut po osveshheniyu vojny i mira) [Regional platform CABAR.asia (Central Asian Bureau of Analytical Reporting) IWPR media organization in Central Asia (Institute for War and Peace Coverage)]. – URL: https://cabar.asia/ru/migratsiya-naoborot-kak-segodnyashnyaya-rossiya-stanovyatsya-stranoj-postavshikom-migrantov-v-strany-evrazii?fbclid=IwAR1Dd351Fust52zTVzDRPqFS0zJd3en-mHRpsMngQeK1GJpp-tAWKo_h0F4#_ftn1 (accessed: 28.06.2024).
24. Forbes: posle obyavleniya mobilizacii Rossiiu pokinuli primerno 700 tys. chelovek [Forbes: after the announcement of mobilization, about 700 thousand people left Russia] // Kommersant. – 04.10.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594533> (accessed: 28.06.2024).
25. Pakhalyuk, K. A. Globalnye rossiyanе vyhodyat na transnacionalnuyu arenu [Global Russians enter the transnational arena] / K. A. Pakhalyuk // SocioDigger. – 2023. March–April. Vol. 4. Issue 3–4(25). – P. 4–13. – URL: <https://>

- sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2023_03-04_oni_uehali/2023_03-04.pdf (accessed: 28.06.2024).
26. MVD Kazakhstana soobshchilo o 200 tys. pribyvshih rossiyan s nachala mobilizatsii [The Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan reported about 200 thousand Russians who arrived since the beginning of mobilization] // Kommersant. 04.10.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594283> (accessed: 28.06.2024).
27. Vagan Kerobyan: «Rossiya i Armeniya otkazalis ot raschetov v dollarah i evro» [Vagan Kerobyan: "Russia and Armenia refused to settle in dollars and euros"] // Vedomosti. March 16, 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2023/03/16/966716-rossiya-i-armeniya-otkazalis-ot-raschetov-v-dollarah-i-evro> (accessed: 28.06.2024).

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Acknowledgements (state task)

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Информация об авторе:

Челпанова Диана Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук; Scopus Author ID: 57193098664, <https://orcid.org/0000-0001-6543-4406> (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, д. 41; e-mail: chelpanova@ssc-ras.ru).

Author:

Diana D. Chelpanova – Cand. Sci. (Sociology), Senior Researcher, Laboratory of Sociology of Federal Research Centre Southern Science Centre of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57193098664, <https://orcid.org/0000-0001-6543-4406> (41, Chekhov ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: chelpanova@ssc-ras.ru).

Для цитирования:

Челпанова, Д. Д. Социально-демографический портрет и особенности российских релокантов 2022–2024 годов (опыт пилотного социологического опроса) / Д. Д. Челпанова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 71–78.

For citation:

Chelpanova, D. D. Socio-demographic portrait and characteristics of Russian relocators 2022–2024 (experience of a pilot sociological survey) // D. D. Chelpanova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 71–78.

Дата поступления статьи: 23.10.2024

Прошла рецензирование: 25.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 23.10.2024

Reviewed: 25.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Теоретический вклад Леонида Рыбаковского в развитие северной демографии

В. В. Фаузер

ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
fauzer@iespn.komisc.ru

Аннотация

Статья посвящена памяти выдающегося ученого современности – доктору экономических наук, профессору Леониду Леонидовичу Рыбаковскому, внесшему значительный вклад в теорию миграции, мер демографической политики, в оценку демографических потерь в годы политического террора и принудительных миграций. В теоретическом плане особого внимания заслуживает его вклад в исследование колонизации окраинных территорий, где он обосновал, что процессы колонизации имеют четкие временные границы. Началом является время присоединения новой территории, после чего наступает ее заселение колонистами – выходцами из страны, которая захватила или присоединила населенные или прежде пустующие земли к своему государству. Границей окончания процесса колонизации является то время, когда на смену основному компоненту увеличения численности жителей осваиваемой территории – переселению – приходит другой компонент – естественный прирост населения. С этого времени начинается нормальное демографическое развитие и дальнейшее освоение данной территории. Для современного периода развития рассмотрены вопросы формирования населения в районах Севера России, приведена методика оценки демографического неблагополучия по российским регионам, их ранжирование. Особое внимание в статье отведено вопросам подготовки научных кадров для северных регионов России, в том числе и для Республики Коми, указаны фамилии и темы диссертаций аспирантов и ученых, защитивших кандидатские и докторские диссертации в совете Л. Л. Рыбаковского.

Ключевые слова:

северная демография, Леонид Леонидович Рыбаковский, формирование населения, миграция, колонизация, научные кадры

*Леонид Леонидович Рыбаковский
(21 апреля 1931 – 10 июня 2024) –
советский и российский
демограф, социолог и экономист.
Доктор экономических наук, профессор*

Осведомленность Леонида Леонидовича Рыбаковского о работах по северной тематике по различным направ-

Leonid Rybakovsky's theoretical contribution to the development of Northern demography

V.V. Fauzer

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
fauzer@iespn.komisc.ru

Abstract

The paper is dedicated to the memory of an outstanding scientist of our time – Doctor of Economics, Professor Leonid Leonidovich Rybakovsky, who made a significant contribution to the theory of migration, demographic policy measures, and the assessment of demographic losses during the years of political terror and forced migrations. Theoretically, his contribution to the study of the colonization of outlying territories deserves special attention, where he substantiated that the processes of colonization have clear time boundaries. The beginning is the time of the annexation of a new territory, after which it is populated by colonists – immigrants from the country that captured or annexed populated or previously empty lands to its state. The end of the colonization process is the time when the main component of the increase in the number of residents of the developed territory – resettlement – is replaced by another component – natural population growth. Since that time, normal demographic development and further development of this territory begins. For the modern period of development, the issues of population formation in the regions of the North of Russia are considered, the methodology for assessing demographic disadvantage in Russian regions and their ranking is given. Special attention is paid to the issues of training scientific personnel for the northern regions of Russia, including the Komi Republic, the names and topics of dissertations of post-graduate students and scientists who defended their candidate and doctoral dissertations in the council of L.L. Rybakovsky are given.

Keywords:

Northern demography, Leonid Leonidovich Rybakovsky, population formation, migration, colonization, scientific personnel

лениям: демографии, труду, малочисленным коренным народам Севера, системе расселения и ряду других проблем – просто поражала. Он дружил и поддерживал научные контакты с ведущими учеными-североведами, такими как ак. Т. И. Заславская, ак. А. И. Татаркин, д.геогр.н. А. Г. Агранат, д.филос.н. Г. Ф. Куцев, д.т.н. А. И. Волгин, д.э.н. Н. А. Волгин, д.э.н. П. Х. Зайдфудим, д.э.н. С. В. Славин, д.э.н. Е. Г. Егоров, д.э.н. В. П. Подоплелов, д.и.н. И. Л. Жеребцов –

этот список можно продолжить, поскольку он включает не один десяток фамилий.

Л. Л. Рыбаковский не только хорошо знал «северную демографию»¹, но и всячески содействовал ее развитию. Так, в период работы в Институте социологических исследований АН СССР в вверенном ему отделе, он создал сектор, который занимался северными территориями (д.э.н., профессор Борис Михайлович Левин), и сектор, изучающий коренные малочисленные народы Севера (к.э.н. Феодосий Семенович Донской, 1981–1988). Среди первых комплексных работ по северной демографии можно отметить сборник научных трудов: «Социально-демографическое развитие Российского Севера» [1]. В этой работе впервые была названа цифра о перенаселенности Севера. В статье Л. В. Макаровой, со ссылкой на мнение ряда ученых, приводится цифра о перенаселенности Севера на 20–40 % [2, с. 128].

Много внимания Л. Л. Рыбаковский уделял подготовке научных кадров северных регионов, в том числе и для Республики Коми. Этому способствовало и то обстоятельство, что он руководил специализированным советом по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук. В период своей научной деятельности мне пришлось столкнуться с работой многих диссертационных советов в разном качестве, но такой атмосферы, с одной стороны, высокой требовательности, а с другой – дружеской поддержки соискателя, я, пожалуй, не встречал.

Вклад Л. Л. Рыбаковского в подготовку научных кадров для Республики Коми. Для молодых исследователей всегда является проблемой найти диссертационный совет, подобрать оппонентов и ведущую организацию. Хорошо, если диссертационный совет берет на себя эти функции или научный руководитель является зрелым ученым с хорошими научными контактами и многие вопросы решает сам. В совете Л. Л. Рыбаковского соискатель получал комплекс услуг «под ключ», в то же время мнение научного руководителя принималось к сведению.

Мне повезло быть первым представителем из Республики Коми в Институте социологических исследований АН СССР (1980–1983). Под научным руководством проф. Л. Л. Рыбаковского я подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР)» [3]. Оппонентами по кандидатской диссертации были назначены д.э.н., проф. В. В. Петров и к.э.н. А. В. Топилин. От первого оппонента запомнил очень полезный совет – если процесс или явление можно измерить, то это надо делать обязательно, остальное все словоблудие. Ведущей организацией определили Отдел размещения производительных сил по территории РСФСР ЦЭНИИ при Госплане РСФСР (в нем я проходил стажировку в 1979–1980 гг.). Докторскую диссертацию я защищал в 1996 г. в уже в отпочкованном из Института социологических исследований – Института социально-политических исследований РАН на тему «Про-

блемы демографического развития российского Севера» [4]. Леонид Леонидович подобрал мне трех авторитетных оппонентов: А. И. Волгина (Государственный комитет Российской Федерации по вопросам развития Севера) Б. Б. Прохорова (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) и И. Г. Ушкалова (Институт международных экономических и политических исследований РАН). Ведущей организацией выступило родное Министерство труда и занятости населения Республики Коми.

Аналогичный путь в диссертационном совете у Л. Л. Рыбаковского прошла Лариса Алексеевна Попова. В 1996 г. в ИСПИ РАН она защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Проблемы демографического развития семьи в Республике Коми» (научный руководитель: к.э.н. В. В. Фаузер). Совет подобрал ей замечательных оппонентов – д.э.н., проф. А. П. Судоплатова и к.э.н. О. Д. Захарову, ведущей организацией выступило Министерство Республики Коми по социальным вопросам. В 2005 г. в этом же совете она защитила докторскую диссертацию на тему «Особенности современного популяционного кризиса в северном полиэтническом регионе». В качестве оппонентов ей были назначены корифеи отечественной науки д. филос.н., проф. А. И. Антонов, д.э.н., проф. С. П. Ермаков и д.э.н. В. Г. Доброхлеб. Не менее значимой выступила ведущая организация – Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Больше дублей по защитах из Коми не было.

В совете у Л. Л. Рыбаковского защитили кандидатские диссертации мои аспиранты из Республики Коми: Н. Н. Ботош «Материальное положение сельских жителей Республики Коми и факторы его дифференциации» (1997); А. А. Парначев «Проблемы демографического развития сельского населения Республики Коми» (1997); Е. В. Климашевская «Формирование и использование трудового потенциала энергетического комплекса Республики Коми» (2003); Е. Н. Рожкин «Этнические особенности демографического развития Республики Коми» (2002); Н. В. Клепиков «Демографическая дифференциация потребительских предпочтений жителей северных городов» (2006); А. И. Черных «Демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов в условиях всероссийской депопуляции» (2007); Н. И. Климошкина «Формирование населения и использование его трудового потенциала в нефтегазовом секторе Республики Коми» (2007); В. Н. Макарова «Экономические инструменты регулирования демографических процессов северного региона» (2009).

В этом же совете защитил диссертацию мой сын Владимир на тему «Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений», науч. рук. д.э.н. О. Л. Рыбаковский [5]. В 2012 г. при поддержке Л. Л. Рыбаковского защитила докторскую диссертацию И. Г. Назарова «Демографические и трудовые проблемы северных регионов России: теория и практика» (науч. консультант д.э.н. В. В. Фаузер). Одно время диссертационный совет в ИСПИ РАН не работал и моему талантливому ученику Андрею Смирнову пришлось защищаться в Институте экономики

¹ В работе используется словосочетание «северная демография», когда речь идет о 13 северных регионах из перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера.

УрО РАН, тема диссертации «Методический инструментальный построения долгосрочных демографических прогнозов на уровне местных сообществ». На стадии подготовки к защите возникла проблема с ведущей организацией. И здесь не обошлось без Л. Л. Рыбаковского, он договорился с ИСЭПН РАН, отзыв подписал его сын д.э.н. О. Л. Рыбаковский.

Развитие научных идей Л. Л. Рыбаковского по формированию населения в районах российского Севера. Исследуя вопросы заселения российского Севера в 1970-е гг., были выявлены определенные закономерности, которые при рассмотрении через призму рыночных отношений могли бы лечь в основу концепции формирования населения в начальный / пионерный период. Так, Л.Л. Рыбаковский считал, что в основе переселения населения в северные районы должен лежать не принцип географической близости района, а следующие требования:

- районы выхода должны быть трудоизбыточными, и переселение из них должно вестись семьями, а не набором отдельных лиц, прибывающих на несколько лет;
- районы выхода должны иметь близкие хозяйственные условия с районами вселения с тем, чтобы обеспечить наименьшую смену профессий у переселенцев;
- климатические условия в районах выхода не должны резко отличаться от таковых в районах вселения.

И еще один существенный момент отмечается в работе. Пока существует материальная заинтересованность, население будет вселяться в те районы, в которых условия жизни наилучшие. При этом для создания постоянного населения в северных районах необходим не равноценный, а лучший комплекс жизненных условий.

При формировании постоянного населения необходимо учитывать и то, что чем продолжительнее история хозяйственного освоения той или иной территории, чем в меньшей мере сказываются родственные и имущественные связи с районами выхода, тем в большей мере проявляется привязанность к районам вселения [6, с. 233-234, 254, 293].

При написании кандидатской диссертации принципы, обозначенные Л. Л. Рыбаковский полностью подтвердились. Приведем ряд фрагментов. «Материальная заинтересованность, выступая основной причиной приезда в РНПО Коми АССР, находит свою реализацию. Об этом можно судить, сравнив материальное положение новоселов на старом и новом местах жительства. Если на старом месте жительства более половины опрошенных (51,3 %) получала не больше 140 руб. в месяц, то на новом месте их доля составляет всего 5,9 % (причем из них прожили на Севере менее 5-ти лет – 73,0 %, проработали непрерывно на одном предприятии менее 5 лет – 89,3). Зато доля лиц, получающих свыше 300 руб. на новом месте жительства составила 48,8% опрошенных, против 8,6 % на старом месте жительства» [3, с. 124-125] (табл. 1).

Наряду с материальным фактором, мигранты хотят улучшить и свои жилищные условия. «Чтобы ответить на вопрос улучшились или ухудшились жилищные условия респондентов, сгруппируем последние на две условные группы: положительные и отрицательные. В качестве по-

ложительных жилищных условий будем считать – государственную и кооперативную квартиры, собственный дом, проживание в квартире родителей (до самостоятельного отделения, в связи с образованием своей семьи). К отрицательным условиям отнесем – общежитие, проживание в коммунальной квартире, у родственников, в балке, вагончике и по найму [3, с. 128] (табл. 2).

Начиная с 1970-х гг. существовало достаточно много точек зрения на процесс формирования населения в районах нового хозяйственного освоения, подробное их рассмотрение нашло отражение в публикациях [7-10]. Из многообразия точек зрения на процесс формирования населения, в своих работах мы развили определение, данное Л. Л. Рыбаковским. На наш взгляд, для того времени он дал наиболее полную и развернутую характеристику: «...процесс формирования населения, – региональный процесс, выражающий не только динамику численности населения и заселенность территории, хозяйство которой развивается ускоренными темпами, но представляющий собой создание постоянного состава населения. Этот процесс создания определенной по численности и постоянной по составу популяции людей в районах интенсивного хозяйственного освоения» [11, с. 254].

В другой, более поздней работе он уточняет это понятие и поясняет, что «формирование населения – комплексный процесс, имеющий экономические, социальные и демографические аспекты. К демографическим аспектам как раз и относится влияние разных источников на динами-

Таблица 1
Средний размер заработной платы на протяжении года, %
Table 1

The average salary during the year, %		
Размер заработной платы, руб.	На старом месте жительства	На новом месте жительства
до 100	22,7	1,7
101-140	28,6	4,2
141-200	26,5	22,1
201-300	13,6	23,2
301-500	5,9	25,0
501 и более	2,7	23,8

Таблица 2
Обеспеченность жильем на старом и новом местах жительства, %
Table 2
Provision of housing in the old and new places of residence, %

Вид жилья	На старом месте жительства	На новом месте жительства
Государственная квартира	32,1	50,5
Общежитие	15,2	23,3
Балок, вагончик	1,5	8,3
Комната в коммунальной квартире	6,4	6,4
Проживание с родителями	20,6	4,6
Собственный дом	11,8	2,3
Снимали жилплощадь	6,6	2,1
Проживание с родственниками	4,1	1,9
Кооперативная квартира	1,7	0,6

ку населения, изменение его демографической структуры и участие мигрантов и местного населения в воспроизводственном процессе. Причем миграция влияет не только на воспроизводственный процесс в целом, но и на перераспределение его результатов по территории страны. Следовательно, можно заключить, что формирование населения – есть взаимодействие естественного и миграционного процессов, при этом роль миграции на начальных этапах не только существенно превосходит роль естественного движения, но и вносит в него весьма ощутимый вклад» [12, с. 16, 17].

В одной из работ я также высказал свою точку зрения на данный процесс: «Формирование населения и его эффективность зависят от природно-климатических особенностей территории, где идет формирование населения, социально-экономических различий мест выхода и вселения, от сложившейся демографической ситуации по стране в целом.

Завершением процесса формирования населения в районах нового хозяйственного освоения является создание постоянного населения, его низкая территориальная мобильность, выравнивание демографических структур, полная занятость трудоспособного населения при удовлетворении предприятий необходимым количеством трудовых ресурсов.

Все выше сказанное позволяет определить процесс формирования населения как сложный социально-экономический процесс количественного роста населения, обладающего разнообразными качественными характеристиками, необходимыми для соединения вещественных и личностных элементов производительных сил на осваиваемых территориях и расширенного воспроизводства населения» [3, с. 16].

Формирование населения многогранный процесс, он включает колонизацию, миграцию как добровольную, так и принудительную, а также депортацию своих граждан из зарубежья. По каждой составляющей вклад Л. Л. Рыбаковского не оценим. Начнем с колонизации. Ей он дает такое определение – «колонизация» – означает процесс освоения и заселения пустующих или малонаселенных территорий. В эпоху становления капитализма колонизация стала одним из способов его развития. Сущность колонизации заключается в том, что масса земли остается незанятой, поэтому каждый переселенец может превратить ее в собственность. В отличие от этого, в дореволюционной России южные и особенно восточные окраины были либо вовсе незаселенными, либо не вполне заселенными, не вовлеченными в земледельческую культуру. Интересы переселяющегося населения в Сибирь и на Дальний Восток из центральных и западных районов России не вступали в противоречие с интересами коренных жителей, как правило, проживавших в северных местностях и занимавшихся не земледелием, а рыбным промыслом, оленеводством, охотой и т. д.

Далее – условием колонизации в эпоху развивающегося капитализма выступает мировое разделение труда, благодаря которому заселяемые территории могут специ-

ализироваться на производстве сельскохозяйственных продуктов и различных видов сырья, получая взамен промышленные товары. И в этом смысле южные и восточные окраины России в пореформенную эпоху выполняли эту функцию. Они были экономически тесно связаны с рынками центральной части страны, где развивающаяся индустрия нуждалась в сырье, а промышленное население – в хлебе.

И наконец, процессы колонизации имеют четкие временные границы. Началом является время присоединения новой территории, после чего наступает ее заселение колонистами – выходцами из страны, которая захватила или присоединила населенные или прежде пустующие земли к своему государству. Границей окончания процесса колонизации является то время, когда на смену основному компоненту увеличения численности жителей осваиваемой территории – переселению – приходит другой компонент – естественный прирост населения. С этого времени начинается нормальное демографическое развитие и дальнейшее освоение данной территории [13, с. 40–41].

В Республике Коми естественный прирост стал превышать механический в период 1956–1960-е гг. [14, с. 190–191]. Тогда, согласно подходу Л. Л. Рыбаковского, можно считать, что в этот период закончилась колонизация республики, поскольку в последующие годы естественный прирост был определяющим в демографической динамике населения Республики Коми [15, с. 12].

Начало принудительным миграциям положил «политический террор – период репрессий правящего режима против собственного народа». За 1932–1938, 1940 гг. численность заключенных, содержавшихся в ИТЛ НКВД СССР составила 5 842 278 чел., из них на представителей народов Кавказа пришлось 122 854 чел., или 2,1 % [16, с. 5, 238].

Используя методические подходы, предложенные Л. Л. Рыбаковским мы также сделали оценки принудительной миграции в Республику Коми, масштабы впечатлили. Приведем отдельные цифры. На начало 1941 г. в Коми АССР было 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключенных, всего – 298,3 тыс. чел. подневольного труда. При этом численность населения края в 1939 г. составляла всего 320,3 тыс. чел., а занятых в народном хозяйстве – 166,4 тыс. чел., в том числе в промышленности 37,5 тыс. чел. С учетом спецпереписи НКВД суммарная численность населения Коми АССР, по переписи 1939 г., составила 450,9 тыс. чел. Тогда разность между гражданской переписью и переписью НКВД дает нам спецконтингент в размере 130,6 тыс. чел. В отдельные годы удельный вес спецконтингента составлял в республике более 40,0%: 1940 г. – 40,6, 1941 – 48,4, 1949 г. – 45,3 % [17, с. 156, 159].

Есть еще интересное направление, идеи которого были предложены или обговорены Л. Л. Рыбаковским – демографическая и миграционная емкость территорий. У этой проблемы несколько сторон. Например, с точки зрения продовольственной безопасности территория имеет опре-

деленный запас прочности по населению, накладываются ограничения и по экологическим показателям. С точки зрения военной безопасности территории, наоборот, должны иметь достаточное количество населения, доступную связанность [18, с. 55]. С другой стороны, в случае экологической или иной сложной ситуации сколько населения готов принять (вместить) в себя Север? Частично эта проблема была рассмотрена в работах [19; 20].

Но наиболее значимым является его вклад в изучение демографического неблагополучия регионов России. В 2008 г. в Социсе выходит статья Рыбаковского «Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России». В ней приводится методика расчета интегрального показателя – коэффициента демографиче-

ского неблагополучия. Чем выше его значение, тем более неблагоприятна демографическая ситуация [21, с. 85-86] (табл. 3).

Используя предложенную методику, он приводит группировку регионов России по уровню демографического неблагополучия (табл. 4).

В 2008 г. Л. Л. Рыбаковский предложил по этой методике написать совместную статью по Республике Коми, получились интересные результаты. В целом по республике, городскому и сельскому населению выросло демографическое благополучие. В восьми муниципальных образованиях уменьшилось демографическое неблагополучие, а в 12 оно возросло. Самая благоприятная обстановка в Сыктывдинском районе, опоясывающем столицу Сыктывкар и в самом Сыктывкаре. Худшие показатели продемонстрировали город Инта и сельские районы Ижемский, Княжпогостский и Усть-Цилемский (табл. 5).

Методика расчета коэффициентов демографического неблагополучия

Methodology for calculating the coefficients of demographic disadvantage

Области	Коэффициент депопуляции	Население на начало года (2006), тыс. чел.	Миграционное сальдо (МП+МУ= -), тыс. чел.	Расчетное население тыс. чел.	Поправочный коэффициент на миграцию	Коэффициент демографического неблагополучия
Белгородская	1,533*	1511,4	+10,5	1500,9**	0,993***	1,522****
Брянская	1,842*	1331,4	-0,7	1332,1**	1,001***	1,844****

Примечание. *в 2005 г. стандартизованные ОКС в Белгородской области составил 14,1, а ОКР – 9,2, соответственно в Брянской области 17,5 и 9,5 чел. в расчете на одну тысячу жителей. **Для Белгородской области – 1511,4 –10,5=1500,9 тыс.; для Брянской – 1331,4+0,7=1332,1 тыс. ***Для Белгородской области – 1500,9: 1511,4=0,993; для Брянской области 1332,1:1331,4=1,001. ****Для Белгородской области – 1,533x0,993=1,522; для Брянской области – 1,842 x 1,001=1,844.

Note. *In 2005, the standardized Total Mortality Rate in the Belgorod region was 14.1, and Total Fertility Rate was 9.2, respectively, in the Bryansk region 17.5 and 9.5 people per thousand inhabitants. **For the Belgorod region 1511.4 –10.5=1500.9 thousand; for the Bryansk region 1331.4+0.7=1332.1 thousand. ***For the Belgorod region 1500.9: 1511.4=0.993; for the Bryansk region 1332.1:1331.4=1.001. ****For the Belgorod region 1,533 x0.993=1,522; for the Bryansk region 1,842 x 1,001=1,844.

Группировка регионов России по уровню демографического неблагополучия в 2005 году

Grouping of Russian regions by the level of demographic disadvantage in 2005

Интервалы значений КДН*	Количество регионов в группе	Перечень регионов
1,122-1,499	14	г. Москва (1,252), республики Алтай (1,122), Карелия (1,150), Адыгея (1,227), Бурятия (1,260), Башкортостан (1,372), Татарстан (1,392), Карачаево-Черкесская (1,147), Кабардино-Балкарская (1,443), Северная Осетия-Алания (1,357), области Астраханская (1,388), Тюменская (1,282), края Краснодарский (1,393), Ставропольский (1,499).
1,503-1,691	22	г. Санкт-Петербург (1,600), республики Дагестан (1,503), Тыва (1,507), Чувашская (1,541), Удмурдская (1,576), области Белгородская (1,522), Волгоградская (1,533), Новосибирская (1,558), Липецкая (1,563), Нижегородская (1,563), Курганская (1,564), Самарская (1,615), Ростовская (1,631), Челябинская (1,633), Свердловская (1,640), Читинская (1,643), Омская (1,648), Московская (1,657), Тамбовская (1,680), Вологодская (1,691), край Алтайский (1,644), Чукотский автономный округ (1,553).
1,701-1,797	20	республики Мордовия (1,719), Хакасия (1,795), области Воронежская (1,701), Архангельская (1,708), Пензенская (1,739), Камчатская (1,739), Иркутская (1,745), Саратовская (1,746), Рязанская (1,748), Орловская (1,753), Оренбургская (1,759), Томская (1,769), Курская (1,782), Амурская (1,794), Калужская (1,795), Ульяновская (1,796), Ярославская (1,797), края Красноярский (1,758), Приморский (1,761).
1,816-1,969	14	республики Марий Эл (1,822), Коми (1,953), области Владимирская (1,816), Кемеровская (1,825), Магаданская (1,834), Брянская (1,843), Костромская (1,846), Кировская (1,878), Тверская (1,883), Сахалинская (1,887), Мурманская (1,908), Новгородская (1,969), края Пермский (1,817), Хабаровский (1,873).
2,039-2,225	7	области Смоленская (2,045), Тульская (2,045), Калининградская (2,069), Ивановская (2,110), Псковская (2,113), Ленинградская (2,225), Еврейская автономная область (2,039).

Примечание. *Индекс (коэффициент) демографического неблагополучия.

Источник: [21, с. 87].

Note. *Index (coefficient) of demographic disadvantage.

Source: [21, p. 87].

Интегральный показатель демографической ситуации
(демографического неблагополучия) по муниципальным
образованиям Республики Коми (2005–2007)

Таблица 5

Table 5

Integral indicator of the demographic situation
(demographic disadvantage) in the municipalities
of the Komi Republic, 2005–2007

Административно-терри- ториальные образования	Год		
	2005	2006	2007
Республика Коми	2,025	1,858	1,431
Городское население	1,781	1,729	1,304
Сельское население	2,877	2,215	1,843
Сыктывкар	0,923	1,117	0,585
Воркута	2,846	2,569	2,359
Вуктыл	3,294	2,464	1,844
Инта	5,051	6,160	3,407
Печора	2,393	1,752	1,592
Сосногорск	2,238	1,972	1,974
Усинск	1,411	1,202	1,159
Ухта	1,044	0,994	1,080
Районы			
Ижемский	4,669	2,736	3,234
Княжпогостский	8,487	4,270	3,327
Койгородский	4,221	2,381	1,760
Корткеросский	1,461	1,221	1,571
Прилузский	3,422	3,302	2,246
Сыктывдинский	1,499	0,544	0,559
Сысольский	1,974	1,846	2,087
Троицко-Печорский	3,596	2,679	1,907
Удорский	3,035	3,189	1,320
Усть-Вымский	2,687	2,69	1,995
Усть-Куломский	3,015	2,272	1,629
Усть-Цилемский	3,377	4,667	3,366

Источник: [22, с. 228].

Source: [22, p. 228].

Заключение

Когда была возможность я всегда старался 21 апреля быть в Москве и поздравить Л. Л. Рыбаковский с днем рождения, ну а быть на его юбилеях было делом святым, собирался весь бывший советский союз. В 2006 г. у Л. Л. Рыбаковского намечался очередной юбилей – 75 лет. В то время Л. Л. уже стал выпускать сборники своих изречений. Я подумал, что лучшим подарком ему будет подбор афоризмов по демографии. Я подготовил такой сборник: «Человек в семи измерениях: от рождения до смерти». Сборник открывали слова: «Рыбаковскому Леониду Леонидовичу, моему учителю, старшему другу, наставнику во всех благих намерениях» [23].

Не часто, но раз в два-три месяца я звонил Л. Л., видно было, что он рад звонку, общению. С годами появилась новая особенность. Если прежде он обычно говорил мину-ту-две, не зависимо от важности звонка, то в последнее время звонки стали более продолжительными. В последний раз я был в гостях у Л. Л. в декабре 2023 г. Он многое вспоминал, рассказывал о своих встречах, делился впечатлениями о прошедших событиях, многие вещи были для

меня новыми. Общаться с Леонидом Леонидовичем всегда было интересно, познавательно. Бодрым, энергичным, остроумным, гостеприимным, радушным и обаятельным – таким я его и запомнил при нашей последней встрече.

К его уходу из жизни подходят слова французского моралиста и писателя Жан де Лабрюйера: «С точки зрения милосердия смерть хороша тем, что кладет конец старости. Смерть, упреждающая одряхление, более своевременна, чем смерть, завершающая его».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Рыбаковский, Л. Л. Социально-демографическое развитие Российского Севера. / отв. ред. д.э.н. Л. Л. Рыбаковский. – Вып. 9. – Москва : ИСЭПН РАН, 1993. – 222 с.
2. Макарова, Л. В. Миграция населения на Российском Севере / Л. В. Макарова, отв. ред. д.э.н. Л. Л. Рыбаковский // Социально-демографическое развитие Российского Севера. – Москва : ИСЭПН РАН, 1993. – С. 116–138.
3. Фаузер, В. В. Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР): дис. ... канд. экон. наук. / В. В. Фаузер – Москва : ИСИ АН СССР, 1983. – 180 с.
4. Фаузер, В. В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук / В. В. Фаузер – Москва : ИСПИ РАН, 1996. – 328 с.
5. Фаузер, Вл. В. Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений: дис. ... канд. экон. наук / Вл. В. Фаузер – Москва : ИСПИ РАН, 2010. – 163 с.
6. Рыбаковский, Л. Л. Особенности обеспечения рабочей силой промышленности Сахалина: дис. ... канд. экон. наук. / Л. Л. Рыбаковский – Владивосток, 1962. – 310 с.
7. Подоплелов, В. П. Население Коми АССР / В.П. Подоплелов, В.В. Фаузер, Г. В Загайнова. – Сыктывкар, 1990. Серия препринтов «Научные доклады; вып. 231». – 20 с.
8. Северный экономический район: проблемы, тенденции, перспективы развития / Акопов В. И. и др. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 256 с.
9. Фаузер, В. В. Теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов северных районов. / В. В. Фаузер, Е. В. Климашевская – Сыктывкар, 2002. – 20 с.
10. Фаузер, В. В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. / В. В. Фаузер, Е. В. Климашевская – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. – 167 с.
11. Рыбаковский, Л. Л. Проблемы заселения и формирования трудовых ресурсов Дальнего Востока: дис. ... докт. экон. наук. / Л. Л. Рыбаковский – Хабаровск, 1969.
12. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Рыбаковский Л. Л. – Москва, 1987. – 199 с.
13. Рыбаковский, Л. Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 38–46.
14. Фаузер, В. В. Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение. / В. В. Фаузер – Ижевск : ООО «Принт», 2023. – 308 с.

15. Фаузер, В. В. Колонизация Республики Коми: роль этнической компоненты / В. В. Фаузер, И. Л. Жеребцов – Сыктывкар, 2023 – 36 с.
16. Рыбаковский, Л. Л. Политический террор. 1937–1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР) / Л. Л. Рыбаковский – Москва : Экон-информ, 2013. – 245 с.
17. Фаузер, В. В. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. – 2015. – № 3. – С. 151–168.
18. Топилин, А. В. Миграция и пространственное экономическое развитие страны / А. В. Топилин // Экономист. 2013. – № 5. – С. 55.
19. Фаузер, В. В. К понятию «демографическая емкость территории» и её практическому использованию / В. В. Фаузер // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 6. Экономика, управление, право. Выпуск 1. – Сыктывкар: СыктГУ, 2002 – С. 127–139.
20. Фаузер, В. В. Моделирование демографической емкости территории в аспекте взаимосвязи демографических, экономических и экологических факторов (на примере северных регионов России) / В. В. Фаузер, Е. С. Котырло // Проблемы региональной экономики. – 2002. – № 7–9. – С. 130–140.
21. Рыбаковский, Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2008. – № 10(294). – С. 81–87.
22. Рыбаковский, Л. Л. Методика оценки «Демографического потенциала административно-территориальных единиц России и сравнительная оценка его уровней» / Л. Л. Рыбаковский, В. В. Фаузер, Г. Н. Фаузер, В. В. Фаузер // Конкурентоспособность и риски развития экономики севера: материалы четвертого северного социально-экологического конгресса «Северное измерение глобальных проблем: первые итоги Международного полярного года» (Сыктывкар, 27–28 марта 2008 года). – Сыктывкар: 2009. – С. 222–231.
23. Человек в семи измерениях: от рождения до смерти. Афоризмы / Составитель В. В. Фаузер. – Сыктывкар, 2006. – 78 с.
3. Fauzer, V. V. Problemy formirovaniya naseleniya v rajonah Severa (na primere Komi ASSR) [Problems of population formation in the regions of the North (case study of the Komi ASSR)]: diss... Cand. Sci. (Economy) / Fauzer V. V. – Moscow: ISI AN SSSR [Institute of Sociological Research of the USSR Academy of Sciences], 1983. – 180 p.
4. Fauzer, V. V. Problemy demograficheskogo razvitiya Rossijskogo Severa [Problems of demographic development of the Russian North]: diss... Dr. Sci. (Economy) / Fauzer V. V. – Moscow: ISPI RAN [Institute of Socio-Political Research, RAS], 1996. – 328 p.
5. Fauzer, V. V. Demograficheskaya differenciatsiya socialno-trudovykh otnoshenij [Demographic differentiation of social and labor relations]: diss... Cand. Sci. (Economy) / V. V. Fauzer. – Moscow: ISPI RAN [Institute of Socio-Political Research, RAS], 2010. – 163 p.
6. Rybakovsky, L. L. Osobennosti obespecheniya rabochej siloj promyshlennosti Sahalina [Features of providing Sakhalin industry with labor]: diss... Cand. Sci. (Economy) / L. L. Rybakovsky. – Vladivostok, 1962. – 310 p.
7. Podoplelov, V. P. Naselenie Komi ASSR [Population of the Komi ASSR] / V. P. Podoplelov, V. V. Fauzer, G. V. Zagainova. – Syktyvkar, 1990. Series of preprints "Sci. reports; Issue 231". – 20 p.
8. Severnyj ekonomicheskij rajon: problemy, tendencii, perspektivy razvitiya [The Northern Economic Region: problems, trends, development prospects]. – St.Petersburg: Nauka, 1992. – 256 p.
9. Fauzer, V. V. Teoreticheskie osnovy formirovaniya naseleniya i trudovykh resursov severnykh rajonov [Theoretical foundations of the formation of the population and labor resources of the northern regions] / V. V. Fauzer, E. V. Klimashevskaya. – Syktyvkar, 2002. – 20 p.
10. Fauzer, V. V. Chelovecheskie resursy energeticheskogo kompleksa Respubliki Komi [Human resources of the energy complex of the Komi Republic] / V. V. Fauzer, E. V. Klimashevskaya. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – 167 p.
11. Rybakovsky, L. L. Problemy zaseleniya i formirovaniya trudovykh resursov Dalnego Vostoka [Problems of settlement and formation of the labor resources of the Far East]: diss... Dr. Sci. (Economy) / L. L. Rybakovsky. – Khabarovsk, 1969.
12. Rybakovsky, L. L. Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Migration of the population: forecasts, factors, policy] / L. L. Rybakovsky. – Moscow, 1987. – 199 p.
13. Rybakovsky, L. L. Kolonizatsiya aziatskoj chasti Rossii: osobennosti osushchestvleniya i geopoliticheskie posledstviya [Colonization of the Asian part of Russia: implementation features and geopolitical consequences] / L. L. Rybakovsky // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. – 2018. – No. 8. – P. 38–46.
14. Fauzer, V. V. Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement] / V. V. Fauzer. – Izhevsk: «Print» LLC, 2023. – 308 p.
15. Fauzer, V. V. Kolonizatsiya Respubliki Komi: rol etnicheskoy komponenty [Colonization of the Komi Republic: the role of the ethnic component] / V. V. Fauzer, I. L. Zharebtsov. – Syktyvkar, 2023. – 36 p.

References

1. Rybakovsky, L. L. Socialno-demograficheskoe razvitie Rossijskogo Severa [Socio-demographic development of the Russian North] / L. L. Rybakovsky / Ed. Dr. Sci. (Econ.) L. L. Rybakovsky. Issue 9. – Moscow: ISEPN RAN [Inst. of Socio-Economic Problems of Population, RAS], 1993. – Issue. 9. – 222 p.
2. Makarova, L. V. Migratsiya naseleniya na Rossijskom Severe [Migration of the population in the Russian North] / L. V. Makarova / Ed. Dr. Sci. (Econ.) L. L. Rybakovsky // Socialno-demograficheskoe razvitie Rossijskogo Severa [Socio-demographic development of the Russian North]. – Moscow: ISEPN RAN [Inst. of Socio-Economic Problems of Population, RAS], 1993. – P. 116–138.

16. Rybakovsky, L. L. Politicheskij terror. 1937-1938 gg. (k 75-letiyu stalinskih repressij v SSSR) [Political terror. 1937-1938 (to the 75th anniversary of Stalin's repressions in the USSR)] / L. L. Rybakovsky. – Moscow: Ekon-inform, 2013. – 245 p.
17. Fauzer, V. V. Gosudarstvennoe upravlenie migraciej naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooshchreniyu [State management of population migration: from coercion to encouragement] / V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North]: Bull., Syktyvkar State Univ. – 2015. – No. 3. – P. 151-168.
18. Topilin, A. V. Migraciya i prostranstvennoe ekonomicheskoe razvitie strany [Migration and spatial economic development of the country] / A. V. Topilin. – Economist. – 2013. – No. 5. – P. 55.
19. Fauzer, V. V. K ponyatiyu «demograficheskaya emkost territorii» i eyo prakticheskomu ispol'zovaniyu [On the concept of "demographic capacity of the territory" and its practical use] / V. V. Fauzer // Bull. of Syktyvkar Univ. Series 6. Economics, management, law. Issue 1. – Syktyvkar, 2002. – P. 127-139.
20. Fauzer, V. V. Modelirovanie demograficheskoy emkosti territorii v aspekte vzaimosvyazi demograficheskikh, ekonomicheskikh i ekologicheskikh faktorov (na primere severnykh regionov Rossii) [Modeling of the demographic capacity of the territory in terms of the interrelation of demographic, economic and environmental factors (using the example of the northern regions of Russia)] / V. V. Fauzer, E. S. Kotyrlo // Problemy regionalnoj ekonomiki [Problems of the regional economy]. – 2002. – No. 7-9. – P. 130-140.
21. Rybakovsky, L. L. Sravnitel'naya ocenka demograficheskogo neblagopoluchiya regionov Rossii [Comparative assessment of the demographic disadvantage of Russian regions] / L. L. Rybakovsky // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. – 2008. – No. 10(294). – P. 81-87.
22. Rybakovsky, L. L. Metodika ocenki «Demograficheskogo potentsiala administrativno-territorial'nykh edinic Rossii i sravnitel'naya ocenka ego urovnej» [Methodology for assessing the "Demographic potential of administrative-territorial units of Russia and a comparative assessment of its levels"] / L. L. Rybakovsky, V. V. Fauzer, G. N. Fauzer, V. V. Fauzer // Konkurentosposobnost i riski razvitiya ekonomiki severa [Competitiveness and risks of the development of the economy of the North]: materials of the Fourth Northern Socio-ecological Congress "The Northern dimension of global problems: the first results of the International Polar Year" (Syktyvkar, March 27-28, 2008). – Syktyvkar: 2009. – P. 222-231.
23. Chelovek v semi izmereniyah: ot rozhdeniya do smerti. Aforizmy [A man in seven dimensions: from birth to death. Aphorisms] / Comp. V. V. Fauzer. – Syktyvkar, 2006. – 78 p.

Информация об авторе:

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

Author:

Viktor V. Fauzer – Dr. Sci. (Economics), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Для цитирования:

Фаузер, В. В. Теоретический вклад Леонида Рыбаковского в развитие северной демографии / В. В. Фаузер // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 79-86.

For citation:

Fauzer, V. V. Leonid Rybakovsky's theoretical contribution to the development of Northern demography / V. V. Fauzer // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 79-86

Дата поступления статьи: 10.10.2024

Прошла рецензирование: 14.10.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 10.10.2024

Reviewed: 14.10.2024

Accepted: 12.12.2024

Современная русскоязычная историография об отношении черносотенных организаций к государственной переселенческой политике в конце 1900-х–1910-е годы

А. И. Курицын

Средняя школа № 175,
Республика Беларусь, г. Минск
dorward@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает проблему отношения представителей черносотенного движения к организации властями Российской империи переселенческого движения в современной историографии. Указывает на тот факт, что в современных исследованиях особым образом подчеркивается, что, по мнению черносотенцев, правительство не смогло в должной мере увязать национальный вопрос и организацию переселения. Современные исследователи обращают самое пристальное внимание на то, что, в понимании правых, переселение и колонизация должны были стать эффективным механизмом изменения этнодемографической структуры окраин.

Ключевые слова:

историография, черносотенцы, крайне правые, национальные окраины, переселенческая политика

Возникнув в начале XX в., в ходе революционных событий 1905–1907 гг., черносотенные (или крайне правые) партии и организации во многом представляли собой реакцию широких слоев населения на происходившие модернизационные процессы в Российской империи. Используя в качестве идеологической основы известную триаду «Православие, самодержавие, народность», крайне правые стали заметным феноменом на политической карте России начала XX в., что побудило ряд исследователей обратиться к изучению особенностей их генезиса и функционирования как общественно-политической силы. После событий 1917 г. изучение черносотенного движения стало одной из тем, планомерное исследование которой встретило ряд объективных и субъективных препятствий. Их исчезновение после 1991 г. позволило историкам существенно расширить представления о деятельности крайне правых. Несмотря на то, что уже в 1990–начале 2000-х гг. исследователями были рассмотрены некоторые проблемы отношения черносотенцев к переселенческой политике, проводимой государством, в целом следует признать, что данная проблематика имела, как правило, сопутствующее значение при рассмотрении аграрного вопроса и Столы-

Modern Russian-language historiography on the attitude of the Black Hundreds organizations to the state resettlement policy in the late 1900s - 1910s

A. I. Kuritsyn

Secondary school No.175,
Republic of Belarus, Minsk
dorward@mail.ru

Abstract

The paper deals with the problem of the attitude of representatives of the Black Hundreds movement to the organization of the resettlement movement by the authorities of the Russian Empire in modern historiography. It is pointed out that in modern studies, special emphasis is placed on the fact that, in the opinion of the Black Hundreds, the government failed to adequately link the national issue and the organization of resettlement. Modern researchers pay close attention to the fact that, in the understanding of the right, resettlement and colonization should have become an effective mechanism for changing the ethno-demographic structure of the outskirts.

Keywords:

historiography, Black Hundreds, extreme right, national outskirts, resettlement policy

пинской реформы в частности. Тем не менее уже в фундаментальной работе С. А. Степанова «Черная сотня», впервые опубликованной в 1992 г., и впоследствии выдержавшей два переиздания – в 2005 г. и 2013 г., например, отмечалось требование правых по улучшению организации переселенческого дела [1, с. 225]. На понимание как региональными партийными структурами черносотенцев, так и центральными органами существенных проблем при переселении крестьян в Сибирь обращал внимание Ю. И. Кирьянов в своей известной работе «Правые партии в России 1911–1917 гг.» [2, с. 177].

Тем не менее именно на рубеже 2010–2020-х гг., в ходе постепенного расширения проблемного поля историографии черносотенства, среди исследователей возникает интерес, в том числе и к представлениям правых относительно государственной переселенческой политики. Особый вклад в изучение проблематики был внесен А. А. Ивановым, который в ряде публикаций анализирует взгляд правых на успехи и недостатки переселенческого дела в Российской империи, его основные цели в их понимании, а также те меры, которые необходимо было предпринять властям для активизации переселения. Автор совершен-

но справедливо пишет о том, что важность проводимой государством политики в области переселения отмечали лидер Русской монархической партии В. А. Грингмут, глава Союза русского народа Н. Е. Марков, товарищ (заместитель) «председателя Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела» Н. Д. Облеухов [3, с. 103].

Анализ современной историографии черносотенного движения позволяет сделать важный вывод о том, что вслед за правительством правые видели основным направлением миграции крестьянского населения России, прежде всего, Сибирь. Вместе с тем, как указывает А. А. Иванов, «немалое внимание также уделялось Средней и Центральной Азии, Кавказу и Закавказью» [там же, с. 104]. Однако не будет преувеличением мнение, что именно Сибирь виделась крайне правым «основным местом для проживания избытков крестьянского населения», и соответственно занимала в их взглядах особое место [4, с. 67]. Более того, именно освоение данного региона позволило бы приступить к настоящему решению аграрного вопроса. Так, Г. А. Ивакин отмечает, что черносотенцы в лице одного из лидеров, В. М. Пуришкевича, замечали, что «решение аграрного вопроса» возможно лишь «на восточных окраинах страны», ввиду существующего перенаселения деревни на западе Российской империи, и, соответственно, изъятие помещичьих земель мало бы способствовало разрешению проблемы [5, с. 340].

Акцентируя внимание как на богатствах Сибири, так и важности ее освоения в военно-стратегическом плане, правые, как отмечено в современной историографии, выделяли несколько принципиально важных моментов, на которые должно было обязательно обратить внимание правительство. Во-первых, совершенно справедливо одну из главных проблем в освоении сибирского региона черносотенцы видели в слабом развитии инфраструктуры, прежде всего транспортной. Об этом говорят А. А. Иванов и А. Э. Котов, подчеркивая, что правые отдельно отмечали тот факт, что «русское переселение на протяжении ряда лет происходит лишь в местности, прилегающей к Транссибирской железнодорожной магистрали» [4, с. 67]. Исходя из этого, одним из главных условий, способных повысить эффективность переселения населения из центральных земель России, должно было стать развитие железнодорожного, а также (еще в большой степени) речного транспорта как более дешевого. Это, позволило бы значительно повысить рентабельность при организации торговли сибирским хлебом. Это, в свою очередь, весьма тесно увязывалось с вопросом хозяйственного освоения региона в целом. Так, Г. А. Корнеева отмечает, что правые правильно оценивали комплекс экономических проблем, стоявших перед регионом и, в частности, трудности, созданные центральной властью сибирскому региону в конце XIX–начале XX в.

Правительство, как пишет автор, ввело «режим экономической дискриминации Сибири, так как двойная схема определения тарифов на хлебные перевозки стала инструментом в решении задачи направить хлеб окраин на внешний рынок через Архангельск, закрыв для них бал-

тийские порты» [6, с. 296]. Исходя из этого, монархисты предлагали организовать полярное железнодорожное сообщение «от Тюмени, что должно было обеспечить выход сибирского хлеба на Север России и за границу» [там же].

Анализируя взгляды правых на переселенческую политику государства в Сибири, А. А. Иванов указывает на тот факт, что среди причин, препятствовавших успешности ее реализации, назывался также и «экономический сепаратизм» сибирского населения. В частности, епископ Митрофан (Краснопольский), член фракции правых Государственной Думы Российской империи, сетовал, что, по мысли сибиряков, «все богатства этого удаленного региона империи должны обслуживать только сибиряков-старожилов», что вело к известному неприятию новых переселенцев [3, с. 105].

Помимо важности экономического освоения Сибири, монархисты постоянно указывали на то, что Россия может утратить данный стратегический регион. Как отмечают А. А. Иванов и А. Э. Котов, правые считали, что «русские переселенцы, выбирая своим новым местом жительства Сибирь, приносят пользу не только себе и своим семьям, но и всему русскому государству, закрепляя своим присутствием регион за Россией» [4, с. 68]. В качестве возможной угрозы называлась миграция в регион жителей Китая и Японии. Это бы существенным образом изменило этнический облик края и, следовательно, поставило бы под сомнение права России на Сибирь. Весьма характерно, как отмечает А. А. Иванов, что данная позиция во многом совпадала с точкой зрения премьер-министра Российской империи П. А. Столыпина по описываемому вопросу [там же].

Важным направлением миграции русского населения должен был стать и Кавказ. Существенной вехой в изучении представлений правых по данному вопросу стала статья А. А. Иванова «Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX–начало XX веков» [7]. В данной работе фактически впервые была введена в широкий научный оборот правая публицистика, касающаяся взглядов черносотенцев на сложившиеся проблемы в развитии региона в начале XX в.

В частности, важным вопросом, интересовавшим черносотенных публицистов, стало «экономическое положение русских поселенцев на Кавказе и меры по поднятию их численности и благосостояния» [там же, с. 130]. В правой печати, как отмечает А. А. Иванов, даже высказывалась точка зрения о том, что не следует ли перенаправить основной поток русских переселенцев не в Сибирь, а собственно на земли Кавказа как, несомненно, более благоприятные [там же, с. 131].

Вместе с тем, правыми признавался тот факт, что успешность миграции русского населения на Кавказ в силу уже сложившихся к началу XX в. особенностей региона будет невозможна без «протекционистских усилий со стороны властей» [там же]. При этом заявленные цели – увеличение русского населения на Кавказе и повышение его социально-экономического статуса, должны были способствовать и повышению общего уровня благососто-

яния жителей Кавказа, так как, по мнению правых, «только русские способны объединить пестрое и враждующее население края в мирном труде» [там же, с. 130].

Как и в случае Сибири, консерваторы указывали на то, что без существенного изменения имеющейся транспортной системы, полноценная колонизация и освоение края представляются невозможными [там же, с. 132].

Анализируя правую публицистику, А. А. Иванов довольно тонко подметил весьма характерную для черносотенцев тенденцию – как правило, проблемы развития той или иной окраины Российской империи они тесно увязывали с враждебной деятельностью какого-либо народа. Так, «в Западном и Юго-Западном крае, довольно часто виновниками всех бед оказывались, помимо нерадивой российской администрации, поляки и евреи, то на Кавказе и в Закавказье эта роль, как правило, отводилась армянам» [8, с. 52]. Тем самым находился вполне понятный и однозначный враг, победа над которым должна была способствовать улучшению социально-экономического положения, налаживанию межнациональных отношений, общей гармонизации политической жизни.

Существенно меньшее внимание в современной историографии уделено взглядам черносотенцев на организацию переселения на территорию Центральной Азии. Правых, как отмечает А. А. Иванов, беспокоила мысль о том, что правительство фактически не занимается организацией миграции русского населения в данный регион. В результате этого, по их мысли, огромные земельные пространства Центральной Азии использовались совершенно нецелесообразно [3, с. 104]. Подчеркивалось, что решение данного вопроса дало бы возможность реорганизовать в регионе хлопководческую отрасль, что позволило бы сделать Российскую империю полностью независимой от иностранного хлопка. Главным и основополагающим средством, которое бы позволило решить вышеуказанные проблемы, виделась организация государственной программы «по переселению в регион русского населения» [8, с. 53]. Как отмечает А. А. Иванов, в понимании правых «государственная программа русской колонизации края <...> одновременно решила бы и экономическую и политическую задачи» [там же, с. 53–54]. Вместе с тем, правые, столь часто видевшие те или иные проблемы сквозь призму национального вопроса, считали, что во многом неудачи миграционной политики России в регионе объясняются противодействием местного населения, в том числе элит [3, с. 104].

Важно заметить, что анализ современной историографии убедительно показывает, что правые, признавая определенные успехи правительственной политики в области организации переселения, также подвергали ее и существенной критике, обращая внимание на ряд трудностей, которые довольно быстро стали заметными в ходе ее осуществления. Одной из таких проблем стало недостаточное финансирование. Черносотенцы указывали на то, что переселенческое дело «без увеличения финансовых вложений со стороны государства <...> не сможет быть достаточно эффективным» [4, с. 73].

Не довольствуясь участием в дискуссии о формах и методах политики переселения, правые, как отмечают авторы, в 1909 г. на монархическом съезде «русских людей в Москве» принимают «целый ряд предложений видного правого деятеля – протоиерея И. И. Восторгова – посчитав необходимым указать на них правительству» [4, с. 71]. Суть их предложений заключалась в необходимости более широкой поддержки переселяющихся, особенно в том случае, если это происходит в стратегически значимые для государства земли, в частности на Камчатку и Сахалин.

Вместе с тем, следует признать, что меры, предлагаемые правыми по улучшению сложившегося положения, как правило, были непоследовательными и двойственными, и содержали предложения «самого общего плана» [7, с. 139]. Провозглашая необходимость экономического и культурного освоения окраин в многочисленных программных документах, правые, как правило, не указывали, каким образом это может быть достигнуто, за счет каких материальных и людских ресурсов.

Помимо прочего, правые, поддерживая правительство в организации переселения, считали, что в данном деле важен не только экономический эффект (а может и не столько), но прежде всего политика «русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств» [3, с. 108]. Продолжая данную мысль, А. А. Иванов отмечает, что «правые депутаты также обращали внимание на земли Кавказа, Закавказья, Центральной и Средней Азии, считая, что успех русского переселения на эти территории будет способствовать ослаблению «инородческого» влияния и сепаратистских настроений» [там же].

Таким образом, необходимо отметить, что, несмотря на существенный рост историографии черносотенного движения, начиная с 1991 г. как в количественном, так и в качественном измерениях взгляды правых относительно государственной переселенческой политики получили признание исследователей только к концу 2010-х гг.

Важный вклад в разработку данной проблематики был внесен А. А. Ивановым, который как самостоятельно, так и в соавторстве с А. Э. Котовым существенно расширили современное представление о позиции крайних правых на особенности социально-экономического развития таких регионов Российской империи, как Сибирь, Кавказ и Центральная Азия. В то же время следует признать, что в современной историографии наибольшее внимание получили взгляды правых на переселение населения в Сибирь, в меньшей степени – на Кавказ и в Центральную Азию. Фактически неисследованными остаются представления деятелей черносотенного движения относительно миграции населения в другие регионы Российской империи.

Черносотенцы, исходя из своего видения комплекса проблем, стоявших перед Россией, в том числе аграрного и национального вопросов, считали одним из важнейших средств, способных решить их, именно правильную организацию переселения. Следует подчеркнуть, что данная проблематика тесно увязывалась ими (а также и современными исследователями) с вопросами хозяйственного

развития российских окраин. Более того, необходимо заметить, что интерес к черносотенной общественно-экономической мысли в целом стал во многом возможным вследствие того, что идеологические представления правых в области национального, религиозного и политического устройства России достаточно хорошо исследованы историками как на общероссийском, так и местном, региональном уровне. Соответственно, иные, менее изученные темы привлекли внимание исследователей.

Существенную роль сыграло расширение источниковой базы, ввод правых публицистики, в частности материалов газеты «Окраины России». Также важно указать, что правомонархическое движение к настоящему времени представляет собой достаточно изученную проблематику в вопросах численности, состава, основ идеологии, думской деятельности, но представляется малоизученным в отношении социально-экономических представлений черносотенцев, их взаимодействия с правительством (особенно неформального), финансирования и т. д. Исходя из этого, внимание исследователей перераспределяется в пользу новых тем. Тем более вышеприведенный анализ показывает, что правые в своей деятельности руководствовались не только националистическими мотивами (что нередко считалось единственным мотивом их деятельности в дореволюционной и советской историографии), но и другими факторами. Вместе с тем, мы видим, что даже социально-экономическая проблематика в их понимании зачастую имела связь с национальным вопросом. Более того, не будет преувеличением сказать, что в отношении к окраинным регионам, как успешно показывают современные исследователи, несмотря на всю сложность правоконсервативной позиции, национальный фактор имел существенное значение.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Степанов, С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? / С. А. Степанов. – Москва : Яуза-пресс, 2013. – 672 с.
2. Кирьянов, Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 / Ю. И. Кирьянов. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 464 с.
3. Иванов, А. А. Переселенческая политика Российской империи в оценках правых депутатов III Государственной думы / А. А. Иванов // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г.: сборник научных статей. В 2-х ч. – Санкт-Петербург : Астерион, 2019. – Ч. 1. – С. 102–108.
4. Иванов, А. А. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX–начало XX в.) / А. А. Иванов, А. Э. Котов // Вопросы истории. – 2019. – № 2. – С. 60–75.
5. Ивакин, Г. А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: дис. ... докт. ист. наук / Г. А. Ивакин. – Москва, 2014. – 516 с.
6. Корнеева, Г. А. Правомонархическое политическое движение: Сибирский регион / Г. А. Корнеева. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 427 с.
7. Иванов, А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX – начало XX веков / А. А. Иванов // Научный диалог. – 2018. – № 6. – С. 124–142.
8. Иванов, А. А. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) / А. А. Иванов, А. Э. Котов // Вопросы истории. – 2019. – № 8. – С. 50–63.

References

1. Stepanov, S. A. Chernaya sotnya. Chto oni sdelayali dlya velichiya Rossii? [The Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia?] / S. A. Stepanov. – Moscow: Yauza-press, 2013. – 672 p.
2. Kiryanov, Yu. I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 [Right-wing parties in Russia. 1911–1917] / Yu. I. Kiryanov. – Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2001. – 464 p.
3. Ivanov, A. A. Pereselencheskaya politika Rossijskoj imperii v ocenках pravyyh deputatov III Gosudarstvennoj dумы [The resettlement policy of the Russian Empire in the assessments of the right deputies of the III State Duma] / A. A. Ivanov // Tavrisheskie chteniya 2018. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremenost' [Tauride Readings 2018. Current problems of parliamentarism: history and modernity]. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, Tauride Palace, December 6–7, 2018: Collection of sci. papers. . In 2 parts. – St.Petersburg: Asterion, 2019. – Part 1. – P. 102–108.
4. Ivanov, A. A. Russkie konservatory i pereselencheskaya politika pravitel'stva (konec XIX – nachalo XX v.) [Russian Conservatives and the government's resettlement policy (late XIX – early XX century)] / A. A. Ivanov, A. E. Kotov // Voprosy istorii [Problems of History] . – 2019. – № 2. – P. 60–75
5. Ivakin, G. A. Chernosotenstvo v politicheskoy sisteme Rossijskoj imperii nachala XX veka [The Black Hundreds in the political system of the Russian Empire at the beginning of the XX century]: diss. ... Dr. Sci. (History) / G. A. Ivakin. – Moscow, 2014. – 516 p.
6. Korneeva, G. A. Pravomonarhicheskoe politicheskoe dvizhenie: Sibirskij region [The right-monarchist political movement: The Siberian region] / G. A. Korneeva. – St. Petersburg: Aleteya, 2016. – 427 p.
7. Ivanov, A. A. Ekonomicheskaya politika v Kavkazskom regione v ocenke russkih konservatorov: konec XIX – nachalo XX vekov [Economic policy in the Caucasus region in the assessment of Russian conservatives: end of the XIX – beginning of the XX centuries] / A. A. Ivanov // Nauchnyj dialog [Sci. dialogue]. – 2018. – № 6. – P. 124–142.
8. Ivanov, A.A. Ekonomicheskaya publicistika gazety «Okrainy Rossii» (1906–1912 gg.) [Economic journalism of the newspaper "Outskirts of Russia" (1906–1912)] / A. A. Ivanov, A. E. Kotov // Voprosy istorii [Problems of History]. – 2019. – №8. – P. 50–63

Информация об авторе:

Курицын Артем Игоревич – учитель истории и обществоведения, председатель учебно-методического объединения учителей истории и обществоведения Государственного учреждения образования «Средняя школа № 175 г. Минска»; orcid.org/0009-0004-9144-173X (220059, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Лобанка, д. 84); соискатель кафедры истории России Белорусского государственного университета (220037, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Менделеева, д. 36; e-mail: dorward@mail.ru).

Author:

Artem I. Kuritsyn – teacher of history and social studies, Chairman of the Educational and Methodological Association of teachers of history and social studies of the State educational institution «Secondary school №175 in Minsk»; orcid.org/0009-0004-9144-173X (84, Lobanka st., Minsk 220059, Republic of Belarus); postgraduate of the Department of History of Russia, Belarusian State University (36, Mendeleev st., Minsk 220037, Republic of Belarus); e-mail: dorward@mail.ru).

Для цитирования:

Курицын, А. И. Современная русскоязычная историография об отношении черносотенных организаций к государственной переселенческой политике в конце 1900-х-1910-е годы / А. И. Курицын // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 87–91.

For citation:

Kuritsyn, A. I. Modern Russian-language historiography on the attitude of the Black Hundreds organizations to the state re-settlement policy in the late 1900s-1910s / A. I. Kuritsyn // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 87-91

Дата поступления статьи: 03.09.2024

Прошла рецензирование: 06.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 03.09.2024

Reviewed: 06.09.2024

Accepted: 12.12.2024

Демографические процессы в СССР в период голода начала 1930-х годов: историография вопроса

Г. А. Петаченко

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
petakoff@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает историографию демографической истории СССР начала 1930-х гг., освещая актуальные проблемы исторической демографии, основное внимание уделяя ключевым дискуссиям о достоверности советской статистики населения и масштабах демографического кризиса, охватившего страну в этот период, включая значительные потери населения. Исследуются изменения в подходах к изучению этого времени, которые варьируют от категорического осуждения сталинского режима в конце 1980–начале 1990-х гг. до глубокого осмысления жертв сталинизма и внимательного изучения демографических потрясений 1930-х гг. с последующими попытками исторических обобщений. Этот путь отражает эволюцию исторической науки, переходящей от однобоких интерпретаций к многогранному пониманию процессов, формировавших судьбы людей и целых народов в тот сложный период. Демографические процессы начала 1930-х гг. в СССР анализируются через призму голода 1932–1933 гг., последствия которого были всесторонне изучены в исследованиях 1990-х и начала 2000-х гг. Однако источники, такие как оценочные данные и сводные отчеты ЦУНХУ СССР, не полностью отражают реальную картину, что подчеркивает необходимость учета региональных особенностей.

Ключевые слова:

историческая демография, историография, демографическая история, демографический кризис, демографическая катастрофа, демографическая модернизация

В годы первых пятилеток в Советском Союзе разворачивался грандиозный индустриальный проект, который неизбежно затронул жизни миллионов людей и оказал глубокое влияние не только на дальнейшее социально-экономическое развитие страны, но и вызвал серьезные социальные катаклизмы, нашедшие свое отражение в демографической сфере.

По мнению большинства исследователей, корень демографических катастроф и кризисов кроется в политической ситуации в стране. Нарушение социально-экономических процессов и демографических условий стало

Demographic processes in the USSR during the famine of the early 1930s: historiography of the problem

G. A. Petachenko

Belarusian State University,
Minsk
petakoff@yandex.ru

Abstract

The paper considers the historiography of the demographic history of the USSR in the early 1930s, highlighting the current problems of historical demography. The main focus is on key discussions about the reliability of Soviet population statistics and the scale of the demographic crisis that engulfed the country during this period, including significant population losses. The paper investigates changes in approaches to the study of this time, which range from a categorical condemnation of the Stalinist regime in the late 1980s and early 1990s to a deep understanding of the victims of Stalinism and a careful study of the demographic upheavals of the 1930s, with subsequent attempts at historical generalizations. This path reflects the evolution of historical science, moving from one-sided interpretations to a multifaceted understanding of the processes that shaped the destinies of people and entire nations during that difficult period. The demographic processes of the early 1930s in the USSR are analyzed by researchers through the prism of the famine of 1932–1933, the consequences of which were comprehensively studied in researches of the 1990s and early 2000s. However, sources such as estimated data and summary reports of the Central Department of National Economic Accounting of the USSR do not fully reflect the real picture, which emphasizes the need to take into account regional peculiarities.

Keywords:

historical demography, historiography, demographic history, demographic crisis, demographic catastrophe, demographic modernization

прямым следствием действий властей. Специфика демографической истории СССР заключается в том, что население находилось под постоянным контролем и давлением со стороны государства.

Многочисленные аспекты демографической истории России, особенно касающиеся человеческих потерь, долгое время оставались за пределами научного исследования, образуя белые пятна в демографии. Русскоязычная историография изменяет свои ориентиры, ищет новые методологические подходы. В начале 1990-х гг. была рассекречена значительная часть документов Централь-

ного статистического управления Центральное Управление Народно-Хозяйственного Учета (при Госплане СССР) (далее – ЦУНХУ), и в распоряжение исследователей поступил огромный массив статистической информации, позволивший существенно обогатить источниковую базу, повысить научный уровень работ демографической истории, включая независимую оценку ранее недоступных материалов переписей 1926, 1937 и 1939 гг. и изучение влияния негативных факторов: голода, репрессии, эпидемии на демографическую ситуацию СССР в годы первых советских пятилеток. Воспоминания о переписи 1937 г. свидетельствуют о фальсификациях, за которыми последовали репрессии. Так, новые итоги переписи 1939 г. были искусственно завышены. Эта хроника демографического кризиса, превращенного в катастрофу, отражает жестокое обращение советского руководства с собственным народом, делая высокую смертность обыденным явлением. Исследования ученых как российских, так и зарубежных внесли значительный вклад в понимание этой трагедии, раскрывая ранее не публиковавшиеся архивные данные.

Драматическая ситуация, возникшая вокруг участников переписи населения 1937 г., была детально освещена в демографических исследованиях [1–4]. Результаты этой переписи были признаны искаженными и методологически несоответствующими, поскольку они не оправдали возложенные на них ожидания. Организаторы и непосредственные участники этой статистической акции столкнулись с жестокими репрессиями.

В основу современных демографических исследований легли работы 1990-х гг. [5–8], результаты которых ставили под сомнения советскую парадигму в отношении демографических процессов в СССР в начале 1930-х гг., заключающуюся в стабильном бескризисном развитии. Анализ и сопоставление статистических показателей всесоюзных переписей населения позволили выявить определенные тенденции демографического развития СССР в этот период, проследить как количественные, так и качественные изменения в населении. В работах историков-демографов 1990-х гг. как на общероссийском, так и региональном уровне появляются данные о кризисе демографической сферы в 1930-е гг. в СССР, их социальной обусловленности и последствиях, а также на вопросах достоверности советской статистики. Оценки потерь населения, его недоучета и коррективы, предложенные исследователями, сегодня служат основой для дальнейшей работы. Ученые восстановили динамику численности населения СССР и России, а также рассчитали людские потери в результате социальных катастроф. Общие демографические потери СССР с 1927 по 1941 г. были оценены в 13,5 млн чел., а людские потери составили около 7 млн. Кроме смертей непосредственно от голода 1933 г. и расстрелов в 1930-х гг., к потерям они отнесли сокращение продолжительности жизни людей в связи с ухудшением условий в целом [9, с. 73]. Эти оценки и сегодня остаются авторитетными в области исторической демографии, вскрывая сложные сюжетные линии советского прошлого.

В начале 2000-х гг. формируется новая историографическая тенденция, согласно которой в первой половине

XX в. население России, а затем и СССР, столкнулось с тремя значительными демографическими кризисами. Первый был вызван последствиями Первой мировой войны, Гражданской войны и голодом 1921–1922 гг. Второй кризис пришелся на период массовой коллективизации, раскулачивания и как итог голода в начале 1930-х гг. Третий был вызван событиями Великой Отечественной войны, ее последствиями и послевоенным голодом.

Высокий уровень смертности стал основанием для внедрения в русскоязычную историографию этого периода понятия «демографическая катастрофа». В. А. Исупов, предложивший новую интерпретацию демографических потрясений, первым ввел это определение. Оно быстро обрело широкое применение в современных историко-демографических исследованиях. Он же трактует «демографическую катастрофу» как «мощное, но кратковременное явление», следствием которого становится резкий рост смертности, ясно отражающийся в выраженных депопуляционных процессах и стремительном сокращении численности населения. В то же время демографический кризис, по его мнению, – это затяжной процесс, в первую очередь обусловленный падением рождаемости, при котором уровень смертности может оставаться «на стабильном или незначительно повышенном уровне». В такие эпохи «чаще всего фиксируется замедление темпов прироста, нулевой прирост или медленное сокращение численности населения» [10, с. 134]. Таким образом, различие между этими явлениями заключается в их временных рамках и причинах, что открывает новые горизонты для осмысленной дискуссии об изменениях в демографической структуре общества. В этой связи П. М. Полян отмечает, что общие демографические потери в России в XX в. из-за катастроф можно оценить лишь условно и посредством экспертных или расчетных методов с определенными допущениями [11, с. 44].

Дискуссии о причинах и масштабе этих социальных бедствий продолжаются и на современном этапе. В рамках данных научных дебатов особое внимание уделено теме голода 1932–1933 гг., который, наряду с сопутствующими эпидемиями, стал ключевым фактором демографической катастрофы в СССР. Начальному этапу научной полемики послужили работы западных специалистов в области исторической демографии, которые и на сегодняшний день остаются актуальными в исследовании данной научной проблематики. Р. Конквест во второй половине 1980-х гг. пришел к выводу, что в результате голода в СССР 1932–1933 гг. умерло около 7 млн чел. [12, с. 91]. Его оппонентами выступили Р. Дэвис и С. Уиткрофт. В частности Р. Дэвис, указав на бездоказательность его вычислений [13]. С. Уиткрофт оценил потери населения вследствие голода 1932–1933 гг. в пределах от 3 до 4 млн чел. [14, с. 888].

В начале 2000-х гг. была осуществлена попытка в рамках коллективной монографии под руководством А. Г. Вишневого дать количественные оценки человеческих потерь в СССР в результате кризисов первой половины века. В частности, С. Максудов сообщает о более чем 40 млн жертв социальных потрясений. Потери в пределах Российской империи – СССР от Первой мировой войны, револю-

ции и Гражданской войны, голода и эпидемий оцениваются между 14 и 23 млн «преждевременно умерших», а голод 1932–1933 гг. унес от 4 до 8 млн жизней [15, с. 454].

На современном этапе вопросы демографических процессов и голода 1930-х гг. рассматриваются как в общесоветских, так и региональных масштабах. По мнению исследователей, высокий недоучет в 1932–1933 гг. связан с тем, что в целом ряде регионов, в особенности в национальных субъектах, включая пострадавших от голода Казахстан и Калмыкию, регистрация умерших практически отсутствовала. По оценке ЦУНХУ того времени, считалось, что данные о естественном движении населения в 1933 г. относятся к 83,2 % населения СССР, учетом охвачено 93,6 % городского и 79,9 % сельского населения. В Российской Федерации – 85,2 % населения, в том числе 93,7 % городского и 82,4 % сельского. Неохваченными, как и в прошлые годы, оставались Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Калмыкия. ЦУНХУ считало, что недоучет ко всему населению СССР составлял 6 %, в том числе по городским поселениям – 2,4 %, и по сельским местностям – 7 %. С 1934 г. ответственность за работу органов ЗАГС возлагается на НКВД, утверждаются новые формы книг записей актов гражданского состояния, упрощается редакция отдельных вопросов [16, с. 18].

При исследовании демографических последствий голода в СССР и его регионах исследователи стремятся количественно оценить жертвы трагедии, проследить влияние голода на воспроизводство населения и миграционные процессы разными методами. По мнению ряда исследователей, сегодня известна «достаточно полная география» голода 1932–1933 гг., охватившего ключевые зерновые районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Беларусь, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал. В настоящее время в русскоязычной историографии сформирована устоявшаяся оценка людских потерь, которые в Украине составили 3–3,5 млн чел. (С. В. Кульчицкий [17], Н. А. Ивницкий [18]), в Казахстане – около 2 млн чел. (Н. Н. Аблажей [19], Ж. Б. Абылхожин [20], М. К. Козыбаев [21]), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – не менее 2–2,5 млн чел. (Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова [5]; В. Б. Жиромская [22], В. В. Кондрашин [23, 24]). По мнению В. Б. Жиромской, оценки потерь не могут быть абсолютно точными, голод 1932–1933 гг. изменил весь механизм учета, где система регистрации рождений и смертей оказалась крайне несовершенной. Массовые неучтенные миграции населения в основном крестьянства, и репрессии усугубляли ситуацию [22].

Общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включая сверхсмертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, насчитывали более 7 млн чел. Тем не менее в современной российской историографии существует мнение, что «демография голода рассмотрена только в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена. Детально не рассмотрен вопрос городской и районной рождаемости, смертности и естественной убыли

населения, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода» [25, с. 47].

Среди историков существует множество мнений относительно того, насколько непосредственно действия руководства СССР привели к голоду, и в какой мере осознанные меры самого руководства стали предвестниками этой катастрофы. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что сталинская политика коллективизации оказалась одной из ключевых причин этой трагедии. При этом, как отмечает российский специалист В. В. Кондрашин, «несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как "геноцид" – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода» [4, с. 158]. Он же указывает, что данные ЦУНХУ за этот период в РСФСР, УССР и БССР являются убедительными. Сверхсмертность от голода в 1933 г. в СССР составила 3,5 млн чел., тогда как в Казахстане, Средней Азии и Дальнем Востоке, согласно его ссылке на ЦУНХУ, – 1,5 млн. Подавляющее большинство жертв – спецпоселенцы и заключенные ГУЛАГа, их потери не превысили 600 тыс. чел. В результате общая смертность в СССР в 1933 г. достигла 5,6 млн, а дефицит рождаемости составил 3 млн, что приводит к общим демографическим потерям не менее 8 млн жизней [24, с. 65].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что демографические процессы начала 1930-х гг. в СССР анализируются исследователями сквозь призму голода 1932–1933 гг., последствия которого были всесторонне сформулированы в исследованиях 1990-х и начала 2000-х гг. На современном этапе ученые обращаются к потерям от голода, опираясь на оценочные данные и сводные отчеты ЦУНХУ СССР, однако эти источники не всегда дают полное представление о происходящих событиях. Исследование демографии голода 1932–1933 гг. охватывает крупные административно-территориальные единицы, а география голода остается неоднозначной и не до конца проясненной, что побуждает исследователей обратить внимание на региональные особенности. Таким образом, научное осмысление демографических процессов в СССР в годы голода требует внимательного изучения обширных архивных источников, свидетельствующих о демографической катастрофе, оставившей глубокий след в численности населения и культурной памяти общества, актуальной и сейчас.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Волков, А. Г. Из истории переписи 1937 года / А. Г. Волков // Вестник статистики. – 1990. – № 8. – С. 45–56.
2. Волков, А. Г. Перепись населения СССР 1937 года: мысли и правда / А. Г. Волков // История и материалы. Экспресс-информация. Серия История статистики. Вып. 3–5, ч. 2. – Москва : Информцентр Госкомстата СССР, 1990. – С. 6–63.
3. Данилов, В. П. Дискуссии в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе»

- 30–40-х годов в СССР / В. П. Данилов // Вопросы истории. – 1988. – № 3. – С. 116–121.
4. Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 471 с.
 5. Андреев, Е. Демографическая история России: 1927–1959 / И. И. Андреев, Л. Дарский, Т. Харьков. – Москва : Информатика, 1998. – 187 с.
 6. Жиромская, В. Б. Основные тенденции демократического развития России в XX в. / В. Б. Жиромская. – Москва : Кучково поле, 2012. – 320 с.
 7. Зеленин, И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации / И. Е. Зеленин // Проблемы устной истории в СССР. – Киров, 1990. – С. 18–22.
 8. Население России в XX веке: Ист. очерки [в 3-х т.] / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Москва : РОССПЭН, 2000. – Т. 1. 1900–1939. – 459 с.
 9. Баранов, Е. Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг.: тренд дискурса и актуальные проблемы / Е. Ю. Баранов // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 70–79.
 10. Исупов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.
 11. Полян, П. М. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф / П. М. Полян // Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен: монографический сборник. – Москва : ОГИ, 2001. – С. 33–62.
 12. Конквест, Р. Жатва скорби / Р. Конквест // Вопросы истории. – 1990. – № 4. – С. 83–100.
 13. Дэвис, Р. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 544 с.
 14. Уиткрофт, С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. / С. Уиткрофт // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. – Москва, 2001. – Т. 3. – С. 866–887.
 15. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. Москва : Новое издательство, 2006. – 608 с.
 16. Бадмаева, Е. Н. Демографическая история СССР в 1920–1930-е гг.: к проблеме современной историографии / Е. Н. Бадмаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 4. – С. 15–21.
 17. Кульчицкий, С. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор / С. Кульчицкий; под ред. Л. Ившина. – Киев : Украинская пресс-группа, 2007. – 207 с.
 18. Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – Москва : Интерпракс, 1994. – 267 с.
 19. Аблажей, Н. Н. Эмиграционные последствия голода начала 1930-х гг. для Казахстана / Н. Н. Аблажей // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы Междунар. науч. конф. – Москва, 2011. – С. 198–205.
 20. Абылхожин, Ж. Б. Казахская трагедия / Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев, М. Б. Татимов // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 65–67.
 21. Козыбаев, М. К. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории / М. К. Козыбаев // Материалы Научной сессии ученых Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. – Алматы, 1998. – 230 с.
 22. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 277 с.
 23. Кондрашин, В. В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР, на постсоветском пространстве и в современной западной историографии / В. В. Кондрашин // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом: доклады Международной научно-практической конференции. – Москва : Изд-во РГГУ, 2019. – С. 232–241.
 24. Кондрашин, В. В. Документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР / В. В. Кондрашин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 60–65.
 25. Назаренко, Н. Н. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса / Н. Н. Назаренко, Н. В. Коршунова, А. В. Башкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 47–56.

References

1. Volkov, A. G. Iz istorii perepisi 1937 goda [From the history of the 1937 census] / A. G. Volkov // Vestnik statistiki [Bull. of Statistics]. – 1990. – № 8. – P. 45–56.
2. Volkov, A. G. Perepis' naseleniya SSSR 1937 goda: vymysly i pravda [The 1937 USSR Population Census: fiction and truth] / A. G. Volkov // Istoriya i materialy. Ekspres-informaciya. Seriya Istoriya statistiki [History and materials. Express information. Series History of statistics]. Issue 3–5, Part 2. – Moscow: Informcenter of the State Statistics Committee of the USSR. – 1990. – P. 6–63.
3. Danilov, V. P. Diskussii v zapadnoj presse o golode 1932–1933 gg. i «demograficheskoj katastrofe» 30–40-h godov v SSSR [Discussions in the Western press about the famine of 1932–1933 and the “demographic catastrophe” of the 1930–1940s in the USSR] / V. P. Danilov // Voprosy istorii [History issues]. – 1988. – № 3. – P. 116–121.
4. Sovremennaya rossijsko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR [Modern Russian-Ukrainian historiography of the famine of 1932–1933 in the USSR] / Sci. Ed. V. V. Kondrashin. – Moscow: ROSSPEN, 2011. – 471 p.
5. Andreev, E. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959] / E. Andreev, L. Darsky, T. Kharkova. – Moscow: Informatika, 1998. – 187 p.
6. Zhiromskaya, V. B. Osnovnye tendencii demokraticheskogo razvitiya Rossii v XX v [The main trends in the democratic development of Russia in the XX century] / V. B.

- Zhiromskaya. – Moscow: Kuchkovo pole, 2012. – 320 p.
7. Zelenin, I. E. O nekotoryh «belyh pyatnakh» zavershayushchego etapa sploshnoj kollektivizatsii [About some of the “white spots” of the final stage of continuous collectivization] / I. E. Zelenin // Problemy ustnoj istorii v SSSR [Problems of oral history in the USSR]. – Kirov: 1990. – P. 18–22.
 8. Naselenie Rossii v XX veke [The population of Russia in the XX century]: historical essays [in 3 vols.] / Ed. Yu. A. Pol'yakov. – Moscow: ROSSPEN, 2000. Vol. 1. 1900–1939. – 459 p.
 9. Baranov, E. Yu. Sovremennaya istoriografiya demograficheskoy istorii SSSR v 1930-e gg.: trend diskursa i aktual'nye problem [Modern historiography of the demographic history of the USSR in the 1930s: the trend of discourse and current problems] / E. Yu. Baranov // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bull.]. – 2014. – №3. – P. 70–79.
 10. Isupov, V. A. Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century. Historical and demographic essays] / V. A. Isupov. – Novosibirsk: Sibirskij hronograf [Siberian Chronograph], 2000. – 244 p.
 11. Polyan, P. M. Dvadcatoe stoletie: putem demograficheskikh katastrof [The twentieth century: through demographic catastrophes] / P. M. Polyan // Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii. Sto let peremen [A town and a village in European Russia. One Hundred years of change]: monographic collection. – Moscow: United Humanitarian Publ. House, 2001. – P. 33–62.
 12. Konkvest, R. Zhatva skorbi [The Harvest of Sorrow] / R. Konkvest // Voprosy istorii [History issues]. – 1990. – № 4. – P. 83–100.
 13. Devis, R. Gody goloda. Sel'skoe hozyajstvo SSSR, 1931–1933 [Years of famine. Agriculture of the USSR, 1931–1933] / R. Devis, C. Uitkroft. – Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya [Russian Political Encyclopedia], 2011. – 544 p.
 14. Uitkroft, S. O demograficheskikh svidetel'stvah tragedii sovetskoj derevni v 1931–1933 gg. [On demographic evidence of the tragedy of the Soviet village in 1931–1933] / S. Uitkroft // Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939]: Documents and materials. – Moscow: 2001. – Vol. 3. – P. 866–887.
 15. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000] / Ed. A. G. Vishnevsky. – Moscow: Novoe izdatel'stvo [New Publ.], 2006. – 608 p.
 16. Badmaeva, E. N. Demograficheskaya istoriya SSSR v 1920–1930 - e gg.: k probleme so-vremennoj istoriografii [Demographic History of the USSR in the 1920s - 1930s: on the problem of modern historiography] / E. N. Badmaeva // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura [The Caspian region: politics, economy, culture]. – 2020. – № 4. – P.15–21.
 17. Kulchitsky, S. Pochemu on nas unichtozhal? Stalin i ukrainskij Golodomor [Why was he destroying us? Stalin and the Ukrainian Holodomor] / S. Kulchitsky / Ed. L. Ivshin. – Kiev: Ukrainskaya press-gruppa [Ukrainian press-group], 2007. – 207 p.
 18. Ivnitsky, N. A. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov) [Collectivization and dispossession (early 1930s)] / N. A. Ivnitsky. – Moscow: Interpraks, 1994. – 267p.
 19. Ablazhei, N. N. Emigratsionnye posledstviya goloda nachala 1930-h gg. dlya Kazakhstana [Emigration consequences of the famine of the early 1930s for Kazakhstan] / N. N. Ablazhei // Istoriya stalinizma: krestyanstvo i vlast [The History of Stalinism: the peasantry and the government]: materials of Intern. Sci. Conf. Moscow. – 2011. – P. 198–205.
 20. Abylkhozhin, Zh. B. Kazakhstanskaya tragediya [The Kazakh tragedy] / Zh. B. Abylkhozhin, M. K. Kozybaev, M. B. Tatimov // Voprosy istorii [History issues]. – 1989. – № 7. – P. 65–67.
 21. Kozybaev, M. K. Aktual'nye problemy izucheniya Otechestvennoj istorii [Actual problems of studying Russian history] / M. K. Kozybaev // Materialy Nauchnoj sessii uchenyh Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan [Materials of the Scientific session of scientists of the Ministry of Science – Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. – Almaty, 1998. – 230 p.
 22. Zhiromskaya, V. B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzgl'yad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930s. A view of the unknown] / V. B. Zhiromskaya. – Moscow: ROSSPEN, 2001. – 277 p.
 23. Kondrashin, V. V. Metody i issledovatel'skie praktiki politizatsii i fal'sifika-cii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR, na postsovet'skom prostranstve i v sovremen-noj zapadnoy istoriografii [Methods and research practices of politicization and falsification of the famine of 1932–1933 in the USSR, in the post-Soviet space and in modern Western historiography] / V. V. Kondrashin // Istoriya sovremen-nosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom [The history of modernity: information resources, methods and research practices in Russia and abroad]: reports at the Intern. Sci. Pract. Conf. – Moscow: Russian Univ. of the Humanities, 2019. – P. 232–241.
 24. Kondrashin, V. V. Dokumenty rossijskikh arhivov o golode 1932–1933 gg. v SSSR [Documents of the Russian archives on the famine of 1932–1933 in the USSR] / V. V. Kondrashin // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. – 2010. – № 2. – P. 60–65.
 25. Nazarenko, N. N. Demograficheskie processy v Central'nom Chernozem'e Rossii v peri-od goloda 1932–1933 gg.: istoriografiya voprosa [Demographic processes in the Central Chernozem Region of Russia during the famine of 1932–1933: historiography of the issue] / N. N. Nazarenko, N. V. Korshunova, A. V. Bashkin // Bull. of South Ural State Univ. Series “Social and Humanitarian Sciences”. – 2023. – Vol. 23, № 2. – P. 47–56.

Информация об авторе:

Петаченко Григорий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: petakoff@yandex.ru)

Author:

Grigory A. Petachenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: petakoff@yandex.ru).

Для цитирования:

Петаченко, Г. А. Демографические процессы в СССР в период голода начала 1930-х годов: историография вопроса / Г. А. Петаченко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 92–97.

For citation:

Petachenko, G. A. Demographic processes in the USSR during the famine of the early 1930s: historiography of the problem / G. A. Petachenko // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 92–97.

Дата поступления статьи: 17.09.2024

Прошла рецензирование: 20.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 17.09.2024

Reviewed: 20.09.2024

Accepted: 12.12.2024

Старообрядческая семья в СССР как объект историко-демографического изучения в постсоветской русской историографии

К. А. Латышев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
Dzirtig@gmail.com

Аннотация

В статье осуществлен анализ изучения старообрядческой семьи в постсоветской историографии в рамках историко-демографического изучения. В постсоветской историографии наблюдается тенденция к расширению научных проблем, для решения которых изучается старообрядческая семья. Наиболее актуально это при изучении истории советского периода. Причина – в существенной и резкой трансформации общества. Закрытость и традиционность старообрядческого общества опирались на религиозный фактор. Выявление роли семьи в сохранении традиционности – одно из основных направлений изучения истории старообрядческой семьи в постсоветской историографии. Схожим образом изучается сохранение религиозности в условиях антирелигиозного давления; существование традиционного религиозного воспитания. Ввиду того, что институт семьи является одним из наиболее традиционных и наименее подверженных изменениям, весь спектр обнаруженных изменений обладает для исследователей существенной научной ценностью. Специфика трактовок выявленных изменений зависит от субъективных взглядов исследователей. Историография истории старообрядческой семьи отличается явно выраженной региональной спецификой. Она объясняется спецификой территориального проживания последователей старообрядчества и степенью изученности проблемы в различных регионах. В настоящее время отсутствуют обобщающие исследования, охватывающие всю территорию России. Вместе с тем существенной методологической разницы между региональными исследованиями не наблюдается. Отличия связаны преимущественно со спецификой исторической ситуации в конкретном месте и конкретный период. Такая историографическая ситуация повышает эффективность компаративного анализа при изучении истории старообрядчества.

Ключевые слова:

старообрядчество, постсоветская историография, история старообрядчества, старообрядчество в СССР, старообрядческая семья, историко-демографическое изучение

Old Believer family in the USSR as an object of historical and demographic study in post-Soviet Russian historiography

K. A. Latyshev

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk
Dzirtig@gmail.com

Abstract

The paper analyzes the study of the Old Believer family in post-Soviet historiography within the framework of historical and demographic research. In post-Soviet historiography, there is a tendency to expand the scientific problems for which the Old Believer family is studied. This is most relevant when studying the history of the Soviet period. The reason is a significant and abrupt transformation of society. The closed nature and traditionalism of the Old Believer society relied on the religious factor. Identifying the role of the family in preserving tradition is one of the main areas of studying the history of the Old Believer family in post-Soviet historiography. Similarly, the preservation of religiosity in the context of anti-religious pressure; the existence of traditional religious education are studied. Due to the fact that the institution of the family is one of the most traditional and least susceptible to change, the entire spectrum of the discovered changes has significant scientific value for researchers. The specificity of interpretations of the identified changes depends on the subjective views of the researchers. The historiography of the history of the Old Believer family is distinguished by clearly expressed regional specifics. This is explained by the specifics of the territorial residence of the followers of the Old Believers and the degree of study of the problem in different regions. At present, there are no general studies covering the entire territory of Russia. At the same time, there is no significant methodological difference between regional studies. The differences are associated primarily with the specifics of the historical situation in a particular place and in a particular period. Such a historiographic situation increases the effectiveness of comparative analysis in studying the history of the Old Believers.

Keywords:

Old Believers, post-Soviet historiography, history of the Old Believers, Old Believers in the USSR, Old Believer family, historical and demographic study

Старообрядчество – совокупность неунифицированных религиозных течений, сформировавшихся после разделения Русской православной церкви по итогам реформы 1660-х гг. Старообрядчество на протяжении всего периода своего существования представляло собой объединения верующих в многочисленные согласия и толки (объединения различного размера, основанные на специфике вероучительной и обрядовой практики), допускающие, в том числе, и кардинально разное трактование названных практик. Вместе с тем для последователей старообрядчества характерна высокая традиционность в социальной, религиозной, семейной и др. сферах жизни, что позволяет осуществлять широкие обобщения с определенным абстрагированием от специфики старообрядческого разделения по религиозным признакам.

Данный подход позволяет использовать обобщение «старообрядчество» в целом и «старообрядческая семья» в частности с необходимыми уточнениями о принадлежности объектов к конкретным старообрядческим течениям в случаях, когда религиозная принадлежность оказывает прямое влияние на специфику внутрисемейного или внутриобщинного положения конкретных индивидуумов или групп индивидуумов.

Старообрядческая семья является объектом научного исследования на протяжении длительного времени. Особой значимостью обладает ее изучение при анализе положения старообрядчества непосредственно в советский период. Причина роста значимости заключается в существенной и краткосрочной трансформации советского общества, частью которого являлись старообрядцы, проживающие на территории СССР.

Существенные изменения, происходящие в советском обществе, напрямую коснулись старообрядчества и оказали влияние на специфику положения семьи, которая оставалась ключевым элементом в сохранении традиционализма. Институт семьи наиболее существенно затронули изменения: в системе бракоразводных отношений; в системе школьного образования (так как для старообрядчества была характерна семейная школа); в религиозной сфере жизни общества. Выделение данных изменений осуществлено нами на основании наиболее изучаемых проблем, широко представленных в постсоветской историографии истории старообрядчества, наиболее точно передающих социальные изменения старообрядческого сообщества.

Вопросы старообрядческой миграции, являющиеся одними из наиболее значимых аспектов научного изучения положения старообрядчества в период Российской империи, в некоторой степени теряют актуальность при изучении старообрядчества советского периода. Причина в существенном уменьшении масштабов миграции, ввиду распространения советской власти и укрепления местной власти в регионах, что оказало влияние на внутреннюю миграцию. Ограничения, вызванные данными изменениями, отразились в специфике деятельности старообрядческой семьи, что отразилось в специфике сохранения религиозно-культурных традиций, ввиду существенного снижения возможности «бегства» от давления государства.

В настоящее время отсутствуют обобщающие исторические исследования истории старообрядчества советского периода в территориальных рамках СССР либо современной Российской Федерации. В постсоветской российской исторической науке изучение истории старообрядчества осуществляется на региональном уровне, существенное накопление конкретно-исторического материала нашло отражение в значительном объеме научных текстов. Так, в качестве примера можно привести ряд актуальных монографий, в которых ясно прослеживается региональный характер осуществляемых исследований. На уровне монографий четко отражается исследовательский акцент на места компактного проживания старообрядчества.

В первую очередь, это Байкальский регион (в рамках современных Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края), представленный широким рядом монографий: Куприяновой И. В. «Старообрядцы Алтая в первой трети XX в.» (2010), «Старообрядцы Алтая в период радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX вв.)» (2021) [1, 2]; Васильевой С. В. «Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники» (2010) [3]; Пыкина В. М. «От Ветки до Забайкалья: очерки истории и родословные семейских» (2019) [4]; Кострова А. В. «Старообрядчество Байкальской Сибири в “переходный” период отечественной истории (1905–1930-е гг.)» (2010); [5], за тем же авторством «Старообрядчество Прибайкалья» (2019) [6]. Подобная публикационная активность связана не только с существенным количеством исторического материала в рамках данного региона, но и особым статусом региона для истории старообрядчества, именно он был «одним из основных регионов – трансляторов традиций старообрядчества» [7, с. 8], что отметила Васильева С. В. в монографии «Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII–XX вв.)» [7].

Существенна историография истории старообрядчества Урала как другого региона, для которого характерно компактное проживание старообрядчества. Исследовательская деятельность на материалах данного региона может быть представлена монографиями. Белобородова С. А. и Боровик Ю. В., публикующие свои исследования как совместно: «Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII–начала XX в.» (2017) [8], так и индивидуально: Боровик Ю. В.: «Старообрядцы уральского города во второй половине XIX–начале XX вв.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга» (2019) [9]; «Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927)» (2019) [10].

Иные регионы не имеют столь широкого отражения на уровне монографий. Советский период в них может затрагиваться лишь частично или только определенный его этап, зачастую обладающий особой спецификой. В качестве примера можно использовать труды таких ученых, как А. В. Апанасенок («Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII–начале XX века» (2016) [11]), А. А. Машковцев («Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX–начале

XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью» (2015) [12]), В. В. Власова («Старообрядческие группы Коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни» (2010) [13]), или коллективную монографию «Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от "золотого века" до военного лихолетья» (2019) за авторством М. В. Кочергиной, В. В. Дзюбана, А. В. Третьякова [14].

Представить исчерпывающий перечень монографий не представляется возможным, однако данное обобщение позволяет говорить о широком региональном изучении истории старообрядчества в постсоветской российской историографии и подчеркивает существенный объем конкретно-исторических исследований истории старообрядчества, посвященных советскому периоду. Изучение старообрядческой семьи является одним из исследуемых аспектов, отражаемых в рамках специфики конкретных исследований. Особой значимостью для анализа специфики изучения истории старообрядческой семьи обладают узкотематические научные статьи, в которых акцентированно анализируется положение старообрядческой семьи в советский период и историографическое обобщение таковых.

А. П. Веселовой был осуществлен историографический обзор исследовательских практик при изучении старообрядческой семьи [15]. Исследователем не осуществлялся отдельно анализ постсоветской историографии, вместе с тем ценностью обладает выявление этнографического, юридического и социологического подходов к изучению старообрядческой семьи. Большим методологическим значением обладает статья И. В. Куприяновой «Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта» [16] ввиду всестороннего подхода к изучению старообрядческой семьи как необходимой для ценностной опоры в условиях трансформации старообрядческого сообщества и, соответственно, трансформации функционального значения института семьи. С точки зрения автора, И. В. Куприянова раскрыла социологический подход, выделенный А. П. Веселовой в качестве перспективного (на 2007 г.), сохранив фокус внимания на старообрядческой семье советского периода сквозь ее связи с внешним миром (как с общиной, так и с «не старообрядческим» социумом). Одним из важных аспектов, выделенных И. В. Куприяновой, являлась конфессиональная однородность. Вопрос конфессиональной однородности семьи подробно рассматривался В. В. Власовой на примере коми старообрядчества [13, 17]. Специфика хронологических рамок исследования (XIX–XX вв.), а также минимум информации о довоенном положении старообрядчества в данном регионе не позволяют автору акцентированно отразить процесс трансформации старообрядческой семьи в довоенный период существования старообрядчества в СССР. В то же время В. В. Власовой приведены примеры семей, в которых муж и жена придерживаются разных религиозных убеждений, и прослеживается процесс становления такого типа семейных взаимоотношений, считающихся нетрадиционными для старообрядчества, и зачастую наблюдающийся

исследователями непосредственно с первой трети XX в. Однако в представленных региональных исследованиях ключевым аспектом выступает религиозная специфика деятельности семьи в качестве самостоятельного объекта изучения, а не как механизм отражения изменений, характерных для советского периода в истории старообрядчества.

Л. Н. Мукаева в статье «Старообрядческая семья Южного Алтая в ее историко-социальном развитии» [18] сформулировала существенное отличие досоветской и постсоветской историографии, посвященной истории старообрядческой семьи: «В досоветский период истории основное внимание уделяли изучению сословий российского общества, а также общине как важнейшему инструменту социальной жизни. Крестьянская семья если и рассматривалась, то только как отдельная хозяйственная единица внутри системы общинных отношений» [там же, с. 87]. Данное уточнение позволяет достаточно точно отразить специфику изменений постсоветского периода, когда на первое место выходят широкий перечень социальных функций семьи и отражение через семью изменений в жизни регионального сообщества. Корректно сказать, что специфика изучения семьи в постсоветской исторической науке соответствует определению, представленному Л. Н. Мукаевой: «Семья предстает маленьким зеркалом большого общества» [там же]. Необходимо отметить научную новизну соотношений семей Южного Алтая с кембриджской классификацией семей А. Ласлета и ее русских вариаций. С учетом широких хронологических рамок, включающих как «имперский», так и «советский» периоды материал позволяет проследить формальные изменения в типе принятых отношений в условиях специфики региона в условиях длительных миграций. Несмотря на то, что Южный Алтай не может рассматриваться как «типичный» внутрисоветский регион, большой ценностью обладают примеры соотношений сущности брачных связей с религиозной парадигмой. Л. Н. Мукаева подчеркивает, что материальные и социальные факторы в условиях снижения значения религиозных факторов обретают большее значение в модели семьи и, соответственно, снижают уровень автократии патриарха. Она же делает отдельный акцент на том, что это специфика изучаемого региона. Вместе с тем, мы считаем нужным отметить, что подобная ситуация широко представлена в постсоветской историографии при анализе специфики изменений социального взаимодействия в старообрядческой семье советского периода.

В. А. Есипова и А. Я. Яковлев, рассматривая историю старообрядческой семьи, проживавшей на территории Алтая, а в 1930-х гг. сосланной в Томскую область [19], по материалам сохранившихся семейных рукописей выявили ряд уникальных сведений как о старообрядческой миграции внутри государства в рамках административного воздействия, так и о специфике внутрисемейного восприятия данных событий. Особой научной ценностью данная статья обладает ввиду того, что в ней представлено изучение редкого исторического источника – позднесоветских старообрядческих рукописей (написанных в районе 1980-х гг.). Записки Евдены Фотеевой представляют ряд

редких свидетельств о периоде изменений старообрядческого традиционализма в СССР в довоенный период. Так, именно она являлась главой семьи, несмотря на то, что соблюдала все старообрядческие традиции (старообрядческие посты, ежедневные моления и традиционную одежду, классическое для кержаков разделение посуды на свою и никонианскую (у старообрядцев байкальского региона широко представлена традиция разделять посуду из которой можно потреблять пищу, для неверующих, православных и даже старообрядцев других течений зачастую выделялась отдельная посуда. Данная традиция широко известна, но характерна не для всего старообрядческого сообщества – К. Л.), при всем этом «Евдинья обладала правом решающего голоса при решении семейных вопросов» [19, с. 69]. Ее муж, также старообрядец, не отличался столь детальным следованием старообрядческой традиции. Данная ситуация, что широко подчеркивается исследователями, является нестандартной лишь при соотношении ее с практикой брачных отношений в истории старообрядчества, при межрегиональных сравнениях подобные примеры (когда женщина в семье глубоко религиозна, а мужчина от религиозных функций абстрагируется в определенной степени) встречаются широко. Версия, объясняющая их распространение, достаточно подробно описана в исследовании И. В. Куприяновой [16], мы лишь отметим, что это часть старообрядческого традиционализма, в рамках которого воспитанием, в том числе и трансляцией религиозных норм и обычаев занималась именно женщина, что в условиях существенного советского антирелигиозного давления коренным образом изменено не было.

Наряду со значимыми социальными изменениями В. А. Есипова и В. А. Яковлев отразили еще один значимый аспект – восприятие данной семьи местными старообрядцами. Ведя речь о советском периоде и бытовых взаимоотношениях между детьми, исследователи транслируют детские воспоминания о том, какие были в ходу дразнения: «Сибиряк – с печки бряк!», – а те им в ответ: «Поляк – с печки бряк!» [19, с. 73]. Специфика этноконфессионального разделения старообрядчества на Алтае и в байкальском регионе подробно освещена на уровне монографий и научных статей в исследованиях Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольниковой, И. В. Куприяновой, А. В. Кострова, Н. А. Старухина и др., в рамках данной статьи нет возможности для детального погружения в вышеуказанную проблему. Необходимо подчеркнуть, что самоидентификация, один из примеров которой был нами ранее приведен из практики взаимоотношения детей, также осуществлялась на основании специфики семейного воспитания. В. А. Есипова и А. Я. Яковлев отмечают, что несмотря на арест (раскулачивание в 1930-м г.) и ссылку в доме Яковлевых систематически осуществлялись религиозные действия среди старообрядцев не только конкретного поселения, но и региона, несмотря на то, что речь идет о периоде 1930–1950-х гг. Представленное исследование не совсем корректно относить к «специализированным» или тематическим в аспекте изучения семьи, однако специфика отраженного авторами материала в полной мере соответствует современной, постсоветской тенденции и измене-

нию фокуса внимания на социальную функцию семьи, на ее изменение и отражаемые через нее изменения в старообрядческом сообществе. В том числе и те, которые были прямо выражены государственным давлением. В контексте данной ситуации представляет интерес одно из положений, представленных в статье Н. В. Абаева и О. В. Жукова, опубликованной на английском языке в 2018 г. [20], в рамках которой они подчеркивают, что благодаря сильному внешнему давлению старообрядческая культура сохранилась в своем многообразии [там же, с. 1182]. Данный посыл касается периода существования старообрядчества в Российской империи, однако он представляется важным, ввиду того, что одной из функций семьи в советский период являлись сохранение старообрядческой идентичности и формирование основы для самоидентификации в условиях внешнего давления, несмотря на то, что его специфика, по сравнению с имперским периодом, существенно изменилась.

Вопрос государственного давления (в данной ситуации под государственным давлением мы понимаем как репрессивные действия, так и механизмы, запрещающие традиционные религиозные стороны жизни, такие как закрытия церквей, разделение школы и церкви и др.) остается одним из центральных в рамках исследований, посвященных истории старообрядчества, что косвенно подтверждается тематикой представленных в данной статье российских региональных монографий. Вместе с тем изменения в традиционном быте и практиках старообрядческой семьи – важный фактор, используемый в качестве маркера изменений в сверхкоротких хронологических рамках. Так, М. П. Наговицына, анализируя положение старообрядчества в Кировской области, подчеркивала широкие отступления от традиции, в том числе и иницируемые старообрядческими женщинами, например: «... несмотря на сопротивление новой власти, большинству местных старообрядческих обществ со временем пришлось принять правила жизни, продиктованные сверху. Староверы вспоминают: "Времена ведь менялись... Пионерия – Бога нет, комсомол – Бога нет. Мама наша это понимала и не навязывала нам молиться. И мы даже как-то молиться перестали"» [21, с. 28]. Кроме этого, исследователем были отмечены механизмы, вызвавшие относительную популяризацию советской культуры в старообрядческих поселениях Вятского края, а именно «создание новой культурной инфраструктуры (избы-читальни, клубы, радиофикация» [там же].

Мы считаем необходимым уточнить, что описанные действия советской власти в настоящее время по-разному оцениваются исследователями. Представленная М. П. Наговицыной трактовка, т. е. использование достижений технического прогресса и новых культурных форм с целью «популяризации» советской культуры в старообрядческой среде, дополняется иной формой. Аналогичные действия советской власти могут рассматриваться как инструмент советской пропаганды и, в частности, антирелигиозной политики, которые намеренно используются (в том числе) и для разрушения замкнутой традиционной общины. Подобные трактовки чаще встречаются в исследованиях, на-

правленных на изучение принципов государственно-старообрядческих взаимоотношений, нежели при изучении статуса и деятельности традиционной семьи. Необходимо подчеркнуть, что данные исследования также имеют собственную доказательную базу, элементом которой являются статистические сведения о количестве старообрядцев в конкретных регионах, а также о количествах старообрядцев и отдельных представителей старообрядческого сообщества (уставщиков, начетчиков и др.), подвергнутых советским репрессиям. Такой поход автор отмечает преимущественно в исследованиях, посвященных периоду 1920–1930-х гг., когда происходят становление советской антирелигиозной политики и наиболее активный этап репрессивной деятельности в отношении религиозной части населения. Более подробно проблема отождествления антирелигиозной агитации и пропаганды и антирелигиозных репрессий отражена автором в соответствующей публикации [22].

Практика сохранения идентичности и старообрядческого традиционализма непосредственно в условиях внешнего давления через изучение семьи – часть современной историографической традиции. Акценты, расставляемые исследователем, вытекают из конкретной региональной ситуации и, в определенной степени, из собственного исследовательского опыта автора. Ввиду чего, отмеченные нами ранее противоречия в исследовательских подходах к сопротивлению административному давлению не следует рассматривать с позиции критики. А. А. Рублева на основании серии экспедиций проанализировала сохранение традиционализма на примере выходцев из дер. Макурино (Кемеровская обл.) [23]. Используя этнический (этнокультурный) подход к пониманию идентичности, при осуществлении исследования особое внимание уделялось самоидентификации местного населения. Примечательно, что информанты осуществляли идентификацию, обращаясь к практике семейного традиционализма и отслеживаемой истории рода. Общинность (т. е. непосредственно фактор взаимодействия между родами) отмечалась на акцентах религиозной деятельности (к примеру, подпольное обучение детей старославянскому языку в период советской власти и т. д.), связанных со спецификой старообрядческой веры. А. А. Рублева отмечала, что информанты помнили многие кержащие традиции, однако в период 1950–1970-х гг. на практике отказались от определенных традиционных убеждений, в частности, в рамках бракоразводного процесса и обиденной жизни. Представляет определенный интерес описание причины «нестарообрядческого» воспитания, которой информанты называли «запрет на религию в советское время, контроль над которым осуществлялся на уровне школы» [там же, с. 924], что соответствует достаточно широкому отражению социальных факторов, влияющих на трансляцию идентичности через семью, но нарушаемую социальной средой жизни подрастающего поколения.

Старообрядческая семья советского периода на протяжении длительного времени является объектом историко-демографического изучения. В постсоветской исторической науке сформировано относительно новое направление изучения старообрядческой семьи. Оно

заключается в изучении изменений в положении и традиционализме старообрядческой среды, которые будут фактором, отражающим трансформацию старообрядческого сообщества в условиях советской специфики. Данный аспект редко является центральным в осуществляемых исследованиях, вместе с тем он широко используется в работах, которые посвящены старообрядческому традиционализму, взаимоотношениям советской власти и старообрядческих общин, административному и репрессивному воздействию советской власти на последователей старообрядчества. В то же время необходимо подчеркнуть, что специфика включения данного исторического материала в исследовательскую деятельность зависит от исследователя парадигмы автора и его субъективных взглядов на исторический процесс. Несмотря на это, изучение истории старообрядческой семьи можно считать одной из современных исследовательских тенденций, расширение которой наблюдается в исторической науке. Корректно говорить не только о количественном росте исследований, объектом изучения которых в той или иной степени является старообрядческая семья, но и о существенном росте исследуемых проблем, решение которых осуществляется через изучение специфики истории функции семьи в жизни старообрядческого сообщества. Ярко выраженный региональный характер исследований, посвященных старообрядческой семье, вытекает из регионального уровня изучения старообрядчества в целом, который характерен для постсоветской исторической науки.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Куприянова, И. В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX века / И. В. Куприянова. – Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2010. – 247 с.
2. Куприянова, И. В. Старообрядцы Алтая в период радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века) / И. В. Куприянова. – Барнаул : Алтайский государственный институт культуры, 2021. – 273 с.
3. Васильева, С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 202 с.
4. Пыкин, В. М. От Ветки до Забайкалья: очерки истории и родословные семейских / В. М. Пыкин. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2019. – 200 с.
5. Костров, А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.) / А. В. Костров. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2010. – 443 с.
6. Костров, А. В. Старообрядчество Прибайкалья / А. В. Костров. – Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2019. – 56 с.
7. Васильева, С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII–XX вв.) / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 231 с.

8. Белобородов, С. А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII–начала XX в. / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. – 382 с.
9. Боровик, Ю. В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX в.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга / Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 448 с.
10. Боровик, Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927) / Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. – 212 с.
11. Апанасенок, А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII–начале XX века / А. В. Апанасенок. – Москва: НИЦ ИНФРА-М — 2016. – 397 с.
12. Машковцев, А. А. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX–начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью / А. А. Машковцев, В. В. Машковцева. – Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – 219 с.
13. Власова, В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни / В. В. Власова. – Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2010. – 172 с.
14. Кочергина, М. В. Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от «золотого века» до военного лихолетья / М. В. Кочергина, В. В. Дзюбан, А. В. Третьяков. – Брянск : Консорциум «Аверс», 2019. – 312 с.
15. Веселова, А. П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор / А. П. Веселова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300–3. – С. 52–54.
16. Куприянова, И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта / И. В. Куприянова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 326–330.
17. Власова, В. В. Семья и брак в старообрядческих общинах коми в конце XIX–XX вв. / В. В. Власова // Историческая демография. – 2010. – № 1(5). – С. 57–63.
18. Мукаева, Л. Н. Старообрядческая семья Южного Алтая в ее историко-социальном развитии / Л. Н. Мукаева // Этносоциальные процессы в Сибири : Тематический сборник: материалы VII Международного семинара, Горно-Алтайск, 30 июня – 02 июля 2003 года. Том Выпуск 6. – Новосибирск : Издательско-полиграфический дом «Нонпарель», 2004. – С. 87–90.
19. Есипова, В. А. История одной крестьянской семьи и старообрядческие рукописи конца XX века: из недавних поступлений в Научную библиотеку Томского университета / В. А. Есипова, Я. А. Яковлев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 4 (10). – С. 69–98.
20. Abaev, N. V. Historiography of the Old Belief and Researchers Coming from the Old Believers in the Baikal Region / N. V. Abaev, O. V. Zhuk // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, No. 8. – P. 1174–1187. – DOI 10.17516/1997-1370-0300.
21. Наговицына, М. П. Старообрядческие семьи в период исторических событий начала XX в. (по материалам Кировской обл.) / М. П. Наговицына // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России) : материалы XVI Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений, Санкт-Петербург, 05–14 декабря 2017 года / отв. науч. ред.: В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. – Санкт-Петербург : Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, 2017. – С. 26–30.
22. Латышев, К. А. Историография политики Советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества / К. А. Латышев // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 74–84. – DOI 10.33581/2520-6338-2021-2-74-84
23. Рублева, А. А. Потомки старообрядцев деревни Макурино: практика сохранения идентичности (по материалам полевых исследований 2022 года) / А. А. Рублева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2022. – Т. 28. – С. 921–926. – DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0921-0926.

Referens

1. Kupriyanova, I. V. Staroobryadcy Altaya v pervoj tretej XX veka [The Old Believers of Altai in the first third of the XX century] / I. V. Kupriyanova. – Barnaul: Altai State Academy of Culture and Arts Publ., 2010. – 247 p.
2. Kupriyanova, I. V. Staroobryadcy Altaya v period radikal'noj transformacii rossijskogo obshchestva (konets XIX – pervaya tret' XX veka) [The Old Believers of Altai in the period of radical transformation of Russian society (the end of the XIX – first third of the XX century)] / I. V. Kupriyanova. – Barnaul: Altai State Inst. of Culture, 2021. – 273 p.
3. Vasilyeva, S. V. Gosudarstvennaya konfessional'naya politika po otnosheniyu k staroobryadchestvu v Bajkal'skom regione XVII–XXI vv.: istoriografiya i istochniki [State Confessional Policy towards Old Believers in the Baikal region of the XVII–XXI centuries: historiography and sources] / S. V. Vasilyeva. – Ulan-Ude : Buryat Sci. Centre, Siberian Branch, RAS, Publ. House, 2010. – 202 p.
4. Pykin, V. M. Ot Vetki do Zabajkal'ya: ocherki istorii i rodoslovnye semejskih [From Vetka to Transbaikalia: essays on the history and pedigrees of the Semeyskys] / V. M. Pykin. – Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2019. – 200 p.
5. Kostrov, A. V. Staroobryadchestvo Bajkal'skoj Sibiri v "perekhodnyj" period otechestvennoj istorii (1905–1930–eg.) [The Old Believers of Baikal Siberia in the "transitional" period of national history (1905–1930s)] / A. V. Kostrov. – Irkutsk: Irkutsk State Univ., 2010. – 443 p.
6. Kostrov, A. V. Staroobryadchestvo Pribajkal'ya [The Old Believers of the Baikal Region] / A. V. Kostrov. – Irkutsk: "Ottisk Publishing House" LLC, 2019. – 56 p.

7. Vasilyeva, S. V. Vlast' i staroobryadcy Zabajkal'ya (XVII–XX vv.) [The government and the Old Believers of Transbaikalia (XVII–XX centuries)] / S. V. Vasilyeva. – Ulan-Ude: Buryat State Univ. Publ. House, 2007. – 231 p.
8. Beloborodov, S. A. Starovery gornozavodskogo Urala: stranicy istorii soglasiya beglopopovcev/chasovennykh XVIII – nachala XX v. [Old Believers of the Ural Mining and Metallurgical Region: pages of the history of the Beglopopovtsy/Chasovenny Consent of the XVIII–early XX centuries] / S. A. Beloborodov, Yu. V. Borovik. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. House, 2017. – 382 p.
9. Borovik, Yu. V. Staroobryadcy ural'skogo goroda vo vtoroj polovine XIX– nachale XX v.: konfessional'noe soobshchestvo i sem'ya Ekaterinburga [The Old Believers of the Ural town in the second half of the XIX–early XX century: the confessional community and the family of Ekaterinburg] / Yu. V. Borovik. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. House, 2019. – 448 p.
10. Borovik, Yu. V. Staroobryadchestvo Urala i Zaural'ya na perelome epok (1905–1927) [Old Believers of the Urals and Trans-Urals at the turn of the epochs (1905–1927)] / Yu. V. Borovik. – Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Eltsin, 2019. – 212 p.
11. Apanasenok, A. V. Religioznyj tradicionalizm v provincial'noj Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Central'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of Old Believer communities in the Central Black Earth Region in the XVII–early XX centuries] / A. V. Apanasenok. – Moscow: Research Center INFRA-M, 2016. – 397 p.
12. Mashkovtsev, A. A. Staroobryadcy i sektanty Vyatskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoj cerkov'yu [Old Believers and Sectarians of Vyatka province in the second half of the XIX – early XX century: relations with regional authorities and the Orthodox Church] / A. A. Mashkovtsev, V. V. Mashkovtseva. – Kirov: "Raduga-PRESS" LLC, 2015. – 219 p.
13. Vlasova, V. V. Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obryadovoj zhizni [Old Believer groups of Komi: confessional features of social and ceremonial life] / V. V. Vlasova. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 172 p.
14. Kochergina, M. V. Starodube i Vetka v istorii i kul'ture russkogo staroobryadchestva (1905–1930 gg): deyatelnost' obshchin ot "zolatogo veka" do voennogo liholet'ya [Starodube and Vetka in the history and culture of Russian Old Believers (1905–1930): the activities of communities from the "golden age" to the hard times of war] / M. V. Kochergina, V. V. Dzyuban, A. V. Tretyakov. – Bryansk: Consortium "Avers", 2019. – 312 p.
15. Veselova, A. P. Issledovatel'skie praktiki pri izuchenii staroobryadcheskoj sem'i: istoriograficheskij obzor [Research practices in the study of the Old Believer family: a historiographical overview] / A. P. Veselova // Bull. of Tomsk State Univ. – 2007. – № 300–3. – P. 52–54.
16. Kupriyanova, I. V. Staroobryadcheskaya sem'ya: religiozno-kul'turnaya dominanta [The Old Believer family: a religious and cultural dominant] / I. V. Kupriyanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]. – 2013. – № 4(41). – P. 326–330.
17. Vlasova, V. V. Sem'ya i brak v staroobryadcheskikh obshchinah komi v konce XIX–XX vv. [Family and marriage in the Old Believer communities of Komi at the end of the XIX–XX centuries] / V. V. Vlasova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2010. – № 1(5). – P. 57–63.
18. Mukaeva, L. N. Staroobryadcheskaya sem'ya Yuzhnogo Altaya v ee istoriko-social'nom razvitii [The Old Believer family of the Southern Altai in its historical and social development] / L. N. Mukaeva // Etnosocial'nye processy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]: A thematic collection: materials of the VII Intern. Seminar, Gorno-Altaysk, June 30 – July 02, 2003. Issue 6. – Novosibirsk: Publishing and printing house "Nonpareil", 2004. – P. 87–90.
19. Esipova, V. A. Istoriya odnoj krest'yanskoj sem'i i staroobryadcheskie rukopisi konca XX veka: iz nedavnykh postuplenij v Nauchnyy biblioteku Tomskogo universiteta [The history of a peasant family and Old Believer manuscripts of the end of the XX century: from recent additions to the Scientific Library of Tomsk University] / V. A. Esipova, Ya. A. Yakovlev // Tomsk J. of Linguistic and Anthropological Research. – 2015. – № 4(10). – P. 69–98.
20. Abaev, N. V. Historiography of the Old Belief and researchers coming from the Old Believers in the Baikal Region / N. V. Abaev, O. V. Zhuk // J. of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, No. 8. – P. 1174–1187. – DOI 10.17516/1997-1370-0300.
21. Nagovitsyna, M. P. Staroobryadcheskie sem'i v period istoricheskikh sobytij nachala HKH v. (po materialam Kirovskoj obl.) [Old Believer families in the period of historical events of the early XX century (case study of the Kirov region)] / M. P. Nagovitsyna // Ethnocultural processes in a multinational state (to the 100th anniversary of the 1917 Revolution in Russia): Materials of the 16-th Intern. St. Petersburg Ethnographic Readings, St. Petersburg, December 05–14, 2017 / Russian Ethnographic Museum; Sci. Eds. V. M. Grusman, E. E. Gerasimenko. – St. Petersburg: Publishing and Printing Center of St. Petersburg University of Technology and Design, 2017. – P. 26–30.
22. Latyshev, K. A. Istoriografiya politiki Sovetskogo gosudarstva 1929–1939 gg. v otnoshenii staroobryadchestva [Historiography of the policy of the Soviet state in 1929–1939 in relation to the Old Believers] / K. A. Latyshev // J. of Belarusian State Univ. History. – 2021. – № 2. – P. 74–84. – DOI 10.33581/2520-6338-2021-2-74-84
23. Rubleva, A. A. Potomki staroobryadcev derevni Makurino: praktika sohraneniya identichnosti (po materialam polevykh issledovanij 2022 goda) [Descendants of the Old Believers of the village of Makurino: the practice of preserving identity (based on the materials of field research in 2022)] / A. A. Rubleva // Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. – 2022. – Vol. 28. – P. 921–926. – DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0921-0926.

Информация об авторе:

Латышев Кирилл Алексеевич – научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси. <https://orcid.org/0000-0001-6886-0910> (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1; e-mail: Dzirtig@gmail.com).

Author:

Kiryl A. Latyshev – Researcher at the Center for General History, International Relations and Geopolitics at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-6886-0910> (1, Akademicheskaya st., Minsk 220072, Republic of Belarus; e-mail: Dzirtig@gmail.com).

Для цитирования:

Латышев, К. А. Старообрядческая семья в СССР как объект историко-демографического изучения в постсоветской российской историографии / К. А. Латышев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 98–105.

For citation:

Latyshev, K. A. Old Believer family in the USSR as an object of historical and demographic study in post-Soviet Russian historiography / K. A. Latyshev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10 (76). – P. 98–105.

Дата поступления статьи: 23.09.2024

Прошла рецензирование: 25.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 23.09.2024

Reviewed: 25.09.2024

Accepted: 12.12.2024

История Коми в XVIII–начале XX века. 8–9 классы: учебное пособие для общеобразовательных организаций Республики Коми / под общей редакцией д-ра ист. наук И. Л. Жеребцова. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023. – 234 с.

History of Komi in the XVIII–early XX centuries. Grades 8–9: a textbook for educational organizations of the Komi Republic. Under the general editorship of Dr. Sci. (History) I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2023. – 234 p.

В последние годы мы наблюдаем усиление внимания к истории малой родины в школе. Во многом это вызвано тем, что в российское образование начинает возвращаться воспитательная функция. А одним из главных составляющих этого процесса является воспитание гражданственности и патриотических чувств у подрастающего поколения. Именно поэтому для образовательной системы важным направлением становится историческое краеведение. Ведь любовь и уважение к родине начинаются с любви к своему селу, городу... А чтобы любить родной край, нужно знать его историю, знать известных в регионе людей, внесших в развитие республики свой вклад, вклад, который уважаем потомками.

Таким образом, историческое краеведение играет значительную роль в становлении личности с активной гражданской позицией. Оно способствует воспитанию патриотизма, любви к родному краю, формированию общественного сознания. К тому же знание прошлого и настоящего республики важно для участия в ее современном преобразовании. Однако при этом нельзя забывать и о том, что малая родина – это частица родины большой. История родного края и история России тесно взаимосвязаны, история родного края всегда опирается на историю страны. Такой подход, вне всякого сомнения, способствует воспитанию уважения к истории, культуре и языкам народов нашей страны, развитию практики межэтнических отношений.

Конечно, интерес к краеведческой тематике существовал всегда. Но долгое время в рамках различных уровней образования: от начального до высшего не было учебного предмета, посвященного истории родного края. В начале 2000-х гг. разрабатывались подобные программы, даже рекомендации по преподаванию предмета «краеведение», учебно-методические комплексы, учебники. У нас в республике в тот период был создан учебник по истории Коми. Это учебное пособие вышло из печати более двух десятилетий назад, и во многом несло на себе явную печать конъюнктуры того времени [1].

Но в школьную практику этот предмет так и не вошел. Поэтому интерес к истории малой родины во многом удовлетворялся за счет учителей-энтузиастов, которые занимались этими вопросами и рассказывали своим воспитанникам об истории родного края в рамках внеурочной деятельности или же дополнительных развивающих программ.

Положение изменилось в ноябре 2022 г., когда Президент России дал поручение ввести в общий курс истории

изучение истории родного края. На встрече с историками и представителями традиционных религий России было отмечено: «История страны должна начинаться с истории семьи, деревни, города» [2].

Таким образом, было поддержано предложение педагогической общественности сделать системными уроки по истории родного края в школах во всех регионах страны. Председатель правления Российского исторического общества К. Могилевский тогда же заявил о важности подготовки для каждого региона приложения к историко-культурному стандарту и затем на их основе создать учебники [3].

Предложение получило развитие в 2023 г., когда Министерство просвещения озвучило необходимость включать элементы истории родного края на уроках при рассмотрении ключевых событий и процессов отечественной истории. Речь шла и о важности создания региональных учебников.

Однако на сегодняшний день только в 31 регионе страны выстроена модель преподавания региональной истории. Ученые пособия разработаны в 58 регионах, но учебники – только в двух [4].

Между тем, в Министерстве просвещения принято решение, согласно которому с 1 сентября 2025 г. в школах страны появится урок «История нашего края». Новое занятие станет дополнительным модулем предмета «История», который будут изучать ученики 5–7-х классов.

Авторы проекта полагают, что изучение истории родного края не только даст ученикам необходимые знания, но и добавит возможность гордиться своей малой родиной, а также сформирует уважительное отношение к разнообразию национальных и этнических ценностей и религий [5].

Естественно, такое предложение прозвучало не на пустом месте. Подготовка к введению краеведческого курса велась во многих регионах страны. Более 30 областей и республик России получили федеральную поддержку на создание учебников по истории родного края. Эта работа велась и ведется при активном сотрудничестве местных ученых, краеведов, вузовских и школьных педагогов.

Шла подобная работа и в Коми республике. Свидетельство этому – первая часть учебника по истории Коми края, охватившая период с древнейших времен до конца XVII столетия [6]. Но, естественно, этого недостаточно. Необходимы были пособия по истории родного края, которые были бы доведены до сегодняшнего дня.

И поэтому выход в свет учебного пособия по истории Коми края, освещающего период с XVIII–начала XX столетий, знаменует продолжение этой важной работы.

Издание подготовлено группой сыктывкарских ученых. Примечательно, что в отличие от первой части учебника по истории Коми, в авторский коллектив вошли, помимо известных педагогической общественности исследователей из Коми научного центра УрО РАН (И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев, В. Э. Шарапов), и представители вузовской науки (О. Е. Бондаренко, Е. В. Поляков и др.). Это позволило не только учесть опыт новых научных открытий ученых и краеведов, сделанных в последние годы, но и значительно усовершенствовать методический аппарат пособия.

Действительно, мы видим, что авторы обстоятельно продумали методическое обеспечение учебной книги. Дабы способствовать появлению интереса к истории малой родины и помочь должному усвоению учебного материала, главы и параграфы наделены вопросами и заданиями для повторения. Имеется и список рекомендуемой литературы, и перечень важнейших исторических дат. Хотя список, наверное, нуждается в серьезной доработке и расширении. Ведь многие, прежде всего, академические и справочные издания, в нем отсутствуют [7].

Надо отметить и должное полиграфическое исполнение книги: хорошая бумага, значительное количество карт, иллюстраций (в том числе и цветных) и т. д. Такой методический прием, когда учебный материал дополнен иллюстративным, серьезно облегчает восприятие и усвоение информации. Хотя здесь авторам пособия можно предъявить и некоторые претензии. Так, ряд иллюстративного материала так мал, что учащимся будет весьма сложно понять, как они связаны с текстом пособия. К тому же, некоторые иллюстрации имеют весьма опосредованное отношение к излагаемому материалу. Важно и чтобы книга (тем более учебник) была «одета» в твердую (а не «мягкую, как данное издание) обложку (надо учитывать, что школьники далеко не всегда бережно относятся к учебникам).

Но главное в любой книге – это все же содержание. И здесь надо отметить, что помимо хорошего исполнения, учебник содержит богатый и интересный материал по истории народа коми с XVIII в. до начала XX столетия. Причем многие темы, представленные в книге, ранее слабо освещались в подобного рода изданиях: история заводов, торговли, церкви, развития народного образования, дореволюционных политических партий в Коми крае и т. д.

Учащиеся получают представление об этнографии, повседневной жизни, участии представителей народа коми в военных конфликтах царской России и т. д.

В отличие от первой части пособия, продолжение включает мимолетные портреты людей, сыгравших значительную роль в истории коми народа. И это правильно, ведь история не может быть обезличена, она состоит из действий людей. И вот теперь мы видим их в тексте. Хотя здесь авторам надо было бы строже учитывать хронологические рамки издания. Вряд ли стоило в данной книге говорить о деятельности П. Сорокина. Ведь собственно до 1917 г. (а это одна из крайних дат пособия) он ничем примечательным (кроме учебы в Санкт-Петербурге) себя еще не проявил.

Надо упомянуть и об иных слабых сторонах пособия. Книгу (как и первую часть) отличает непростой, сухой, «научный» язык, которым написаны некоторые разделы.

Такой подход в определенной степени затрудняет восприятие учебного материала школьниками.

Далее, на наш взгляд, авторы несколько идеализируют историю коми народа этого периода, уделяя мало внимания социальным конфликтам, сложностям в развитии экономики, отсталости в развитии культуры (например, почти ничего не сказано о низком уровне грамотности населения края).

Возможно, многих погрешностей можно было бы избежать, текст и оформление издания в определенной степени усовершенствовать, если бы макет книги был бы обсужден с участием педагогов вузов и общеобразовательных школ, родителей учащихся, общественности. И результаты этого обсуждения были учтены при окончательной доработке издания.

Впрочем, такие поправки неизбежны в столь большом деле. Пока же мы верим, что книга займет должное место в ряду учебных пособий по истории коми. Но она не просто найдет достаточное применение в преподавании в средней школе, в техникумах и вузах. Полагаем, что текст вызовет интерес у людей, интересующихся коми историей.

Мы должны понимать, что выход в свет нового учебного пособия – это определенный рубеж в развитии коми школы, коми культуры. Но на этом рубеже нельзя останавливаться. Нужно продолжить работу и разработать учебное пособие для школ республики по периоду с начала XX столетия до наших дней. Нужен республике и вузовский учебник по коми истории.

И еще добавим. Это красочное, хорошо оформленное издание, напечатано сравнительно небольшим, даже для сегодняшних дней, тиражом (1 тыс. экземпляров). Если вспомнить, что в республике сегодня около 400 школ, колледжей и иных образовательных учреждений, более 300 библиотек, то становится ясно, что это недопустимо мало.

Также следует помнить, что издание учебного пособия – это только один из шагов на пути к становлению преподавания нового предмета в школах. Ведь до сих пор у нас нет специальных курсов по подготовке учителей краеведения, отсутствуют должные источники информации и методическое обеспечение предмета. Подготовленных учебных пособий и интернет-источников явно недостаточно. Конечно, школьным педагогам в определенной мере помогали и помогают научно-популярные [8–10] и научные книги [11], которые вызывали и продолжают вызывать неподдельный интерес жителей республики. Но учитель должен иметь твердый учебный план, рабочую программу по учебному предмету. Разумеется, можно упомянуть, что есть курсы внеурочной деятельности по изучению истории родного края, дополнительные общеразвивающие программы. Некоторые темы по изучению родного края представлены в рамках федеральной рабочей программы учебного предмета «История».

Однако этого мало. Предстоит сделать еще очень многое, сегодня все: от родителей до представителей Министерства просвещения, понимают, сколь необходимо и востребовано знание истории родного края в школе. Ведь, в том числе, и благодаря этим знаниям формируется гражданская позиция человека. А это чрезвычайно важно.

Литература

1. Рогачев, М. Б. История Республики Коми. 7–11 кл.: учебник для общеобразовательных учебных заведений / М. Б. Рогачев, И. О. Васкул, И. Л. Жеребцов [и др.]. – Москва : ДИК, 2000. – 448 с.
2. Путин поручил ввести в школах изучение истории родного края. – URL: https://aif.ru/society/putin_poruchil_vvesti_v_shkolakh_izuchenie_istorii_rodnoogo_kraya (дата обращения: 29.07.2024).
3. Путин поддержал предложение ввести изучение истории родного края в школах по всей России. – URL: <https://tass.ru/politika/16249061> (дата обращения: 29.07.2024).
4. В Минпросвещения рассказали, как в школах будут преподавать историю родного края. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-minprosveshheniya-rasskazali-kak-v-shkolakh-budut-prepodavat-istoriyu-rodnoogo-kraya.html> (дата обращения: 29.07.2024).
5. В школах России планирую ввести урок «История нашего края». – URL: <https://растимдетей.рф/news/v-shkolax-rossii-planiruyut-vvesti-urok-istoriya-na> (дата обращения: 29.07.2024).
6. История Коми с древнейших времен до конца XVII века. 6–7 классы: учебное пособие для образовательных организаций Республики Коми / под общей редакцией И. Л. Жеребцова. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2022. – 224 с. Отзыв на данное издание см.: Золотарев О. В. История Коми с древнейших времен до конца XVII века. 6–7 классы: учебное пособие для образовательных организаций Республики Коми / под общей редакцией И. Л. Жеребцова. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2022. – 224 с. // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 1 (59). – С. 231–232.
7. Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. – Т. 1. – 472 с.; 1999. – Т. 2. – 576 с.; 2000. – Т. 3. – 400 с. и др.
8. Жеребцов, И. Л. История Республики Коми: научно-популярные очерки / И. Л. Жеребцов, Э. А. Савельева, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1996. – 286 с.
9. Жеребцов, И. Л. Историческая хроника Республики Коми / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев, М. Б. Рогачев [и др.]. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2002. 344 с.
10. Жеребцов И. Л. Коми край. Очерки о десяти веках истории / И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2003. – 368 с.
11. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 560 с.; Т. 2. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 704 с.

*О. В. Золотарёв,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

События

XII Международный симпозиум по исторической демографии, г. Сыктывкар, 4–6 июля 2024 года

В Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (далее – ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) 4–6 июля 2024 г. прошел XII Международный симпозиум по исторической демографии. Организаторы симпозиума представлены сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, кафедры истории России Белорусского государственного университета (далее – БГУ), Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Северной секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, Отделения Российского исторического общества в Республике Коми.

Традиционно на симпозиуме обсуждались проблемы источниковедения и историографии: типы источников по историко-демографическим процессам, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований, перспективы их развития и практическая значимость, а также демографические процессы в России и других странах в различные исторические периоды и на современном этапе, актуальные вопросы историко-географических и этнодемографических исследований.

На симпозиум было представлено 58 докладов исследователями из Российской Федерации (Москва, Сыктывкар, Ростов-на-Дону, Киров, Оренбург, Екатеринбург, Нижневартовск, Элиста), Республики Беларусь, Китайской Народной Республики (далее – КНР), Словакии.

В приветственном выступлении директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН И. Л. Жеребцов обозначил проблему демографического потенциала и трудовых ресурсов Севера как наиболее актуальную на сегодняшний день и требующую государственного решения. Он отметил, что впервые на симпозиуме будет работать отдельная секция на базе кафедры истории России БГУ. На секции было представлено 12 докладов сотрудниками и аспирантами кафедры истории России, а также магистрантами из КНР, проходящими обучение в БГУ. Доклады были посвящены вопросам урбанизации и историографии социально-демографических исследований. Доклады китайских исследователей раскрывали вопросы миграции на Дальнем Востоке в XIX и XX вв. С приветственным словом также выступил профессор кафедры истории России БГУ В. И. Меньковский (Минск). Он отметил важность многолетнего сотрудничества ИЯЛИ и БГУ, которое активно развивается.

В своем приветственном выступлении директор Института этнологии и антропологии РАН А. Е. Загребин (Москва) назвал важной вехой повышение статуса журнала «Историческая демография», который много лет выпу-

Events

XII International Symposium on Historical Demography Syktyvkar, July 4–6, 2024



Фото 1. Пленарное заседание XII Международного симпозиума по исторической демографии. 4 июля 2024 г. Президиум, слева направо: Д. В. Васильев (Москва), В. И. Меньковский (Минск), председатель оргкомитета И. Л. Жеребцов (Сыктывкар), А. Е. Загребин (Москва), Б. У. Серазетдинов (Москва) (фото Н. М. Игнатовой).

Photo 1. Plenary session of the XII International Symposium on Historical Demography. July 4, 2024, the Presidium from left to right: D. V. Vasilyev (Moscow), V. I. Menkovsky (Minsk), Chairman of the Organizing Committee I. L. Zherebtsov (Syktyvkar), A. E. Zagrebina (Moscow), B.U. Serazetdinov (Moscow) (photo by N. M. Ignatova).



Фото 2. Авторский коллектив научной монографии «Формирование и развитие системы расселения в Республике Коми в конце XVIII–начале XXI в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Выпуск 2».

Слева направо: В. И. Силин, У. В. Лыткина, Н. М. Игнатов, Д. В. Вишнякова, А. П. Обедков (фото Т. Е. Гончаровой).

Photo 2. The team of authors of the scientific monograph "Formation and development of the settlement system in the Komi Republic at the end of the XVIII – early XXI centuries: historical, demographic and historical-geographical studies of the Russian North. Issue 2».

From left to right: V. I. Silin, U. V. Lytkina, N. M. Ignatova, D. V. Vishnyakova, A. P. Obedkov. (photo by T. E. Goncharova).

скался в Институте языка, литературы и истории силами сотрудников сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера, а с 2023 г. является журналом списка ВАК и издается через редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Также он подчеркнул необходимость исследовать как новации, так и традиции, так как «любая новация превра-

щается в традицию». С приветственными словами также выступили профессор Департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета Д. В. Васильев (Москва), ведущий научный сотрудник Центра военной истории Института российской истории РАН Б. У. Серазетдинов (Москва).

Пленарные доклады вызвали интерес и активное обсуждение. Пленарный доклад В. В. Фаузера (Сыктывкар) о динамике численности населения Российского Севера был посвящен особенностям освоения Севера и представлению о регионе в государственной демографической политике в XX в., были проанализированы термины «Советский Север», «Северные окраины», «Арктика», «Статусные этносы на Севере», «освоение Севера», «Арктические территории». В докладе В. И. Меньковского (Минск, Республика Беларусь) были даны анализ реализации мероприятий по районированию в СССР и их оценка в советской и современной историографии. Автором выделены принципы районирования, рассмотрены изменения понятийной и географической наполняемости терминов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в XX–XXI вв. Д. В. Васильев (Москва), описывая историю Мургабского государственного имения в начале XX в., рассмотрел состав и динамику населения имения, вопросы закрепления русских переселенцев и коренных жителей на новых освоенных территориях Средней Азии, строительство и эффективность созданной оросительной системы, построенных плотин и водохранилищ, влияние водно-оросительных объектов на закрепление населения на изначально безводных территориях. В докладе Б. У. Серазетдинова (Москва) была рассмотрена историографическая традиция изучения Ханты-Мансийского автономного округа и Алтайского края в середине XX в., особое внимание уделено миграциям населения в этих регионах. Также были представлены пленарные доклады исследователями из Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Кирова, Сыктывкара, Астаны (Казахстан), Банска Быстрицы (Словакия) по проблемам миграций, смертности населения, общих демографических процессов, историко-демографической историографии.

Секционные заседания работали в течение двух дней, на секциях помимо очных докладов были заслушаны онлайн доклады исследователей из Ростова-на-Дону: С. Я. Суцего, Д. И. Узнародова и Д. Д. Челпановой, представлявших научный проект по изучению ассимиляции русского населения зарубежом.

Очно были озвучены доклады В. И. Силина «Статистические сведения о некоторых городах Севера в Российских географических словарях конца XVIII–XIX века» (рассмотрены динамика и половозрастной состав населения крупных населенных пунктов Европейского Севера); Э. А. Савельевой «Ремесла вычегодских пермян, предков коми-зырян, в эпоху средневековья» (автором дан анализ раскопок погребений женщин-литейщиц, выделение женского литейного ремесла у предков коми-зырян в Княжпогостском районе XII–XIII вв., технологические приемы, инструменты, особенности бронзолитейного и кузнечного производств); М. А. Мацука «Государственные крестьяне Вымских волостей Яренского уезда в начале XVIII в.: демо-



Фото 3. Заседание симпозиума 5 июля 2024 г. Доклад читает О. А. Куратов (фото Н. М. Игнатовой).

Photo 3. The symposium meeting on July 5, 2024. The report is read by O. A. Kuratov (photo by N. M. Ignatova).

графическая характеристика» (рассмотрены социальный и половозрастной состав населения, особенности государственной политики мобилизации населения для освоения земель в Сибири); С. А. Попова «Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х гг.», Д. В. Вишняковой «Младенческая смертность на европейском севере России (конец XIX–начало XX в.)»; Н. М. Игнатовой «Альбом 1931 года “Районное планирование Великоустюгского, Котласского и Лальского районов Северного края (Котласского агропромлесокombината)”: новые источники по истории Европейского Севера», О. А. Куратова «Отхожие промыслы населения Печорского уезда в конце XIX – начале XX вв.»; У. В. Лыткиной «Брачность и разводимость населения Республики Коми в 1920–1980-е годы»; А. П. Обедкова «Исследование захоронений некрополя как источник этнодемографической информации (на примере Центрального кладбища города Сыктывкара)»; П. Ф. Лимерова «К. Ф. Жаков о населении Европейского Севера России» и др.

Заочные доклады были представлены исследователями из Москвы, Ростова-на-Дону, Элисты, Нижневартовска и Сыктывкара, в них авторы раскрывали вопросы административно-территориального формирования России, расселения, миграций, численности и состава населения, климатических и производственных факторов влияния, этнодемографических процессов, описывали новые источники и развитие изучения демографических процессов.

На симпозиуме состоялась презентация коллективной монографии «Формирование и развитие системы расселения в Республике Коми в конце XVIII–начале XXI в.», подготовленной сотрудниками сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Издание является вторым выпуском серии коллективных монографий «Историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера». Монография посвящена исследованию процесса расселения населения на территории Республики Коми в современных границах, рассмотрены динамика развития поселенческой сети сельских и городских населенных пунктов, особенности формирования системы расселения в Республике

Коми, представлен анализ исторических и географических источников по истории населения, научной исследованности темы.

В рамках симпозиума в ИЯЛИ ФИЦ НЦ УрО РАН состоялся круглый стол этнологов и фольклористов «Народы и культуры». Руководитель круглого стола и. о. директора Института этнологии и антропологии РАН А. Е. Загребин подчеркнул важность подготовки фундаментальных научных трудов, как изданный в 2000 г. в академической серии «Народы и культуры» том «Народы Поволжья и Приуралья», содержащий в том числе главу «Народы коми (коми-зыряне и коми-пермяки)». Он отметил, что пришло время для осмысления новых данных, материалов и выводов. В 2024 г. предполагается создание рабочих групп, с 2025 г. Институт этнологии и антропологии РАН планирует начать работу над вторым, дополненным и исправленным изданием тома «Народы Поволжья и Приуралья».

На заключительном пленарном заседании участники симпозиума отметили высокий уровень подготовки и организации научного форума, важность международных научных связей и совместных исследований, как позитивный опыт было обозначено онлайн участие с докладами исследователей из Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), такой формат расширяет перспективы для дальнейшего сотрудничества с учеными из разных регионов Российской Федерации и других стран.

Доклады участников симпозиума публикуются в данном номере журнала «Известия Коми научного центра» серии «Историческая демография».

*к.и.н. Н. М. Игнатова,
зав. сектором историко-демографических
и историко-географических исследований
Российского Севера ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*



Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ
Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук
Серия «Историческая демография»
№ 10 (76)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Милохин

Выпускающий редактор – И. В. Курляк

Редактор – О. А. Гросу

Переводчик – Т. А. Исакова

Оригинал-макет – Д. В. Осипова, Е. Н. Старцева

Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 24.12.2024. Дата выхода в свет 26.12.2024.

Уч.-изд.л. 17,5. Усл.-печ.л. 14,0. Тираж 300. Заказ № 51.

Формат 60х84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.